

МИР НЕЖИТИ

КНИГА I

Андрей Никифоров

Много раз тёмные силы пробовали завоевать мир. И однажды это удалось Высшей нежити. Мир обрёл облик под стать своим новым хозяевам: мёртвая пустошь, ставшая пристанищем для скитающихся бесхозных зомби и трупоедов; выжившие люди и эльфы низведены до безвольного скота, который в загонах выращивают вампиры и личи. Одолев живого врага, владыки нежити теперь борются за власть друг с другом.

Но не всех устроил новый мир. Высшая вампирша отчаянно ищет запретные способы вновь обрести утраченную жизнь...

Глава 1 — Мёртвый мир

Призрак парила высоко, обозревая пустынную и светло-серую, словно кожа трупа, землю. На ней не цвели зеленеющие леса — виднелись только сухие пни, которые торчали, будто покосившиеся могильные плиты на заброшенном кладбище, с чьих поверхностей давно стёрлись имена и даты. Изредка взор призрака цеплялся за каменные руины поселений. Когда-то в них кипела жизнь, и чья-то смерть сменялась рождением. Ныне же единственные обитатели этих развалин — Бесхозная нежить, что обречена бесцельно бродить меж остовов, терзаемая неутолимым голодом.

Призрак спикировала к земле, и пронеслась над поверхностью, поднимая вихри из песка и праха. А затем бесплотная нежить снова воспарила к густому покрову грязно-жёлтых облаков. Сквозь них почти никогда не пробивались солнечные лучи, так что даже в полдень всюду царил сумрак. Мертвецы не любят света, а потому ещё во времена Войны затмения вампиры и личи использовали могущественные чары, чтобы скрыть мир от дневного светила.

Призрачный, но зоркий глаз и сейчас замечал свидетельства той Войны: ржавые мечи и копья, вонзённые в твердь; выцветшие знамёна родов и королевств, канувших в небытие; груды раздробленных черепов. Здесь отгремело множество сражений, в которых бесчисленные армии под руководством Высшей нежити и лича Онгхуса нанесли сокрушительное поражение войскам живых.

— Славное было времечко, — предаваясь воспоминаниям, призрак замедлилась. — Сколько десятилетий прошло, а кажется, будто всё происходило вчера. Сколько алой крови лилось, сколько страданий витало здесь, сколько смертей в одном месте, м-м-м! Жаль, что теперь такого не повторить.

Хотя в разных частях света королевства живых сопротивлялись ещё много лет, после здешнего сражения исход войны был предрешён. В конце концов мир окончательно оказался под властью нежити. Люди, эльфы и многие другие разумные существа были поработены мертвецами и доведены до состояния безвольного скота — так их и называли. Живой скот разводили и выращивали в деревнях-загонах, чтобы питать нежить плотью, кровью, эманациями боли и душами.

Однако устранив общего врага и очаги сопротивления, Высшая нежить более не имела причин оставаться единой силой под водительством лича Онгхуса. Он объявил себя императором мертвецов, но вскоре его окружение начало между собой грызнуть. Они бились друг с другом за края, на которых были рудные месторождения или струились источники магической силы. Воевали за места, окаймлённые реками — естественные преграды, которые не могут преодолевать многие виды Водимой нежити и даже некоторые из Низших. Удобно, когда армии враждебного лорда отделены от твоих угодий водными границами. И, конечно, боролись за обладание поселениями с живым скотом. Междоусобица не выявила неоспоримого победителя — мертворождённая империя Онгхуса распалась на множество королевств нежити, периодически воюющих друг с другом.

Призрак вспугнула стаю грифов и, не сбавляя хода, мгновенно выпила душу одного из них. Безжизненное тело птицы устремилось к земле.

— Бе-е-е, какая дрянь на вкус! — призрак сморщила лицо. — Надеюсь, никто не узнает, что я съела душу животного — стыд мне, если кому-нибудь станет известно! Ну а куда

деваться, если путешествие долгое, а баловать себя нечем?

Птиц, да и вообще животных, осталось очень мало. Когда исчезло многое из растительности, то вымерли почти все травоядные, за исключением самых неприхотливых, способных питаться даже пустынным терновником — верблюды, например. Следом за травоядными пали хищники — из тех, кто не смог полностью перейти на падаль. Падальщики держатся и сегодня, а в первые годы Эпохи тьмы они процветали. Тогда не зная недостатка в гниющей плоти, чёрные облака мух заполнили весь мир, сотрясая его жужжанием, сравнимым с шумом урагана. Во время Войны затмения некроманты творили так много заклятий, что был нарушен покой всех кладбищ и гробниц: несчётное множество свежих зомби покинуло могилы как Бесхозная нежить. Они становились добычей для волков, грифов и других трупоедов. Но шло время, гниющая плоть Бесхозных исчезала, а кости обратились в труху. Сегодня попадаетея всё меньше свежих зомби, скитающихся без господина. Так что падальщики тоже на грани выживания. Иногда голод заставляет их пробираться за добычей в загоны для живого скота подобно тому, как в Эпоху света вороватые лисицы вторгались в курятники.

— Наконец-то я дома!

Призрак полетела к замку, окружённому деревнями скота. Она приземлилась на балкон одной из башен, и прошла прямо сквозь закрытую витражную дверь. Охранные чары не подняли тревогу, распознав слугу замка.

Призрак оказалась в просторном слабоосвещённом зале, в центре которого располагался длинный полированный стол из чёрного дерева и с изящными ножками, украшенными сложной резьбой. В Эпоху света за создание этого стола наверняка пришлось щедро заплатить. А уж сейчас, — когда живых лесов не сохранилось; когда дерево всегда в недостатке, который не покрывали даже посадки у деревень скота; когда древесный ствол стоит дороже десятков человеческих душ — такая мебель оценивается как целое состояние.

Над столом разветвлялись золотые подсвечники со свечами, чьи огоньки робко отталкивали мрак, показывая разнообразные блюда. Однако это были вовсе не те яства, что употребляла Высшая нежить. Никаких кубков, наполненных кровью; не было ещё трепещущих сердец, только что вырезанных из юных девственниц; не было и сосудов, служащих вместилищем для душ, покинувших тела от многонедельных изуверских пыток. Нет, вместо всего этого стол изобиловал кушаньями, какие в Эпоху света готовились для благородных господ и дам — живых. Свинина в густой подливе, куриные пироги; форель, прожаренная до золотистой корки; смородина, клубника, медовые витушки и сыр, сложенные на тарелках в причудливые узоры — вот то небольшое из длинного списка, от чего ломился стол. А вот живые господа и дамы — сидят в роскошных одеяниях по обе стороны.

Однако от внимательного взора призрака, способного видеть глубинную суть вещей, не укрылось, что всё это кулинарное богатство — обман. Да и не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться: многое из этой пищи в нынешних проклятых условиях раздобыть или вырастить попросту невозможно. Мясо, фрукты и овощи слеплены из глины, а колдовство лишь придало им съедобный вид. Да и люди держатся уж слишком зажато и скованно для тех, кто воспитан в знатном этикете.

Призрак улыбнулась, смекнув, что затеяла её госпожа — та дама, что восседает во главе стола. Она одета в красное шёлковое платье и чёрный корсет. Её движения столь грациозны и уверенны, что не возникает никаких сомнений: из всех собравшихся в зале эта женщина — единственная, в чьих жилах течёт благородная кровь.

Только это было не единственное отличие. Куда больше бросалось в глаза другое. У людей, сидящих вдоль стола, при скудном свете на лицах угадывался румянец; поблескивали капельки пота; слышались сдержанные вздохи и выдохи. Но кожа госпожи была мертвенно-бледной, контрастируя с обсидианово-чёрными длинными волосами, аккуратно спускающимися вдоль плеч. Её грудь не вздымалась от дыхания, хотя в таком плотном корсете любой женщине непременно пришлось бы усиленно дышать. А глаза, в которых отражались огоньки свечей, ни разу не сомкнулись даже спустя несколько минут, как будто госпожа была змеей, долго готовящейся к хищному броску.

— Великодушно благодарим, что устроили для нас этот изысканный ужин, леди Киния Ковентина, — с достоинством произнёс один из мужчин, стараясь чётко выговаривать каждое слово и делая это даже слишком усердно. — Вы оказываете нам большую честь.

Он поднял голову и посмотрел на госпожу, но было заметно, что это простое действие далось ему с таким трудом, будто приходилось тянуть шей тяжкий груз, а взор через силу удерживать на солнце в зените.

— О, что вы, лорд Беленус, — тепло ответила Киния, будто не заметив скованных движений лорда. — Это вы сделали мне честь, посетив мой скромный праздник. Это я вас должна благодарить, лорды и леди, что откликнулись на приглашение. Ну что ж... давайте приступим к трапезе.

Сама Киния, однако, к еде притрагиваться не спешила, но пристально наблюдала за «гостями». В тишине едва слышно позвякивали вилки и ножи.

— Ты!..

Прежде неподвижная, как статуя, Киния вскочила и резко указала пальцем на девушку у противоположного конца стола. Все люди замерли и боялись даже шелохнуться.

— Вилку нужно брать правой рукой, а нож — левой, тварь! — лицо Кинии исказила яростная гримаса.

— Прощу прощения, — протараторила девушка, иначе перехватив столовый прибор.

Ещё несколько мгновений Киния буравила её взглядом. Убедившись, что этикет соблюден, Киния медленно опустилась на стул и приняла бесстрастный вид.

Беленус ювелирно подцепил вилок кусочек форели и понёс его ко рту, но на полпути еда соскочила с зубца. Беленус застыл так, будто время внезапно остановилось. Однако новой гневной вспышки не последовало — Киния не заметила неподобающей оплошности или же сделала вид, что не заметила. Вспотевший Беленус подцепил новый кусочек и убедившись, что он нанизан достаточно крепко, направил его ко рту с такой осторожностью, будто держал на зубце всю свою жизнь, ставшую сейчас очень хрупкой. На сей раз получилось осуществить ответственное дело. Тихонько прожевав форель, которая по вкусу больше походила на старую тряпку, он выпрямился и сказал:

— Как замечательно готовят у вас блюда, леди Киния. Хотелось бы ещё отведать вашего прославленного вина.

— С удовольствием угощу вас, — радушно ответила Киния.

Из темноты вышла девушка, державшая кувшин с вином. В первую очередь она наполнила кубок хозяйки. При этом руки служанки предательски дрожали, но ей всё же удалось не расплескать ни капли. Затем девушка пошла к Беленусу.

В этот момент призрак, которая оставалась незаметной даже для Кинии, придала своей ноге твёрдость и подставила служанке подножку. Девушка распласталась на полу, а кувшин покотился со страшным звоном.

Но, как и в случае с Беленусом, Киния опять не подала виду, будто ужин протекал не по плану. Она просто сидела, без выражения глядя прямо перед собой. Другие, казалось, тоже ничего не замечали. Только призрак бесшумно хихикала, перелетев в угол зала. Служанка сперва долго стояла на четвереньках, ожидая кары. Но так и не дождавшись, понадеялась, что пронесло, и медленно поднялась.

Только что Киния сидела, но лишь мгновение ока, и она оказалась рядом с провинившейся девушкой. Госпожа схватила её за шею одной рукой, и без видимых усилий подняла над полом.

— Тупой скот! — заорала Киния, показав вампирские клыки.

Она сильнее сомкнула пальцы и встряхнула служанку. Кровь прилила к её лицу, а глаза чуть ли не вылезли из орбит. Девушка схватилась за холодную руку госпожи, тщетно пробуя разжать хватку, но потом обмякла, свесив конечности как тряпичная кукла. Киния отшвырнула её в сторону, и повернулась к «гостям».

— Ничтожества! — кричала вампирша, размахивая руками. — Давно обучаетесь этикету, но не смогли сыграть даже начало ужина! Вы все наделали кучу ошибок! Я проведу вас всех через нестерпимые страдания!

Во время тирады «гости» покорно опустили головы и съёжились. Вампирша подскочила к тяжеленному столу, и опрокинула его со всеми яствами так, что он отлетел в другой конец зала.

— Все во-он! Назад в загоны, скотина!

Люди повыскакивали из зала со скоростью, мало чем уступавшей вампирской прыти. Только служанка осталась — она всё ещё лежала без движения. Вампирша приблизилась к ней, двигаясь так, словно не шла, а парила над полом. Киния склонилась над телом и аккуратно, даже нежно, приподняла голову служанки.

— Проклятье, — прошептала Киния.

— Иногда мы забываем, сколь хрупка жизнь, — невинно сказала призрак, возникнув за плечом Кинии. — Чуть-чуть перестарайся, и любимая игрушка сломана. Ах, как жаль!

Призрак картинно приложила ладонь ко лбу. А вампирша смахнула слезу с холодеющей скулы девушки.

— Я из себя и слезинки выдавить не смогу, — произнесла Киния. — Не могу оплакать кого-то. Не могу ощутить вкус еды. Уже забыла многие чувства. Только злоба ещё сильна во мне, да и та не человеческая. Имя — вот всё, что осталось от прошлого, когда я ещё могла дышать...

— Госпожа, если желаешь устроить сценку из прошлой жизни, то почему бы тебе не поручить это зомбям? — призрак закружилась вокруг вампирши и трупа. — Они ведь куда исполнительнее и уж точно не ошибутся. Скорее обрати в зомби девицу, пока ещё тельце свеженькое.

— Всё шутишь, Уна! Ты прекрасно знаешь, что зомби медлительны и неуклюжи. Да и не зомби окружали меня в прошлом, а люди.

«И как только свезло этой дуре стать Высшей нежитью?! — подумала вампирша, бросив недовольный взгляд на миловидную полупрозрачную женщину тридцати лет, одетую в заштопанное крестьянское платье».

Впрочем, Киния примерно представляла, как Уна добилась этого, пускай и случайно. В Эпоху света Уна была многодетной ничем непримечательной крестьянкой. Однажды — когда муж и отец отлучились из дома, отправившись с obroком к землевладельцу — то ли

помешавшись умом, то ли оказавшись под властью некоего заклятья, Уна с особым изуверством убила всю присутствующую семью, начиная от малюток и старшего отрока, и заканчивая бабкой и дедом. Да не просто убила, а ещё и всячески надругалась над телами. Когда неслыханное преступление обнаружилось, народ счёл Уну воплощением зла, ибо даже самая тёмная и заблудшая душа неспособна учинить такое злодеяние. Детоубийцу сожгли заживо. Неведомо каким образом, но невыносимые предсмертные страдания Уны слились с душами убиенных ею детей, высвободив страшную силу, которая возникает при ритуальном колдовстве с многочисленными жертвоприношениями — магия, доступная только самым искусным некромантам.

Так мать-детоубийца обратилась призраком и Высшей нежитью, которая первым делом сожрала души всех деревенских жителей, а потом принялась опустошать окрестности. Быть может, со временем человеческие волшебники или паладины сразили бы то чудовище, каким стала Уна. Но началась Война затмения, и призрак влилась в армию лича Онгхуса, где присягнула на верность вампирше Кинии Ковентине.

— Прошу прощения, госпожа! — опомнилась Уна. — Чуть не забыла, зачем пришла к тебе. Когда я осматривала твои владения, то встретила посланника императора Онгхуса.

Лич Онгхус упрямо требовал, чтобы его величали императором, хотя его владения давно были немногим больше и богаче окружающих королевств.

— Что он передал? — Киния встала.

— Он зовёт тебя и других лордов на войну. Против лича Эмраса.

— Хм, так старик всё-таки отважился восстать против нашего сюзерена. Что ж, хорошо. Мне как раз не помешает развеяться. Созывай моих рыцарей смерти.

— Низшую нежить готовить к походу?

— Нет, она задержит нас. Справимся и неполными силами. За дело.

Мёртвые кони несли рыцарей смерти без усталости, за четыре ночи преодолев расстояние, какое живые скакуны со всадниками проходили за несколько недель. В пути отряд Кинии останавливался редко и ненадолго, ведь высшие вампиры не нуждаются в продолжительном сне. Нет необходимости тащить обозы с едой и походным снаряжением или добывать фураж. Костяным коням и вампирам всё это с лихвой заменят алхимические склянки с кровью и душами, которые можно выпивать не сбавляя хода.

— Ты, госпожа, как обычно, образцово пунктуальна, — сказала Уна почтительным тоном, но в котором угадывались насмешливые нотки. — Так спешила, что прибыла загодя.

Остановив коня на вершине холма, Киния осмотрела место сбора. Её взору предстали тысячи зомби, скелетов и вурдалаков, построившихся идеально ровным порядком и ожидающих приказа некромантов. Слаженность этих воинов, а также их беспрекословное следование приказам, восхитили бы сердце любого командира, занимающегося строевой подготовкой. Вот только боевые навыки скелетов и зомби оставляли желать лучшего. В гниющих мышцах и костях, чья целостность поддерживалась колдовством, было не так уж много силы. Да и вооружением не похвалишься: обветшалые кожаные куртки или оборванные кольчуги; проржавевшие палицы и мечи со сломанными или затупленными клинками — всё это изготовили аж в Эпоху света. Луков и арбалетов не имелось, ведь старое дерево давно пришло в негодность, а нового не хватало, чтобы массово снаряжать полки стрелков. Да и не нужно это, ведь роль Водимой нежити вовсе не в том, чтобы стать на поле боя серьёзной ударной силой. Она лишь должна принять на себя основные атаки, отвлекать и сковывать силы противника. Но чаще всего мертвяки занимались грязной работой: сооружали оборонительные насыпи, тащили обозы или осадные орудия.

Во время Войны затмения некроманты вели в битвы миллионные армии этого тухлого мяса. В нынешних войнах численность ратей куда скромнее, ведь теперь Водимую и Низшую нежить можно пополнять только за счёт живого скота, которого слишком много не разведёшь из-за недостатка пищи. Но даже по нынешним меркам то войско, которое сейчас наблюдала Киния, являлось отнюдь немногочисленным.

— Странно, — задумчиво произнесла она. — Никто не подоспел, кроме меня и Онгхуса?.. Идём.

Хоть Киния сетовала, что не может насладиться вкусом человеческой еды, зато как высший вампир она отлично чувствовала запахи. Киния была ещё за несколько лиг от войска, как ей в ноздри ударила тяжёлая затхлость. В сражениях Войны затмения почуяв это невыносимое зловонье, источаемое бесчисленной гниющей армией, живые солдаты падали духом — а иногда и на колени, извергая содержимое желудков — ещё до боевого столкновения. Человеческим магам даже приходилось творить попутный ветер, чтобы облегчить соратникам условия. К счастью, Кинии не требовалось таких хитростей, ведь она не дышала, а потому могла попросту заглушить своё обоняние.

Следом за Кинией ехал её отряд: не более сотни рыцарей-вампиров, хотя вместе они стоили целой армии. Все они были искусны в ближнем бою и способны творить магию.

В лагере Киния встретила с главами войска.

— Мой император, — учтиво, но без подобострастия сказала она. — Мы явились по твоему зову.

Вампирша спешила, и поклонилась сгорбленному скелету, чьи кости обтягивала фиолетовая мантия. На ассиметричном черепе Онгхуса беспорядочно выступали бугры и костяные шипы. Можно было подумать, что обладатель такой уродливой головы родился от противоестественной связи существ, принадлежавшим к разным видам, хотя, скорее всего, череп исказился, когда стал вместилищем для очень сильных и злых чар. В провалах глазниц, больше напоминавших проломы от удара киркой, не сияли магические огоньки очей, как у других восставших магов. Там словно клубился непроглядный мрак, и чем больше всматриваешься в него, стараясь обычным или магическим зрением зацепиться хоть за что-то определённое, тем больше испытываешь пугающее чувство погружения в бездонную темноту. Потому даже Высшая нежить не отваживалась надолго встречаться со «взглядом» Онгхуса.

Когда-то он был невообразимо силён. Онгхус приносил в ритуальную жертву целые города, чтобы повысить свою мощь, и одним заклинанием обращал в прах многотысячные рати живых. Сегодня от той силы сохранилась лишь малая часть. Но даже с этим старым запасом магии Онгхус был куда могущественнее всех личей, каких знала Киния.

Впрочем, вампирша прекрасно понимала, что главное его оружие вовсе не колдовство, а дальновидный ум, порождающий хитросплетения интриг, и это качество император едва ли растерял за прошедшие десятилетия.

Позади Онгхуса возвышался скелет громадины, чью голову венчали толстые длинные рога. Из спины умертвия торчал костяной каркас крыльев, на котором болтались обрывки кожной перепонки. Ноги заканчивались массивными копытами. В руке скелет держал внушительную секиру, выкованную из красного железа — такого материала в здешних краях не сыскать. С поверхности оружия нескончаемо струился дым — будто с палки, только что вытащенной из костра.

Демон-нежить — мелькнуло в голове Кинии, видевшей подручную тварь Онгхуса далеко не в первый раз. Когда минула Эпоха света, обитатели огненной преисподней потеряли интерес к этому миру. Что здесь теперь делать, если так мало плоти и крови, а разрушать почти нечего? И всё же Онгхус умудрился не только притащить сюда огненного демона, но ещё и обратить его в нежить. И хоть он относился к Водимой нежити, целиком подчинённой хозяину, по своей силе костяной демон мало чем уступал свободной Высшей нежити.

— Хорошо, что ты прибыла, леди Киния.

Челюсти Онгхуса не двигались, да и не мог он говорить обычным образом, ведь не имел голосовых связок. Голос лича, лишённый эмоций, звучал гулким эхом, исходя откуда-то из глубины нутра.

— Император, неужели прибыла только я?

— Нет. Здесь же присутствует лорд Вейлин. И для победы нам хватит собравшихся.

А вот и он, лёгок на помине. Вопреки той консервативной моде, что с давних времён принята среди Высшей нежити, и в которой преобладали чёрные и красные цвета, Вейлин любил рядиться в одежды кричаще-ярких цветов, что, на вкус Кинии, смотрелось пошло и аляповато. На войну он объявился в голубом камзоле, на пуговицах которого поблескивали драгоценные камни. Поверх камзола нацеплен розовый кафтан, обшитый золотом и с пышными кружевами на полах. Ноги обуты в синие башмаки с отполированными до блеска пряжками. Быть может, предполагала Киния, лорд Вейлин тоже ностальгирует по прошлому, что выражается в его шутовском гардеробе — своего рода бунт против серости нового мира.

Если так, то Киния и Вейлин вполне могли бы заглядывать друг к другу в гости, чтобы в уютных тёмных покоях за кубками отборной крови предаваться воспоминаниям о солнечных деньках до вампирского обращения. Могли бы, но на деле они давно соперничали и даже презирали друг друга. Их владения соседствовали, имели спорные земли, так что иногда между пограничной нежитью лорда и леди случались стычки. Но и без этого соседи плели один против другого интриги и всячески старались напакостить.

Сейчас Киния и Вейлин обменялись неприязненными взглядами, которые даже не пытались завуалировать.

— Сомневаюсь, что лорд Вейлин поразит войска Эмраса яркостью своего туалета, — Киния не упустила случая подколоть соперника. — Собравшаяся армия всё ещё небольшая. Тем более на помощь Эмрасу наверняка подспеют войска из Витании.

Киния говорила о королевстве, что соседствовало с империей Онгхуса. Владения Эмраса были чем-то вроде баронства и находились на границе. Этот лич снюхался с лордами Витании и уже не раз нарушал вассальную клятву, не выполняя обязанности перед императором Онгхусом: пренебрегал призывами на войны и давно не оплачивал натуральный налог скотом или иным материалом. Дошло до того, что Эмрас восстал в открытую, понадеявшись на защиту Витании, у которой был свой интерес ослабить империю Онгхуса.

— Мы опередим Витанию, — ответил император. — Не дожидаясь её появления, мы нанесём по Эмрасу упреждающий удар малыми силами. Тогда Витании будет не за кого заступаться и незачем вступать в войну. По крайней мере, сейчас. Лорд Вейлин и леди Киния — выступаем.

Вопреки предположениям Кинии, готовить скучную и долгую осаду не пришлось: лич Эмрас не стал отсиживаться в своём замке, но решил на открытый бой в поле. Императорская армия выстроилась порядком, бывшим классическим ещё в военном искусстве Эпохи света: пехота из скелетов и зомби по центру, на левом фланге рыцари смерти Онгхуса, а на правом всадники, возглавляемые Вейлином — его легко заметить по золотистой кирасе и радужному плюмажу. Киния, с головы до ног облачённая в чёрный латный доспех, со своими рыцарями находилась в резерве на второй линии. Здесь же готовила заклятья группа некромантов-личей с самим императором.

Эмрас не мудрствовал лукаво и построил своё войско таким же образом.

— Почему Онгхус решил встретить врага именно здесь? — недоумевала Киния, оглядывая местность. — Много оврагов, холмы, вон мёртвый лес... Мало места, чтоб коннице развернуться!

— Может, наш император задумал сделать ставку вовсе не на конницу? — Уна летала рядом.

— Если так, то нам даже в битву вступать не придётся.

Подчиняясь неслышимой команде все как один, пехота императора двинулась навстречу врагу. Топали молча: мёртвым перед битвой не нужны вдохновляющие речи, не нужен барабанный марш, не нужно подбадривать себя боевым кличем; не нужна брань десятников, чтобы заставить шевелиться нерасторопных бойцов. Только дрянное вооружение позвякивало и шуршало, цепляясь за кости.

Сорвались с места рыцари. Сотни копыт подняли клубы пыли, которые ещё до столкновения частично закрыли обзор. Впрочем, это была проблема для живых полководцев прошлого. Мёртвые полководцы полагались на своё сверхъестественное обострённое чутьё, позволявшее оценивать положение на поле брани даже если пелена пыли застилала взор целиком.

Армиям живых знаком страх смерти, а потому перед столкновениями их пехота осторожничала: то сдержанно наступала, то вновь откатывалась от противника, чтобы перевести дух, перестроиться, и пойти в очередную атаку. Но скелеты и зомби не ведают ужаса. Их пустые черепные коробки не отягощены терзаниями о том, получится ли увидеть новый день и вернуться к семье. Потому императорские и вражеские пехотинцы самозабвенно бросились друг на друга, рубя и кромсая без боевого ража, но беспрерывно. Бешенный скрежет вытеснил все звуки.

— Веселье началось! — радостно воскликнула Уна.

Как ни странно, конница вступила в бой позже пехоты: даже прытким и неутомимым костяным скакунам приходилось замедляться, перебираясь через овраги или объезжая их. Но вот наконец правый фланг с Вейлином на полном ходу сшибся с вражескими рыцарями. У рыцарей левого фланга дела не задалось сразу: сперва увязли в пехоте противника, а потом, не успев отойти для новой атаки, попали под тяжёлый удар вражеской конницы.

— Мой император! — крикнула Киния, посмотрев на группу личей. — Не пора ли мне пойти на помощь с левой стороны?! Там рыцари несут потери!

— Пока оставайся на месте, — донёсся до неё бесстрастный голос Онгхуса. — Для тебя уготована иная роль.

Император и личи стояли кругом, проделывая пассы костлявыми руками. Киния чувствовала, как по их призыву собирается магическая сила, но не могла определить, что за чары творятся. Хмыкнув, вампирша повернулась к полю боя.

На левом фланге рыцари Эмраса успешно теснили императорскую конницу. Под мелькавшими копытами Киния различила несколько пустующих лат — их владельцы обратились в пепел после смертельных ударов. Умирая, вампиры сгорают, не оставляя даже костяка.

Личи завершили заклятье. Киния ожидала, что чары перережут магическую связь между вражескими некромантами и зомби-пехотинцами, сделав их настоящими мертвецами, которым полагается мирно почитать. Или что под их ногами развергнется тьма, из которой вылезут руки, что попытаются утянуть солдат в иной мир. Ну или ещё что-нибудь из того, к чему любят прибегать личи в междоусобицах. Однако Киния узрела нечто новое.

У правого фланга мёртвый лес пришёл в движение. Сухие деревья закачались, хотя стояла безветренная погода. Толстые и массивные ветви сгибались и скребили стволы. Корни извивались, словно стараясь вырваться из земли.

— Любопытно, — прошептала Киния. — Не удивлюсь, если в Эпоху света лес был волшебным. Иначе как ещё объяснить то, что трухлявые деревья до сих пор не упали? Ну-ка поглядим, что будет дальше.

А дальше у многих деревьев появились самые настоящие лица: дупла смыкались как рты, обладатели которых что-то неразборчиво шептали; открылись пустующие глазницы. И вот уже древесные великаны покидают вековые стоянки, шагая тяжёлой поступью и размахивая длинными руками с когтистыми пальцами-ветками.

— Ты права, дитя моё, — услышала Киния Онгхуса, — это не простой лес. Там жили

ЭНТЫ.

— Клянусь второй смертью! — восторженно изумилась Уна. — Я всяких зомбей видала: людей, эльфов, волков, птиц, свиней и даже зомби-гусеницу! Но и помыслить не могла, что существуют зомби-энты! Вот бы с ними поиграть.

— Сперва они поиграют с армией Эмраса, — сказала Киния.

Энты надвигались медленно, но неумолимо, грозя арьергарду вражеской армии, где должен был сидеть мятежный лич. Однако атаковать древесные великаны начали задолго до сближения: подбирали валуны или стволы обычных деревьев, чтобы метнуть их прямо в гущу сражающихся. Упав, импровизированные снаряды оставляли в рядах противника целые просеки.

— Киния! — окликнул Онгхус. — Энтов надолго не хватит — скоро Эмрас развеет чары. Но пока он будет слишком занят, чтобы следить за сражением. Этим нужно воспользоваться. Смотри, на правом фланге между конницей и пехотой появился промежуток. Проведи через него своих рыцарей, и атакуйте Эмраса. Принеси мне его голову!

Киния опустила забрало в форме скалящегося черепа.

— За мной!

И погнала коня вперед.

Киния направляла коня мимо задних рядов зомби и скелетов императорского войска. Маневрируя между пригорками и оврагами словно гигантская чёрная змея, отряд вампирши достиг правого фланга, и свернул к тому промежутку, про который упомянул Онгхус.

Мертвяки двух армией перемешались в схватке, так что уже нельзя было сразу разобрать, какой солдат за кого сражается, ведь пехотинцы не носили опознавательных знаков. Несмотря на то, что зомби не жалели себя и атаковали без устали, потери по обе стороны были незначительными. Удары приходились куда попало, изношенное оружие рассекало с трудом, а «живучесть» мертвяков позволяла им биться до тех пор, пока не будут отрублены или раздроблены руки и ноги. Но даже в таком изувеченном состоянии зомби и скелеты упорно пробовали подползти к врагу и вцепиться в него зубами. Сломав своё хрупкое оружие, солдаты с голыми руками кидались на противника столь самоотверженно, что любой берсерк позавидовал бы. Вот только зомби делали это совершенно беззлобно, отчего битва выглядела особенно завораживающе. Бесстрастное нападение смотрится куда более жутко, чем яростная и крикливая враждебность.

Группы дерущихся отделились от общей свалки и оказались на пути отряда Кинии. Одиноким зомби всадники попросту сшибали, не замедляя скорости, так что ошмётки тел разлетались по сторонам или же растаптывались в гнилую кашу. Кучки из нескольких мертвяков приходилось расшвыривать, вызывая незримый магический таран — благо такое колдовство не требовало большого затрата сил.

Но вот уже рядом сцепившиеся отряды вражеской конницы и всадников Вейлина. Киния узнала лорда несмотря на то, что его золотистый доспех со всеми яркими финтифлюшками был перемазан кровью и потрохами. Оставаясь на коне, Вейлин сражался с рыцарем смерти, умудряясь шпагой отводить размашистые удары широким двуручным мечом. К счастью, здесь вражеская конница была слишком поглощена битвой с конницей Вейлина, так что никто не пробовал задержать Кинию. Она промчалась мимо, про себя пожелав лорду-соседушке второй смерти.

Наконец, впереди замаячила ставка Эмраса. Там уже вовсю отбивались от зомби-энтов. Личи мятежника творили заклятья: метали в древесных великанов ледяные копья; вызывали под массивными ногами вязкую жижу, чтобы сковать движения; насылали проклятье гниения, от которого кора трескалась и опадала.

«Против энтов куда лучше подошло бы магическое пламя, — подумала Киния».

Но за всю Эпоху тьмы Высшая нежить так и не смогла овладеть огненными заклятьями, хотя до сих пор пыталась, учитывая их действенность против мертвецов. Эта магия была открыта для живых чародеев, а таковых давно не осталось. Обучать живой скот волшебству строго воспрещалось во всех королевствах.

Вампиры из телохранителей Эмраса метались под энтами и рубили ноги. Великаны пробовали поймать настырных кровососов, но неуклюжие лапы загребали только пустоту. Те энты, что ещё не успели вступить в ближний бой, хватали обычных зомби, и кидали их в скопления врага.

Киния заметила Эмраса, окружённого некромантами и вампирами. В отличие от многих других личей, мятежный лорд не брезговал полным доспехом. Только шлем оставлял открытым лицевые кости. Сейчас Эмрас увлечённо колдовал — скорее всего, творил чары,

что развеют некромантию Онгхуса.

— Туда! — крикнула Киния, впрочем, особо не рассчитывая, что кто-то расслышит её через стук копыт; а ещё из-за шлема, приглушающего голос.

Киния не прищипывала коня, достаточно было отдать ему мысленную команду бежать быстрее. Скакун, который и без того мчался полевым галопом, ускорился ещё больше. Для живой конницы разгон задолго до сближения с противником был бы непозволительной роскошью: лошади быстро выдохнутся, замедлятся и строй нарушится, так что вместо слитного сокрушительного удара получится хаотичный наскок, больше опасный для самих всадников. Но мёртвые кони держали строй, не сбавляя бешеного темпа.

Триста метров до противника. Один из вражеских рыцарей заметил новую угрозу и окликнул соратников.

Двести метров. Часть телохранителей собирается полукругом, готовясь встретить конницу.

Сто метров. Эмрас завершает заклинание, и все зомби-энты с треском обрушиваются, будто деревья, сломанные ураганом.

Тридцать метров. Киния и её рыцари опускают длинные копьё. Она нацеливает раскачивающийся от вибрации наконечник на вражеского вампира. Он посылает невидимый магический таран, подобный тому, каким Киния расшвыривала с пути толпы зомби. Но рядом летящая Уна создаёт волшебный барьер, и отражает атаку.

Полное сближение.

Вражеский рыцарь, ничуть не стесняемый тяжестью доспеха, сиганул навстречу Кинии. Вампирша своевременно приподняла копьё. Наконечник пробил латы, и вонзился в живот противника.

Передний строй всадников врезался в ряды телохранителей. Часть из них была смята, но некоторые устояли и даже приглушили наскок: одних рыцарей сшибли импульсами магической силы, а других выбили из седла встречными ударами в прыжке.

Киния хоть и сразила первого противника, недолго оставалась на коне — кто-то перерубил его передние ноги. Ещё до того, как скелетный конь покатился по земле, Киния отпустила копьё с мёртвым грузом, и прыгнула вперёд. На лету вампирша выхватила из ножен, притороченных к седлу, двуручный меч, по длине мало чем уступавший её собственному росту.

Позади и по бокам от Кинии закипел бой между её рыцарями и телохранителями Эмраса. Сам мятежный лорд находился впереди. Киния бросилась к нему, на ходу срубив голову какому-то личу.

Путь преградил рыцарь Эмраса, тоже вооружённый мечом. Киния одной рукой играючи крутанула двуручник, словно держала пёрышко. Рыцарь принял боевую стойку, обойдясь без силовых демонстраций.

Вампиры способны совершать очень быстрые рывки, пускай и нечасто. Подобный скачок Киния сделала, когда схватила злосчастную служанку — ту самую, что споткнулась с кувшином. И сейчас оба вампира рванули навстречу так, что их движений не смог бы различить человеческий взгляд.

Брызнул сноп искр. Киния и рыцарь будто просто поменялись местами. Противники стояли без движений спиной друг к другу. Через несколько мгновений из сочленений доспеха рыцаря, рассечения на кирасе и глазных отверстий шлема повалили дым и пламя. Из горячей гортани вырвался глухой яростный вопль, за которым последовал лязг падающих

доспехов.

Враг тоже зацепил Кинию, но удар пришёлся по краю шлема, основательно смяв его. Обошлось без ран, однако из-за погнутых щелей-глазниц обзор ухудшился. Заевшее забрало не открывалось. Пришлось быстрее стягивать с себя шлем, — к счастью, не прикрепленный к доспеху — пока кто-нибудь не воспользовался уязвимым моментом.

Освободив голову, Киния увидела, что теперь между нею и Эмрасом никого нет. Лич не терял времени даром и успел сотворить заклинание. В Кинию полетел белый магический шар, который должен был обратить тело вампирши в прах. Только если бы попал в цель — выручила Уна, своим колдовством перенаправившая снаряд Эмраса в сторону.

— Умничка! — выкрикнула Киния.

— Надеюсь, в награду позволите мне усыновить сладенького эльфийского мальчика! — судя по дрожащему голосу Уны, отражение чар далось ей нелегко.

«Наверное, ещё раз так защитить меня у неё не получится, — взяла на заметку Киния».

Увидев, что ближнего боя не избежать, Эмрас схватился за молот с таким огромным набалдашником, что им можно было ломать крепостные ворота как тараном или дробить головы великанов. Хватило бы только силы. Судя по тому, как лич поигрывал этим многопудовым оружием — сил не занимать.

Едва Киния сделала шаг в сторону Эмраса, как он бросил на землю склянку с зелёной жидкостью. Рядом с личом взвилось тёмно-жёлтое облачко, которое стремительно разрослось и закрыло обзор на десятки метров вокруг. Киния совершила вампирский рывок в глубь пелены, и рубанула в то место, где стоял Эмрас. Клинок рассёк только воздух.

— Какой дешёвый трюк для лорда-лича, Эмрас, — презрительно сказала Киния. — Неужели ты считаешь, что твоё жалкое облачко помешает мне?

Она в боевой стойке закружилась на месте.

— Уна, — требовательно прошептала вампирша.

— Я пытаюсь развеять, госпожа! — заверила призрак. — Но пыль колдовская, устойчивая к моим чарам.

То, что облако из склянки магическое, Киния и сама понимала. Дальше пары метров она ничего не видела. Казалось, что пелена не только ограничивает обзор, но ещё поглощает звуки и запахи. Как бы Киния не вслушивалась, она не могла разобрать даже шорохов, словно облако Эмраса перенесло её из привычного мира в безлюдное царство туманов. Только вампирское шестое чувство подсказывало, что мятежный лич не сбежал. Его аура ощутима, он где-то здесь... совсем рядом.

— Осторожно, госпожа! — заверещала Уна.

Киния едва успела отклониться. Около лица пронёсся молот. Вампирша немедля контратаковала, но опять разрубила лишь пустоту.

Последовало короткое затишье.

— Слева!

Теперь Эмрас метил по ногам, но благодаря предупреждению призрака Киния перепрыгнула молот. Вновь лич исчез, как будто его вовсе не было.

— Сзади!

Киния кувыркнулась в сторону, однако удара не последовало. Вампирша замерла, ожидая очередного предупреждения. Но вместо этого услышала болезненный хрип Уны. Побежав на звук, Киния натолкнулась на Эмраса, держащего беспомощного призрака за горло. Опоздай вампирша ещё хоть на пару мгновений и лич уничтожил бы её слугу.

Пришлось отпустить Уну, чтобы отразить атаку Кинии, после чего Эмрас вновь скрылся в тумане.

Призрак упала на четвереньки, и дёргалась так, будто пробовала беззвучно откашляться. Уна выбыла из схватки, так что Кинии пришлось рассчитывать только на себя.

Это немедленно ухудшило ситуацию: на новый удар вампирша среагировала запоздало — молот врезался в грудь. Кинию отбросило на спину, меч выскользнул из пальцев, а в глазах потемнело. Чувствуя надвигающуюся смерть, даже ещё не успев прийти в себя, Киния откатилась в сторону. Молот громыхнул по земле совсем рядом.

Вскочив и увернувшись от повторной попытки Эмраса добить, Киния сделала вампирский рывок к мечу. Она успела поднять его, но лич исчез.

Потекли секунды напряжённого ожидания. На сей раз Кинии показалось, что она топчется на месте слишком долго, словно Эмрас решил вывести её из себя томительной неизвестностью.

«Хочет, чтобы я начала суетиться и делать ошибки...»

— С-слева... — едва выдавила из себя Уна, всё ещё корчась на земле.

Больше не пробуя уклоняться, Киния ткнула мечом на опережение, даже не видя противника. И не прогадала — клинок вонзился в доспех. Лич издал утробный рык, но сам ударить или скрыться не успел. Вторым взмахом вампирша отсекла руку Эмраса. Та упала на землю вместе с молотом, так и не отцепившись от него.

Киния толкнула мятежника плечом, повалив его на спину, и вонзила меч в грудь. Являйся клинок обычным, лич ничего бы не почувствовал, даже будучи изрубленным на многие куски. Но меч Кинии был зачарован, а потому пронзал саму душу нежити, причиняя нестерпимые страдания.

Эмрас закричал столь громогласно, что крик прошёл сквозь магическую пелену наружу. Даже тупая Бесхозная нежить, бродившая за десятки лиг от места сражения, потрясённо повернулась в сторону крика.

— Вторая смерть пришла за тобой, — сказала Киния, смотря на гаснущие огоньки в глазницах Эмраса.

— Тебе... конец, — произнёс лич.

— Это мне конец? — издевательски спросила Киния. — Похоже ты не совсем верно оцениваешь положение. Это ты сейчас прибит к земле, а не я.

Вампирша кивнула на клинок, и для наглядности провернула его несколько раз, причинив личу новые страдания.

— Не от меня... конец... От... Онгхуса.

Огоньки-глаза потухли. Отныне череп Эмраса был по-настоящему пустым, как череп любого покойного скелета. Вместе с гибелью лича развеялось магическое облако.

Узнав, что Эмрас пал, немногие его личи и рыцари продолжили сражаться. Кто-то из них бежал в сторону Витании, а кто-то сдался на милость победителей. Как ни странно, в Эпоху тьмы отношение к благородным пленникам не сильно отличалось от обычаев Эпохи света. В плену Высшая нежить могла рассчитывать, что её выкупят лорды других королевств или же что будет позволено присягнуть победителю. Хотя меньшей части пленных всё же не повезёт отдать свои кровь и душу на жертвенных алтарях. Что до зомби и скелетов, то

лишившись связи с некромантами Эмраса, они либо обратились в Бесхозную нежить, либо упали на землю пустой оболочкой. Но это ненадолго: победители набросят на мертвецов новую магическую узду, пополнив свои армии.

Получив от рыцарей новую лошадь, Киния прискакала к ставке Онгхуса. Ещё на подходе вампирша заметила там Вейлина.

— Похоже, нас ожидает старая добрая делёжка владений, — пробормотала Киния.

— И старые добрые споры, без которых делёжка не обходится! — хихикнула Уна.

Сейчас она не летала, а сидела на спине лошади. При этом Уна обхватила талию госпожи и прижалась грудью к её спине. Хотя призраку не требовались все эти точки опоры; по сути, Уна просто парила над землёй.

— Да, споры, так что будь настороже.

Подъехав к императору, Киния спешила, и передала ему череп Эмраса.

— Хорошо, — произнёс Онгхус.

Голос звучал без удовлетворения или торжества. Онгхус, как и всегда, говорил монотонно. На череп Эмраса император почти не посмотрел. Просто немного повертел его, и бросил в кучку трухлявых черепов, недавно принадлежавших пехотинцам.

— Ты славно постаралась, леди Киния Ковентина, — сказал Онгхус. — А посему награда твоя будет велика. Можешь забрать себе половину Водимой и Низшей нежити Эмраса. Остальных разделим мы с Вейлином.

— Благодарю за щедрость, император, — ответила Киния.

— Тебе надо приумножить своё войско, ведь теперь твои владения пролегают на границе с Витанией. А с ней в скором времени может начаться война.

— Мой император, ты хочешь сказать...

— Хочу сказать, что большая часть владений Эмраса, включая его главный замок и большую часть поселений скота, я передаю под твоё начало. Вейлин возьмёт тот участок Эмраса, что за южной рекой.

Изумлённая Киния низко поклонилась. Она, конечно, ожидала существенной награды за убийство мятежника, но это значительно превзошло ожидания — почти все владения Эмраса! А вот в чём ожидания не были обмануты, так это в недовольстве Вейлина.

— Но император! — возмутился вампир. — Участок за южной рекой попросту ничтожен! Дай хоть треть владений Эмраса!

Вейлин был одет в цветастый поддоспешник, цвета которого, впрочем, были трудноразличимы из-за того, что вся одежда пропиталась кровью и ещё какой-то чёрной дрянью.

— Да, я понимаю, она притащила голову предателя, который бегал на поводу у Витании. Но и я отличился в битве! Я же всё-таки сразил нескольких командиров вампирской конницы!

В подтверждение Вейлин потряс чьим-то пустым шлемом, из которого посыпался пепел. После лорд протянул трофей императору, ожидая, что он возьмёт его, как и череп Эмраса. Онгхус не шевельнулся.

— Кроме того, она даже царاپины не получила! Не удивлюсь, если Эмраса прибили свои же, когда сообразили, что битва проиграна. А Киния под конец сражения попросту взяла дохлый череп! Я же участвовал в битве от начала и до конца. Лишился руки!

Вейлин опустил шлем и теперь тряс культей, из которой торчал обломок кости.

— Ничего, через месяц отрастишь новую, — сказал Онгхус. Как хотелось верить Кинии,

сказал с нотками раздражения.

— Руку-то через месяц отращу, дело наживное. Куда большая потеря — этот поддоспешник! — всё больше распалялся Вейлин. — Его за месяц не отрастишь. Между прочим, он из редчайших материалов и стоит целого состояния!..

Вейлин угрожающе помахивал обрубком руки в сторону Кинии.

— Отличилась не только Киния. Далеко не только её стараниями достигнута победа! Слишком уж большая награда для этой любительницы случек с живым скотом!

— Какое грубое оскорбление! — зарычала Киния и схватилась за рукоять двуручника. — Подобную низость не позволяли себе даже благородные из живых! Если хочешь оспорить награду, то сделай это в бою!

Киния подняла меч.

— А почему бы и не в бою?! — выкрикнул Вейлин после короткого замешательства, и тоже обнажил шпагу.

Соперники приняли боевую стойку, готовясь к вампирскому рывку.

— Достаточно! — прогремел Онгхус.

Между Вейлином и Кинией встал демон-нежить.

— Ты смеешь оспаривать то, кому я доверяю СВОЮ землю? — Онгхус повернулся к Вейлину.

Тот сперва пристально посмотрел на лича, но через несколько мгновений потупился, не выдержав бездонной тьмы в его глазницах.

— Нет, мой император. Я принимаю твою волю, — проворчал Вейлин.

Гарнизон замка Эмраса не сопротивлялся, когда узнал о гибели хозяина. Распахнули ворота для рыцарей Кинии. Получив ключ от охранных заклятий, рыцари проверили почти каждый уголок, и только тогда их госпожа посетила главную обитель мятежника.

Однако, прежде чем заглядывать в сам замок, Киния прогулялась по небольшим посадкам около него. Сперва вампирша прохаживалась в сосновой роще, иногда проводя ладонью по шелушащейся коре на стволах. Там и сям дети скота выкапывали или собирали с побегов личинки вредителей. По краям посадка дежурили упыри из Низшей нежити, следя за тем, чтобы, с одной стороны, живые не отлынивали от работы и не пробовали сбежать, а с другой стороны — защищали скот от Бесхозной нежити или зверей, которые могут забрести сюда в поисках лёгкой добычи.

Вороны перелетали с ветви на ветвь, ожидая, когда дети оставят раскрытый мешок без присмотра, так что появится возможность стянуть оттуда жирных личинок майского жука. «Не будь воронья, глядишь, здесь бы селились певучие птицы, — зло подумала Киния. — Все их гнёзда разорили. Повымирали пташки. Теперь только карканье и слушай». Вопреки фантазиям художников из живых, которые традиционно рисовали нежить в сопровождении стаи ворон, Киния их не любила. И это было взаимно — при появлении вампирши сообразительные птицы убирались подальше.

Из-за нехватки света деревья, как и урожай на огородах скота, росли плохо. Человеческих усилий не хватало, чтобы повысить плодородность, так что Высшей нежити к своему неудовольствию пришлось постигать друидическую магию. Волшебное садоводство, как и огненные заклятья, давалось вампирам и личам очень нелегко. Приходилось идти на колдовские хитрости и для того, чтобы создавать воздушный купол над поселениями живых. С недостатком растительности скот поражало удушье.

«Как интересно получилось, — усмехнулась про себя Киния, помахивая хвойной веточкой, — В Эпоху света мы выжимали из жизни все соки, не заботясь о последствиях. А в Эпоху тьмы стали трепетными огородниками и скотоводами. Хотя всю Войну затмения Онгхус проповедовал, что после победы мы будем как никогда свободны от любых условностей. Обретём подлинную вечность, когда угроза живых минует — провозглашал он...»

Киния прошла через деревню скота. На первый взгляд, она мало чем отличалась от поселений Эпохи света. Всё те же каменные домишки с тростниковыми крышами, вон колодец, при дворах туда-сюда снуют куры, народ занят повседневными хлопотами и, встречая благородную особу, низко кланяется.

Но в глаза бросалось расовое разнообразие обитателей деревни: люди, эльфы, дворфы, полурослики, орки и прочие разумные существа, хотя они не смешивались друг с другом, живя отдельными общинами. Для каждого находилась своя работа: так, например, мускулистые орки выполняли самый тяжёлый труд, дворфы строили и высекали что-нибудь из камня, а эльфы занимались ремеслами, требующими аккуратности или ловкости рук — гончарное дело, ткачество и тому подобное.

Кроме практичности в этом разнообразии крылась эстетическая польза. Кровь, в зависимости от возраста, питания и расы скота, имеет свой вкус. А уж если в нужных пропорциях смешать, например, кровь юного эльфа, здоровье которого берегли от хвори, и

могучего дворфа, хорошенько напуганного перед нанесением раны, то можно создать сладкий, и в то же время крепкий напиток. Среди вампиров появились прославленные кровавые кулинары, добившиеся больших высот в этом искусстве. «Вейлин, мерзкий упырёныш, — Киния облизнула клыки. — Вызнать бы секрет его “Крови Небожителя”».

Помимо множества рас, житель Эпохи света обратил бы внимание на то, что в деревне почти не было деревянных изделий или тем более построек из дерева. Вместо изгородей и частоколов делали земляные насыпи. Здесь не услышишь стук топора. Да, в дикой местности ещё есть сухие леса, вроде того, из которого Онгхус призвал энтов, но их трухлявые деревья почти не годились как стройматериалы.

В деревнях скота не было культовых сооружений по типу часовен или церквей. Хотя среди лордов ходили толки, будто в песчаном королевстве Та-Мерит для живых изобрели религию, согласно которой Высшая нежить являлась божествами, и если будешь хорошо себя вести, то получишь честь обратиться в зомби, тем самым приблизившись к божественной природе. Само собой, не было кладбищ: господа обращали едва остывшие трупы в нежить, чтобы те служили уже в качестве рабочих или боевого мяса.

Крестьяне не знали песен, музыкальных инструментов, праздников и всего прочего, что позволит им создать свою культуру, а значит, укрепить общность — дорога, однажды приводящая к открытому бунту против нежити.

Не то чтобы в Эпоху света жители деревень были шибко читающими, но всё же сейчас обучать живых грамоте строжайше запрещалось. К живым в руки не должны попасть хроники прошлого, из которых можно узнать, что когда-то скот непредставимо долго правил на земле, а нежить отваживалась выползать из тайных логовищ только с наступлением ночи. Скот не должен знать, что когда-то в его руках была мощь, перед которой трепетали даже вампиры и личи. Скот должен считать, что его сегодняшнее положение было таковым всегда.

Насмотревшись на внешние владения, Киния, наконец, отправилась в замок. Побродила по алхимической лаборатории, заглянула в покои Эмраса, оценила колдовской зал, и добралась до библиотеки.

— Впечатляет, — Киния задрала голову, чтобы окинуть взором огромное помещение с несколькими ярусами.

За всю Эпоху тьмы Высшая нежить едва ли успела написать столько книг, а значит, здесь должно храниться немало трудов Эпохи света. Если только у Эмраса не было одержимости каждый день писать новый том о какой-нибудь незначительной ерунде. «У каждого из Высшей нежити свои причуды и слабости, — напомнила себе Киния».

Вампирша ценила вещи, которые особенно сильно напоминали об ушедшей эпохе; о времени, когда в жилах текла горячая кровь. И книги, написанные живыми авторами, относились к таким вещам. Прежде всего — баллады. В них Киния любила по несколько раз перечитывать места, в которых герои кушают; перечитывала описания природы и любовных переживаний. Ничто так не позволяло забыть о мёртвой серой действительности и хоть на миг ощутить себя заново ожившей, как погружение в мир книжных историй!

Даже самый дальний книжный уголок освещался волшебными светильниками. Значит, Эмрас частенько бывал здесь и заботился о том, чтобы помещение всегда было в надлежащем виде. Киния медленно пошла вдоль длинных стеллажей, нередко останавливаясь, чтобы вытащить какую-нибудь книгу, и полистать её.

— Я проведу тут немало ночей, — удовлетворённо произнесла вампирша, заплутав в

книжном лабиринте.

Шорох вырвал Кинию из мечтательного предвкушения. Благодаря чуткому слуху вампирша распознала, что звук издавался не крысой или призраком. Скорее это походило на осторожную поступь. Звук повторился.

Киния рванула к источнику шороха. Миг, и вампирша с такой силой прижала чьё-то тело к стеллажу, что он зашатался, и с полок посыпались книги. Киния сжимала горло девушки. Живой. От удивления вампирша чуть ослабила хватку, но девушка не прекращала хрипеть, жадно хватая ртом воздух и молотя ладонями по стеллажу. Вспомнив, как случайно сломала шею служанке, Киния одёрнула руку, но сразу же схватилась за воротник платья незнакомки. «Почему скот наряжен в такую красивую одежду?! — мелькнула мысль у вампирши».

Девушка оказалась эльфийкой. Из-под рыжей растрёпанной чёлки на Кинию испуганно смотрели большие изумрудно-зелёные глаза. Полные губы дрожали, будто девушка силилась что-то произнести, но все слова тонули в прерывистом дыхании, от которого часто вздымалась и опадала небольшая грудь.

— Что тут делаешь, скот?! Отвечай!

Киния так встряхнула девушку, что её длинные заострённые уши бешено закачались.

— Простите, простите меня! — жалобно пискнула эльфийка. — Я библиотекарь господина Эмраса!

— Биб... библиотекарь?..

От изумления Киния разжала хватку, и отступила на несколько шагов.

— Да, госпожа.

— Но... это ведь значит... что ты обучена грамоте.

— Всё правильно, госпожа. Сам господин Эмрас обучил.

— Он больше не господин, — голос Кинии вновь зазвучал по-стальному уверенно. — Этот предатель погиб. Теперь я — единственная госпожа этих земель... Подойди ближе.

Эльфийка сделала пару робких шагов. Киния пошла вокруг девушки и пристально осматривала её с ног до головы.

— У каждого есть свои причуды и слабости, — вкрадчиво повторила вампирша недавние мысли. — Причуда Эмраса оказалась весьма любопытной и, должно быть, сладкой на вкус.

Киния остановилась позади эльфийки, и мягко положила ладони на её плечи. Затем вампирша притянула девушку к себе, и склонила голову к её шее. Ощувив на коже прикосновение холодных губ, эльфийка вздрогнула и зажмурилась. Но колющей боли от укуса не последовало.

— Тебя следует выпить за то, что умеешь читать. Выпить всю без остатка, — шептала Киния. — Я чувствую, что ты говоришь правду. Ты действительно библиотекарь. И всё же витает интригующая недосказанность, будто хочешь что-то скрыть от меня. Не понимаю, что именно. Пока не понимаю... Скажи, зачем Эмрасу делать скот библиотекарем?

— Господ... ой, вернее, я хотела сказать, просто Эмрас, он говорил, что у меня есть магический дар. И это, в общем, поможет мне как, ну, библиотекарю... а-ай!

Дрожащая эльфийка с трудом подбирала слова — Киния массировала её плечи, и поцеловала в шею, при этом сладко постанывая*.

— Здесь десятки тысяч книг!

Только что бывшая нежной, Киния больно схватила эльфийку за волосы, и резко задрала

её голову, заставив посмотреть на верхние ярусы библиотеки.

— Целой жизни мало, чтобы их все перечитать и рассортировать. Хотя эльфы долгожители, и при помощи магического дара за один век ты бы справилась с этим в одиночку... Но тебе нет и полусотни лет. Я чувствую твою юную пышущую жаром ауру! Она жжёт всё моё тело, словно адское пламя!

Выкрикивая это, вампирша то встряхивала эльфийку, то страстно тёрлась лицом об её рыжую шевелюру.

— Как такое юное дарование справляется со всеми делами в библиотеке?

— Всё так, госпожа, я ни за что бы не справилась одна! — быстро сказала эльфийка. — Эмрас поставил под моё начало пару призраков из Низшей нежити — они помогают мне.

Киния так резко отпрянула, будто эльфийка и впрямь загорелась адским пламенем.

— Мало того, что скот обучен грамоте, — вампирша затрясла головой, — так ещё имеет в слугах Низшую нежить. Неслыханно. Неслыханно!

Вампирша заходила туда-сюда, что-то непрестанно бормоча. Когда, наконец, остановилась, то спросила:

— У тебя есть прозвище?

— Эмрас называл меня Вистра.

— Вистра... Вистра-Вистра-Вистра... Это же «роза» на языке восточных эльфов. Хорошо. Мне нравится. Не буду менять прозвище. Ну что ж. Тебя бы следовало выпить до дна, но пока повременю с этим — уж слишком интересный ты цветочек. Будешь и дальше выполнять свои обязанности библиотекаря.

— Спасибо, спасибо тебе, милостивая госпожа! — Вистра поклонилась, но вовсе не тем кривым поклоном, какой показывал крестьянский скот, а безупречно исполненным придворным реверансом.

— Эх, тебя бы на мои ужины-сценки. Глядишь, вышел бы толк. Ну да ладно. Вот тебе первый мой приказ как библиотекаря. Поставь на место книги, упавшие после нашего знакомства. А ещё к моему следующим приходом подбери пару-тройку хороших приключенческих баллад. Ясно?

— Исполню в лучшем виде, госпожа!

— Уясни вот ещё что: если без моего разрешения сделаешь за порог библиотеки хоть шаг, то будешь неделями умирать в муках, а потом твою душу выпьет один весьма жестокий призрак. Никому больше не говори, что ты библиотекарь, и вообще не отсвечивай, пока не услышишь мой голос.

— То же самое велел Эмрас, госпожа. Я живу в библиотеке, тут есть всё необходимое. Клянусь, что не ослушаюсь.

Киния уже собралась было уйти, но опять повернулась к Вистре.

— Вот ещё что... платье у тебя красивое. Но я хочу, чтобы ты всегда показывалась мне на глаза только в прозрачной ночной сорочке. Распоряжусь, чтобы тебе принесли такую. И чтоб никакой другой одежды! **

— Д-да, госпожа.

Пробудившись, Киния встала с кровати, и осмотрела спальню. Взор упал на столик с мисками, на которых были сложены горки из фруктов и ягод. После недолгих колебаний,

вампириша взяла тёмно-фиолетовую виноградину.

— Просто затвердевшая глина, — произнесла Киния с горькой усмешкой, пока разглядывала плод. — И магия иллюзии.

Однако чары оказались настолько искусными, что придавали не только иной вид, но и меняли материальные свойства: Киния чувствовала пальцами упругость и влажность плода.

— Не может быть.

Она медленно поднесла виноградину к устам. Столь же медленно поместила её краюшек на зубы. И аккуратно надкусила.

Выступил сок, капельки которого попали на язык. Киния вытащила виноградину, и взволнованно посмотрела на неё. Вампириша ощутила позабытый вкус — сладкий и слегка кисловатый. Дыхание перехватило.

— Я... ах... я... дышу?!

Она прижала руку к груди, чтобы прочувствовать биение сердца, и то, как усиленно работают лёгкие. Не веря ушам, Киния намеренно громко выдыхала, слушая это с благоговением, будто её застала врасплох прекрасная музыка, трогающая до глубины души.

Опомнившись, Киния положила в рот надкушенную виноградину, и начала пережёвывать её с тем же неторопливым тоскливо-мечтательным удовольствием, с каким приговорённый к смертной казни наслаждается богатым завтраком, поднесённым по последнему желанию. Съев плод, Киния жадно схватила всю гроздь, и выбрала следующую виноградину, ничуть не заботясь об этикете. Фиолетовый сок потёк по подбородку.

Пережёывая, вампириша — нет, уже просто Киния! — заметила, что не чувствует привычного покалывания игольчатых клыков. Проведя языком по зубам, она нащупала человеческие клыки.

Киния сощурилась, когда в глаз попал луч света. Она повернулась к стеклянной двери балкона. Солнечный свет слегка жжёт кожу высших вампиров, а уж кровососов пониже рангом может обратить в прах. Но Киния больше не боялась. Она побежала к двери, широко распахнула её, и вышла на балкон, чтобы увидеть, как громады жёлтых облаков развеиваются, словно разбитые армии, которые бегут от торжествующего победителя — дневного светила. Киния подставила лицо золотистым лучам, позволив им нежным тёплым прикосновением ласкать розовую кожу.

— Я снова жива...

Она бросила в рот новую виноградину. И поперхнулась. Выплюнув плод на ладонь, Киния увидела, что он был почерневшим.

— С гнильцой попался.

Выкинула его вниз, потянулась за новым плодом, но остановила руку на полпути. Вся гроздь чернела прямо на глазах. Сморщенные гнилые виноградины отрывались от ветви и падали на балкон.

Кожу на лице и на руках поразил нестерпимый зуд. Солнечный свет ослепил, так что даже зажмурившись Киния не могла спрятаться в спасительной темноте. Вместо вкуса винограда на языке застыла омерзительная горечь, от которой Киния закашляла.

Она выронила гроздь, и заковыляла в комнату. Но едва Киния переступила порог балкона, как сухожилия на ногах затрещали, начали рваться. Завопив, Киния упала. Её кожа стремительно чернела, как недавно виноградины, пузырилась и сползала гнилыми пластами. Невыносимая боль заставила Кинию биться на полу; она кричала и судорожно перекатывалась с бока на бок. Волосы опадали, зубы трескались и вываливались изо рта.

А восходящее солнце немилосердно жгло, будучи глухим и равнодушным к тяжёлым страданиям Кинии. Тело окутал дым — предвестник пламени, в котором сгорит погибающий вампир...

Киния вскочила на кровати и закричала так, что задрожала стеклянная дверь балкона. Вытаращив глаза, вампирша завертелась на месте. Но вокруг была только обычная темнота. Киния ощупала тело — никаких ран.

Затем вампирша спрыгнула с кровати, и осторожно, будто ловя скорпиона за хвост, взяла со стола виноградину. Твёрдая и сухая на ощупь. Окаменевшая глина. Однако попробовать её на вкус Киния не решилась.

— Госпоже снился милый сон с овечками, резвящимися на зелёной цветущей лужайке? — рядом появилась Уна.

Кошмар сбил всю сонливость. Отмахнувшись от призрака, Киния пошла в библиотеку, не сочтя нужным одеться.

* Осуждаю такое поведение, дважды осуждаю, трижды осуждаю, на всякий случай — многократно осуждаю. Вот вам крест, товарищ старшина, никакой пропаганды запрещённого, там только вампирские игры с живой едой. Аминь.

** В библиотеке просто жарко, потому такое требование, но всё равно всячески осуждаю.

— Вистра! — зычно позвала вампирша.

После короткой паузы Киния услышала частый топот босых ног. Маневрируя в лабиринте стеллажей, эльфийка неслась к выходу из библиотеки. Через полминуты перед вампиршей стояла запыхавшаяся девушка в прозрачной ночной сорочке — как и требовалось.

Вистра стыдливо уставилась в пол, не смея лицезреть обнажённую госпожу. И при этом стеснительно кривлялась, тщетно пробуя скрыть неуверенными движениями рук свою собственную наготу, особенно виднеющийся сквозь тонкую ткань лобок, похожий на застывший язычок рыжего пламени.

— Г-госпожа, — не выдержала молчания Вистра. — Т-твои книги, они...

— Умолкни. Я пока ничего не спрашивала у тебя.

Частое сильное дыхание эльфийки било по чувствительному вампирскому слуху как барабан, напоминая Кинии о собственном дыхании в кошмарном сне.

— Чего пыхтишь? — раздражённо бросила Киния. — Перестань.

— Да, госпожа, — Вистра попробовала умерить дыхание, отчего напряглась и задрожала ещё больше.

— Почему ты излучаешь столько тепла?! — бесилась вампирша, до сих пор не отойдя от обманчивых ощущений живости из кошмара. — Раскалилась, как сталь, которую только что вытащили из горна! А ну прекрати!

— Прости-и-и!

Доведённая до растерянности и отчаяния, Вистра чуть не плача упала на колени.

— О, мёртвые боги, — Киния потёрла лицо ладонями. — Ладно-ладно, пыхти и грейся сколько влезет, Цветочек. Так что там с моими книгами?

Всхлипывая, Вистра взяла со стола три увесистых тома.

— Вот сборники превосходных баллад, госпожа.

— Хорошо, — вампирша приняла книги, — свободна.

Киния повернулась к выходу, но Вистра остановила:

— Госпожа, тысячу извинений за то, что имею дерзость спросить, но ты сегодня не в духе? Тебя что-то беспокоит?

Вампирша застыла, как статуя, едва не выронив книги. «Сперва мне показалось, что Эмрас выдрессировал её должным образом, — удивлялась про себя Киния. — Но всё же в воспитании что-то было упущено. Как смеет лезть с расспросами к Высшей нежити? Следует ли в наказание отсечь ей язык? Выжечь глаз? Или хватит пары десятков плетей?»

— Не твоего ума дело, скотинка, — просто отрезала Киния.

И пошла в спальню читать книги.

Хоть Киния ждала нападения Витании, война так и не разгорелась. Империя и королевство сумели разрешить разногласия дипломатией. Пока установился хрупкий мир.

Киния не верила, что Вейлин смиренно принял волю императора, передавшего его противнице почти всю землю мятежника. Наверняка стоило ожидать от соседа какой-

нибудь подлости. Однако и Вейлин затих, никак не напоминая о своём существовании. Так что помимо извечной политики и устройства своих владений Киния находила время для отрады — розыгрыша сценок и чтения книг.

Вистра пускай и была скотом, но со всеми указаниями вампирши справлялась отлично. Особенно по части подбора интересных баллад. «Объяснение этому, должно быть, простое и естественное, — размышляла Киния, растянувшись на кровати с очередной книгой. — Лучшие истории с живыми героями выберет тот, кто сам жив, и потому способен пропустить геройские переживания через своё бьющееся сердце».

Но одна баллада, безымянный автор которой во вступлении клялся, что каждая написанная строчка — истинна, особенно взволновала воображение Кинии, лишив её сна и покоя. История вращалась вокруг нескольких героев, которые отправились в полное испытаний и опасностей путешествие, чтобы спасти королевства от невиданной чумы.

Болезнь обращала живых в Низшую нежить, хотя до поры до времени не лишала заболевших разума. Несчастные жертвы чумы мучительно наблюдали, как изо дня в день разлагается их плоть, пока глаза не вытекали или не иссыхал мозг. Жрецы, лекари и маги только разводили руками, не в силах найти лекарство или хотя бы замедлить течение болезни. Отчаявшиеся лорды даже прибегнули к помощи некромантов, на которых прежде в панике обрушили гонения. Но и призыватели нежити не справились с чумой. Они сами не были застрахованы от заражения.

Вот тогда группа героев, среди которых были паладин, волшебник и друид, пошли на юг, чтобы отыскать легендарный магический источник, сила которого изгонит чуму. Долгая трудная дорога привела их в горы, а потом и ко входу в глубокую пещеру, где был сокрыт магический источник — Источник жизни. Путь к нему преграждали три зачарованных печати. Но благодаря посвящению, пройденному в своих орденах, паладин, волшебник и друид взломали печати. Тогда преисполненные благоговения герои ступили в зал с Источником жизни. Они почерпнули лишь малую часть его силы, и вернулись в родные края. Старания героев не прошли даром: горсть магии из Источника исцелила всех от чумы.

«Свидетельствую о подвиге героев, ибо путешествовал к Источнику жизни вместе с ними и видел всё своими глазами. Истинно так и было».

— Тоже мне, «истинно», — хмыкнула Киния. — То, что стало нежитью — невозможно вернуть к жизни... Красивая сказка.

Вампирша аккуратно закрыла книгу — старую, с пожелтевшими страницами и потрескавшейся обложкой. От полного распада сборник баллад спасали особые заклятья.

Но вот захлопнуть столь же просто, как и книгу, свои беспокойные мысли Киния не смогла. Вампирше не давало покоя то, что в балладе об Источнике жизни путь героев уж слишком подробно прописан. Повествование изобилует упоминаниями названий, детальным описанием мест и указанием расстояния между ними. Если уж существование какого-то источника выглядит сомнительным, то представляется вполне правдивым, что автор сам побывал в названных краях. Кроме того, хоть многие топонимы в балладе устарели или вовсе вышли из употребления, Киния распознала в их описании места, которые доводилось посетить самой.

Не в силах справиться с охватившим её возбуждением, Киния схватила балладу об Источнике, и побежала в библиотеку.

— Желаешь, чтобы я собрала новые сборники приключений, госпожа? — с готовностью спросила Вистра, которая привыкла к прозрачному наряду и перестала краснеть.

— Нет. На сей раз кое-что другое. Стиль этой баллады... — бормотала Киния, словно обращалась не только к Вистре, но и говорила сама с собой. — Так писали за восемьсот лет до Войны затмения... Цветочек! Собери для меня летописи, созданные в Златовековье. Это раз. Два — собери для меня все медицинские трактаты того же времени, какие найдёшь в библиотеке. Ну и третье: раздобудь все старые карты, а ещё путеводители для паломников и торговцев.

— Тоже из времён Златовековья?

— Умничка. Работай, Вистра.

К следующей ночи в библиотеке перед Кинией высились стопки тысячелетних книг — отнюдь не запылённых, ведь призраки под надзором Вистры неустанно заботились о чистоте и сохранности всех трудов. Позабыв о сне, пище, политике и хозяйстве, вампирша сутками напролёт перечитывала собранные тома, сравнивая различные детали с описаниями в балладе. Часто рядом сидела Вистра, под диктовку Кинии записывающая в свиток те или иные заметки.

Вампирша изучила описание всех эпидемий чумы Златовековья, но не нашла ничего такого, что предельно точно походило на болезнь из баллады об Источнике. Да, есть мор, который приводит ко гниению плоти и потере чувствительности. Но это всё же не обращение в стремительно разлагающуюся Низшую нежить.

А вот что касается географии, политики, и даже описания быта того века — автор ни в чём не соврал и не приукрашивал.

— Конечно же это полный вздор, — рассуждала Киния, уединившись в спальне, — не существует такой чумы. И нет такой силы, что обращает из нежити в живое. Но этот магический источник... Что, если он взаправду существует?

В самих по себе магических источниках не было чего-то необычного. Это места, в которых незримо струится поток энергии. Как живые чародеи прошлого, так и Высшая нежить настоящего использовали источники, чтобы усилить свои заклятья. Когда после Войны затмения началась междоусобица, то лорды в первую очередь боролись как раз за обладание источниками.

Киния спрыгнула с кровати.

— Уна!..

— Да, госпожа? — тут же появилась призрак. — Судя по голосу, ты затеваешь очередное безумие.

— Для тебя есть поручение. Нужно слетать на разведку.

— И всего-то? — разочаровалась Уна. — Привычное и рутинное дело.

— Слетать далеко. Очень далеко. Туда я тебе прежде не посылала. Отправляйся на юг, к Угрюмому хребту.

Киния расправила на столе свиток с картой.

— Даль-то какая! — ахнула призрак. — Это ж мне придётся лететь через Та-Мерит. Империя с ним не воюет, но и не целуется. Если меня там сцапают, то сделают очень-очень больно.

— Потому приказываю отправиться именно тебе. С твоей способностью быть незаметной никто тебя не сцапает.

— Но что ты забыла в такой глухомани, госпожа? Что там высматривать кроме голых скал?

Киния ткнула пальцем в карту.

— Вот эта гора. Когда подлетишь к ней, убедись, что никто не следит за тобой. И если всё будет тихо, тщательно изучи её. Несколько раз со всех сторон. Ищи магический источник...

Слыша необычайно серьёзный тон госпожи, Уна просто кивнула, обойдясь без шуток и острот.

За последующие дни Киния столько раз перечитывала балладу об Источнике, что выучила её наизусть.

— Но даже если Источник есть на самом деле, то кто поручится, что он не раскрыт и не захвачен? Не зря ли я отправила Уну на столь рискованную разведку? — изводила себя догадками Киния. — Кажется, ещё в Эпоху света отыскивали все источники силы, какие только существуют. А если даже этот девственен и никем не тронут, то я всё равно не смогу удерживать его от посягательств других лордов — в такой-то дали от моих владений. Разве что можно попытаться зараз выпить столько силы из источника, сколько смогу, а потом засыпать его...

Уна вернулась через неделю.

— Скучала, госпожа?

— Наконец-то! Ну, что удалось узнать?

— Вот так вот сразу об этой твоей горе... Я, между прочим, едва не попалась пожирателям душ Та-Мерита. Ух и гнались они за мной всей стаей! Пришлось петлять будь здоров, еле свалила. Послушай, увлекательная история на целый вечер!

— Мне плевать! — от нетерпения вампирша терзала клыком губу. — Что там по Источнику?!

— Хорошо, Источник, — Уна отбросила шутовство. — В общем, прилетела я к означенной горе. Как ты наказала, убедилась, что хвостов нет.

— А у горы не было гарнизонов какого-нибудь лорда?

— Ни души, госпожа. Как будто ничейные владения. Ну так вот, облетела я всю гору от снежной вершины до подошвы, а ничего интересного не обнаружила. Сколько бы ни принохивалась, сколько бы кругов ни наворачивала — ничего! Только когда собиралась улететь, смутно почувствовала что-то под толщей горы. Пришлось занырнуть так глубоко, как только возможно призраку проникнуть в твердь. Не поверишь, госпожа...

Уна изобразила, как набирает воздух в лёгкие, и торжественно объявила:

— Я почувствовала магический источник! Не знаю, как ты о нём проведала, но он правда там есть. Чистый, как дитя! Причём не только хорошо спрятан, но ещё и окружён непроницаемым магическим барьером. Клянусь второй смертью, я ещё никогда не встречала настолько искусно сплетённой преграды! Кажется, даже нашему императору создать такое не под силу.

— Вход! Есть ли к Источнику вход?!

— Сыскался, госпожа. Однако он тоже непроницаем. Хоть головой бейся, а не прорвёшься! Но приглядевшись внимательно, нашла я три волшебные печати...

— К-какие? Какова природа печатей?

— Весьма отвратительная природа, скажу я тебе, госпожа! Одна печать связана со светом, вторая с чем-то лесным, древесным. А третья источает силу огня. На эту тройку даже

просто смотреть дурно!

Эти подробности потрясли Кинию даже больше, чем новость о существовании Источника.

— Госпожа, ты прекрасна! — Уна прервала молчаливую паузу, которую затянула ошеломлённая вампирша. — Это ж надо додуматься, что там сокрыто столь ценное сокровище. Из книг узнала? Я всегда думала, что от этих книженций только вред, но, видно, не зря ты столько времени зависала в книгохранилище... Э-э, только бы знать теперь, как до этого сокровища добраться. А если даже доберёмся, то понятия не имею, как взломать те печати.

— Наверное, я знаю, как, — промолвила Киния. — Но мне надо подумать. Оставь меня.

Отойдя от изумления, вампирша опять схватилась за балладу. Хотя знала её наизусть, а всё равно перечитала места, в которых говорилось о печатях.

Во времена Златоцветья, прошедшие посвящение в своих орденах паладин, волшебник и друид сумели вскрыть печати, закрывающие путь к Источнику жизни. Уна сказала о трёх печатях, связанных со светом, огнём и природой. Нежити в полной мере недоступна ни одна из этих сил, не говоря уже о настоящем посвящении в них.

«Итак, Источник существует — это выяснила, — приводила в порядок мысли Киния. — Я хочу получить к нему доступ. Зачем? Допустим, чтобы значительно повесить за счёт него свою личную мощь. Конечно, можно было бы использовать его куда разумнее и дольше, будь там мои владения... Но об этом не приходится даже мечтать. Лишь бы самой напиться и не позволить другим лордам получить эту силу. Возможно, потому Источник придётся испортить. Однако всё это потом. Для начала взломать бы печати. Откуда ж я возьму паладина, мага и друида? Это вымершие виды».

В делах воспитания скота многое запрещалось. Но втайне некоторые лорды нарушали эти запреты ради собственных забав. Взять хоть Вистру, которую Эмрас обучил грамоте и позволил ей распоряжаться парой мелких призраков.

Тем не менее, даже в нарушении запретов есть своя грань допустимого. По законам королевств обучение живых чародейству являлось страшным преступлением, выходящим далеко за пределы шалостей со скотом. На мелочи могут закрыть глаза, а вот за воспитание живого мага могут объявить вне закона. Тем более если это боевой маг или друид.

Уж про возвращение паладинов не могло быть и речи. Такое не придёт в головы даже самых извращённых личей. Ведь сама суть искусства паладинов — истребление нежити. В Войну затмения Киния не раз сталкивалась с ними в бою, и она могла без колебаний поклясться, что это были одни из самых сложных схваток в её не-жизни. Из некоторых битв получилось выйти победителем только за счёт везения.

После Войны паладинов высмеивали как фанатичных болванов, одержимых подавлением любой инаковости, но Киния по своему опыту прекрасно понимала, что всё это не более чем карикатура для Второго поколения Высшей нежити, которое никогда не видело рыцарей света. Нет, паладины не были фанатиками. Они были мудры и хорошо сознавали грань между храбростью и безрассудством; между принципиальностью и фанатичностью; между трусостью и здравомысленной оценкой расклада сил. Во многих своих суждениях паладины отнюдь не были людьми крайностей.

Кроме того, рыцари света славились устойчивостью к иллюзиям и лжи. Боевые маги опасны, но Высшей нежити удавалось подобрать ключик к их слабостям, кого выводя на эмоции, а кого подкупая обещаниями силы; кого обманывая, а кого парализуя страхом

смерти — своей или чужой. Но паладины морально защищены от манипуляций и быстро распознают двойную игру.

Киния отлично помнила губительную магию рыцарей света. Ничто другое не вызывало такой страх у Высшей нежити, как освящённые мечи паладинов, а ещё их волшебство, с помощью которого призывался ослепительный сжигающий свет. Воистину нет для вампиров и личей врага ужаснее.

«О, мёртвые боги. Не могу же я для взлома печатей воспитать мага, друида и ручного паладина».

Киния расхохоталась в голос.

Но потом всерьёз призадумалась.

«А почему бы и нет?.. Конечно, то ещё безумие. Я рискую всем. Свои казнят или, что ещё позорнее, обученный скот прирежет. Но ведь именно риск позволит мне снова ощутить себя живой!»

Глава 6 — Волшебница

Обдумав дерзкий план, Киния потребовала у Вистры весьма внушительный список книг:

— Собери все труды, посвящённые друидизму. Ещё надеюсь, что ты найдёшь здесь руководства для паладинов. Далее, нужны учебники и трактаты по стихийному волшебству. Особенно меня интересуют книги по магии огня.

— Да, госпожа, — Вистра записывала задания на кусочке ткани.

Киния взяла Вистру за подбородок, и приподняла её голову.

— Последнее из названных книг — для тебя. Эмрас был прав. У тебя есть магический дар и неслабый. Будешь обучаться волшебству.

В зелёных глазах мелькнуло недоумение, но Киния не удостоила скот объяснениями, и ушла, что-то неразборчиво напевая себе под нос.

«Первый из трёх взломщиков уже найден, — думала Киния. — Но остальных придётся поискать дальше».

Она сочла, что с этим справится Уна.

— Отбери из скота пару здоровых детёнышей, у которых есть магический дар. Возраст: от одного до трёх лет. Пол — самцы. Любой расы с предрасположенностью к волшебству. Кормить хорошо, беречь от болезней, ну и всё такое прочее — сама знаешь, уже делала.

— Ох, как мило! — Уна прижала ладонь к сердцу. — Госпожа захотела стать мамочкой.

Само по себе требование Кинии не содержало чего-то подозрительного. Во время войн Высшая нежить несла потери, а восполнять её ряды как-то необходимо. Потому аристократы избирали из скота наиболее одарённых детей, которых воспитывали отдельно от живых. Таким избранникам вбивали в голову идею превосходства над сородичами и Низшей нежитью; обучали грамоте, воинским и магическим искусствам, чтобы к совершеннолетию обратить в высших вампиров, личей или призраков. Это единственное исключение из правил, позволявшее обучить малую часть скота чему-то серьёзному. Живых носителей знаний на пороге юности следует обратить в нежить или умертвить бесповоротно — по закону другого не дано. Так появлялось Второе поколение: Высшая нежить, «родившаяся» в Эпоху тьмы. Сама Киния успела вырастить не меньше дюжины вампиров, одни из которых сделались рыцарями тьмы, а другие — некромантами.

Что касается Вистры, то она уже давно перешагнула порог совершеннолетия — содержание такого грамотного домашнего питомца было незаконным.

— Как и подобает, детёнышей отдели от скота. Но... не внушайте им, что они обратятся в нежить. Они должны понимать, что стоят ступенью выше любого другого скота, но при этом беспрекословно слушать указания нежити.

— О-о, госпожа задумала новый подход в дрессировке. Любопытно.

— Любопытство держи при себе. О том, как будем растить эту пару, никто кроме нас знать не должен.

Через неделю Вистра собрала все необходимые книги. Вампирша первым делом взялась за паладинские кодексы и наставления. Перед ней встала куда как нетривиальная задача: подрезать катехизис таким образом, чтобы, с одной стороны, исключить все места, которые показывают нежить как однозначное непримиримое зло. А с другой стороны — не переусердствовать в правках, превратив свод правил в обрывочные никак не связанные друг

с другом заповеди. Если не соблюсти баланс, то в первом случае по этим книгам можно воспитать полноценного паладина, который однажды поднимет освящённый меч против своей хозяйки, а во втором случае — покорного, но обычного воина, не способного управлять светом. Катехизис ведь не просто набор принципов, который никак не влияет на магические способности паладина. Нет, чем лучше рыцарь света знаком с кодексом, чем полнее и последовательнее живёт им, тем выше способность постигать волшебную силу.

Так что редактурой текстов нужно заниматься очень вдумчиво и уравновешенно. Должен получиться паладин, преданный Высшей нежити. Противоречиво? Да, но это не на долгий срок. Как только выпестованный рыцарь света исполнит свою роль, его можно и нужно пускать в расход.

«И вновь забавный переверот с ног на голову, — усмехнулась Киния, листая катехизис. — В Эпоху света лорды, запершись в своих покоях, читали запретные книги о некромантии и тайно постигали это тёмное искусство. А в Эпоху тьмы всё те же секреты, но теперь связанные со светлой магией.

С подготовкой друида тоже придётся повозиться, но там всё должно быть чуть проще...»

Минуло несколько лет.

За эти годы Вистра показала себя очень толковой ученицей, досконально и усидчиво осваивающей теорию магии. От Кинии не укрылось, что эльфийка с головой ушла в постижение волшебства не только по велению госпожи, но и потому, что испытывала к этому неугасающий интерес.

Когда пришло время перейти от теории к практике, Вистра легко освоила простейшие заклятья. Испытывая свою предрасположенность к магии огня, эльфийка с первой попытки зажгла маленькое волшебное пламя, и оказалась способна стабильно поддерживать его.

Щурившаяся Киния разглядывала огонёк, пляшущий на указательном пальцы Вистры, с чувством удовлетворения и одновременно с опасением. Ведь даже крохотный язычок магического пламени прожжёт кожу вампирши с той же лёгкостью, с какой раскалённый нож пройдёт сквозь масло — вздумай эльфийка внезапно ткнуть её пальцем. Десятки лет никто из скота не имел доступа даже к этой крохе силы. А ну как Вистра возгордится и вообразит о себе невесть что?

Но пока эльфийка не показывала и намёка на неповиновение, исполняя все веления госпожи без колебаний. Так что Киния позволяла Вистре выучивать всё более серьёзные заклятья.

Дело дошло до боевых чар низшего порядка. В колдовском зале того замка, что когда-то принадлежал Эмрасу, Вистра пробовала сотворить атакующие огненные заклятья. Получилось далеко не сразу, при неудачных попытках эльфийка сожгла свою ночную сорочку и получила пару ожогов. Проходи всё это под надзором опытного стихийного мага, Вистра справилась бы куда быстрее. Но остаётся только идти нелёгким самостоятельным путём. Киния наблюдала за тренировками, держась на почтительном расстоянии, вдобавок приказывала Уне создавать защитный магический барьер. Призрак страшилась волшебного пламени куда больше госпожи и жутко негодовала, когда до них долетали искры от заклятий.

В конце концов, усилия были вознаграждены: Вистра сотворила огненный шар. Он врезался в зомби, исполняющего роль мишени. Мертвяка отбросило к стене. Всё его тело загорелось, и вскоре начало разваливаться, словно подогретая восковая фигура.

— Умничка, Цветочек, — похвалила Киния.

Уна вместо похвалы разразилась неразборчивой бранью.

«Вистра хороша, — Киния ткнула носком сапога ту горку пепла, которая совсем недавно была телом зомби. — Если друида и паладина нужно потом заколоть, то Вистру после всех дел, пожалуй, можно даже обратить в Высшую нежить. Она после этого, конечно, уже не сможет владеть огненной стихией. Но с таким даром всё равно будет сильной колдуньей».

Пришла пора Кинии познакомиться с той парой, которой отведена роль взломщиков. Как и требовала вампирша, это были самцы с магическим даром. Человек и эльф — ровесники, которым восемь лет от роду.

— Вот наши мальчики, — гордо объявила Уна, положив руки им на плечи. — Смотри, какие милашки.

— Спасибо, леди Уна, — хором сказали мальчишки, глядя в землю. — Мы рады, что у нас такая добрая мамочка, как ты.

Сказали неискренне, равнодушно, как будто их обязали произносить эту фразу.

— Я бы на вашем месте не радовалась, — покачала головой Киния. — Ваша добрая «мамочка» — серийная детоубийца... Ладно, поглядим поближе, что у нас тут.

Киния потыкала пальцем в живот человеческого детёныша, ощупала его плечи и руки, посмотрела в голубые глаза, и взъерошила копну светлых волос. За всю процедуру мальчишка не смел шевельнуться, хотя и страха не выказывал.

— Крепок и здоров, — удовлетворённо заметила Киния. — Из тебя сделаем бойца. Отзывать будешь на прозвище... м-м-м... Сотэр. Понял? Сотэр.

— Звучит знакомо, — с хитрецей сказала Уна. — Парам-пам-пам... Ну конечно! Сотэром звали паладина, которого ты одолела во время Войны затмения! Бой дался нелегко, гадёныш убил многих вампиров и тяжело ранил тебя. Но зато мы взяли его живым и отыгрались по полной: ты выжгла ему глаза, вырвала язык, отсекала пальцы, потом руки, потом вырезала...

— Помолчи!

Киния тщательно осмотрела второго детёныша. Не забыла подёргать его за острые кончики длинных ушей. Эльф поморщился, но выдержал всё стоически. Только раз ахнул, когда холодные пальцы коснулись шеи.

— Тебе дам прозвище... Атти. Слышишь?

— Атти. Припоминаю! — воскликнула Уна. — Так звали друида, которого ты пригво...

— Я же сказала, заткнись!

Киния отступила на пару шагов, и по-хозяйски упёрла руки в бока.

— По моей воле вы избраны. Вы живые, но к скоту больше не относитесь. Вам уготована иная роль — очень важная! И чтобы её исполнить, вам придётся много-много учиться. Вот какая честь оказана вам, очень немногим выпадает такая возможность. Так что проявите свою благодарность через преданность и послушание мне. Если не оправдаете моих ожиданий, то станете кормом для нежити. Вы слышали меня?

— Да, госпожа! — с готовностью ответили мальчишки.

— Тогда начнём настоящее обучение с завтрашней ночи.

По залу эхом разносился стук дерева. Киния наседала, — часто, но сдерживая силу — атакуя Сотэра деревянным мечом. Весь взмыленный Сотэр отступал, едва успевая отражать удары таким же тренировочным мечом или щитом. Иногда вампирша делала паузу в атаках, давая мальчишке возможность напасть самому. Госпожу Сотэр справедливо побаивался, а потому колол осторожно. Рано или поздно парень выдыхался, и Киния загоняла его в угол, где сбивала с ног, и награждала болезненным добивающим ударом.

— Поднимайся, щенок! — орала Киния. — Иначе отлуплю так, что живого места не останется. В бою враг не позволит тебе восстановиться. И сколько раз повторять, что не надо так опускать правую руку?! Держи меч выше!

И Сотэр, покачиваясь, преодолевая боль и усталость, вставал. Всё его тело ныло от многочисленных ссадин.

В первые недели тренировок от пропущенных ударов и морального давления мальчик иногда плакал, но Киния быстро выбила из него эту привычку, наказывая за каждую пролитую слезинку отборной бранью или тумаком.

— Ты сделаешь, что будет велено, или отдам тебя на съедение вурдалакам! Хватит ныть! Принял стойку и тридцать раз рубящий сверху — косой. Вперёд!

Отрабатывать защиту или удары нередко приходилось в бою с тренировочным зомби. А реакцию и навык перемещения в стойке помогали наработать призраки, что налетали на Сотэра с разных сторон.

— При помощи быстрой реакция я выжила в сложном бою с одним личом. Вот почему она важна... Так, у тебя ноги заплетаются! — шипела Киния. — Не скрещивай их, когда переступаешь, ты в этот момент очень неустойчив — легко вывести из равновесия... Ладно, достаточно. Не бросай меч и щит, давай бегом по залу. Даже самый тухлый зомби двигается быстрее тебя. Нежить не заботится о такой ерунде, как выносливость. Но ты живой и быстро устаёшь. Надо это исправлять!

Несмотря на то, что Киния гоняла Сотэра вплоть до измождения, при всей своей строгости она никогда не давала нагрузок сверх предела мальчишеских сил. Сколь бы много болезненных ударов не получал Сотэр, дело никогда не доходило до травм, которые могли вышибить из тренировочного процесса. Уж в чём в чём, а в нанесении ударов или настройке жёсткости тренировочного зомби Киния была внимательна и сдержана, ведь сейчас перед ней не простая служка в сценке, а очень ценное человеческое тело. После боевой подготовки вампирша всегда давала мальчишке достаточно времени на восстановление, чтобы не допустить «перетрена». В конце концов, Киния далеко не в первый раз брала на себя роль учителя — всё в той же манере приходилось работать с живыми кандидатами во Второе поколение.

Помимо тренировок ничуть не меньше времени уделялось магическому образованию Сотэра. Научившись читать, он изучал руководства по волшебству. Иногда ему в этом помогала Вистра, но всегда под надзором Кинии, чтобы начитанная эльфийка не сболтнула мальчишке чего лишнего, что только навредит его воспитанию как паладина.

Хотя ошибку в этом допустила сама вампирша. Когда Вистра впервые помогала Сотэру, Кинии не понравилось, как мальчишка украдкой бросает любопытные взгляды на рядом сидящую эльфийку — всё ещё носящую только прозрачную сорочку.

Вампирша запоздало вспомнила, что у рыцарей света запреты к зову плоти по своей строгости мало чем уступают монашеским обетам. Даже простое вождение недопустимо! Пришлось нарядить Вистру обратно в платье с закрытыми плечами и длинным подолом. В голову даже пришла мысль про оскотление, но её вампирша быстро отвергла: в ордене паладинов этого не практиковали. «Вдруг отсутствие срамного органа лишает способности подчинять свет? — не без смеха подумала вампирша».

Но Киния понимала, что Сотэру нравится быть рядом с Вистой отнюдь не только потому, что она разок засветилась почти полностью обнажённой. Она же ведь подобна ему — живое существо. И Вистра всё объясняет мягко, любезно и терпеливо. Это пробуждает в мальчике ничуть не меньше усердия, чем понукания и крики.

«Возможно, и мне нужно быть мягче, если это благотворно повлияет на Сотэра, — размышляла Киния, наблюдая за склонившимися над книгой мальчиком и эльфийкой. — Я ведь выращиваю не Высшую нежить. Нужно чуть поменять подход к нему».

А вот обучением урезанному катехизису Киния занималась целиком самостоятельно, не доверяя это Вистре. С пониманием большинства добродетелей паладинов у Сотэра проблем не было.

— «Будь честным как с самим собой, так и с другими; не лжесвидетельствуй; пусть твоё сердце будет открыто для ближних», — читал Сотэр, стараясь не запинаться.

— Видишь, лгать госпоже нельзя, — наставительно говорила Киния. — Не пытайся что-то скрыть от меня, никаких секретов. Говори мне всё как есть. Может есть нечто такое, что смущает тебя, но ты не хочешь сказать об этом? Тогда признайся мне, я не буду ругаться.

— М-м... есть кое-что, — осторожно начал Сотэр после небольшой паузы.

Видя, что госпожа терпеливо ждёт продолжения, да ещё и добродушно улыбается, — очень редкое для неё выражение! — мальчик чуть осмелел:

— Вот в кодексе, ну, свет восхваляется. О магии света написано хорошо. Но вокруг никто не творит свет. Все колдуют тьму. Ты т-тоже... госпожа. Если магия света важна, в общем, ну, почему её так мало? Почему никто больше не учится, кроме меня?

— Потому что это особая магия, которой суждено овладеть очень немногим, — ответила Киния, ожидавшая этого вопроса. — Не у всех есть дар к овладению светом. Но у тебя нашёлся, а потому ты избран как будущий носитель очень редкого волшебства. Однако важен не только свет, но и тьма. Они противоположны друг другу, но равнозначны, ведь являются неотъемлемой частью этого мира. Так что благодари судьбу, что можешь постигать свет, но не забывай о почтении к тьме... Молодец, что спросил. Читай следующую заповедь.

— «Будь готов к самопожертвованию во имя света и ради ближнего своего»

— Если придётся, ты должен любой ценой защищать свою госпожу, — пояснила вампирша. — Даже ценой жизни. Да, я хоть и сильная, но однажды буду нуждаться в защите моего паладина. Свет да защитит тьму.

Говоря это, Киния впервые расщедрилась на сдержанную ласку — погладила светлые волосы Сотэра.

— Дальше...

— «Защищай невиновных, всюду выступай против несправедливости»

Сотэр помолчал, но так и не дождавшись пояснений от Кинии, спросил:

— Госпожа, кто такие не-винов-ных и... что за не-справед-ли-ности?

— Ну-у... Это когда кого-то наказывают за то, что он на самом деле не совершал. Вот,

например, когда я тебя бью, то никогда не делаю это просто так. Мои наказания справедливы.

Так постепенно они проходили катехизис и другие отредактированные Кинией труды. Потом Сотэр зубрил кодекс и учился медитировать, чтобы лучше чувствовать магическую силу.

И однажды мальчик смог ненадолго сотворить крохотную звёздочку — успех, доказывающий, что приверженность даже порезанному катехизису открывает путь к силе света.

«Как странно, — дивилась Киния, глядя на волшебного светлячка, летающего над ладонью восторженного Сотэра. — Я же вампирша, мне противен свет. Но нет, я вместе с малолетним скотом радуюсь волшебному огоньку, словно ребёнок дурацкому фокусу на ярмарке. Безумие».

Если обучение Сотэра и Вистры шло складно, то иначе дело обстояло с Атти. Эльфийский мальчик внимательно читал и запоминал друидические книги, отличался большим прилежанием. Однако хорошо усвоив теорию, он ничего не мог добиться в практике.

Атти много медитировал в посадках у замка; клялся госпоже, что чувствует пульсацию магии в корнях и стволах сосен, но не мог почерпнуть из них хоть горсть силы.

— Проклятье, уже целый год старается, а всё никак, — негодовала Киния в своих покоях.

— Может, пора его съесть? — предложила Уна. — Воспитаешь нового огородника. Делов-то!

— Нежелательный вариант. На подбор и выращивание нового воспитанника уйдёт ещё сколько-то лет. Если Вистру можно хоть десятилетиями держать, то со взломщиком-паладином затягивание обернётся дурными последствиями. В идеале нужно, чтобы оба взломщика оказались готовы одновременно.

— Госпожа, только не гневись на меня. Клянусь второй смертью, я тщательно подбирала одарённого детёныша. Не знаю, почему у него ничего не получается. Может, ленивый?

— Нет, детёныш хорошо одарён и трудолюбив. Подозреваю, что дело вовсе не в нём. Возможно, чтобы наладить полную связь с магией, ему нужно большое настоящее место природы. А на эту роль наши жалкие рощи не тянут.

— Беда. Лесов-то считай не осталось. Только сушняк один торчит.

— И всё же иных идей мне в голову не приходит. Попробуем хоть так...

С наступлением следующего дня Киния, Уна и троица взломщиков отправились к ближайшим останкам леса. Преодолели всего десяток лиг, но для Сотэра, Атти и Вистры это оказалось первым путешествием за пределы территории замка.

Там и сям торчал сплошной сухостой без веток, так что казалось, будто находишься среди обломков гигантских костей, воткнутых в землю. Часто приходилось перешагивать давно опавшие стволы. Залетая в дупла, ветер с тоскливым завыванием вырывался через зевы сломанных древесных вершин — создавалось впечатление, будто невидимый музыкант дует в большой рог, творя скорбную похоронную музыку. Грифы и вороны кружили в небе, следя за группой из пяти странников.

— Вистра, ещё раз напоминаю: не вздумай баловаться с огненными заклятьями. Даже огонька не вызывай, — предупредила Киния. — Одна искорка — и тут всё займётся пламенем.

Вдали от замка с его воздушным куполом живой троице дышалось непросто. Но Сотэр и Вистра несильно страдали от этого, будучи под впечатлением от первого похода. Они во все глаза рассматривали унылый пейзаж, и возбуждённо прыгали с одного опавшего ствола на другой.

— Ах, игривые детишки на лесной прогулке, — умилялась Уна.

Вся игривость закончилась, когда нога Сотэра с громких хрустом провалилась в глубь трухлявого пня. После строгого взгляда вампирши парень понурился, шёл тихо и осторожно. Только Атти не разделял интереса живых соратников.

— В книгах леса выглядят красивее, — пробормотал эльф. — Здесь так уныло. Я слышу шёпот мёртвых деревьев.

— Большая катастрофа всё погубила, золотце, — сочувственно сказал Уна. — И леса погубила, и орден паладинов. Ах, как прискорбно!

— Здесь, — Киния остановилась на небольшой поляне, свободной от сушняка. — Значит так... Я пойду послезу за конями. Уна, будешь дежурить по округе. Смотри, чтоб ни одна живая или мёртвая тварь не подобралась к этой поляне даже за одну лигу. Увидишь кого незваного — уничтожь. Если кто посильнее объявится — зови меня.

Киния опустила на корточки перед Атти.

— Слушай дитя. Может тут всё и не выглядит как лес в книжках, но всё же это лес, — сказала вампирша холодным тоном, не терпящим возражений. — Так что тебе лучше бы почерпнуть у него силу, и показать мне, что можешь владеть ею. Иначе сочту тебя бесполезным. Нет, не просто бесполезным, а даже вредным — впустую потратил моё время. И тогда я сотворю с тобой что-то очень ужасное.

— Если подведёт тебя, то прошу — отдай его мне! — взмолилась Уна. — Я усыновлю его и одарю своей любовью!

Уна обняла Атти со спины, заставив его задрожать.

— Может и отдам, — Киния зашагала прочь. — Сотэр, Вистра — идём.

Прежде чем уходить, Сотэр хлопнул Атти по плечу — так приветствовали друг друга рыцари света на картинках в катехизисе. Хотя мальчишки готовились быть взломщиками, они редко пересекались в одном месте, и ещё реже обменивались какими-то словами. Но сейчас Сотэр испытал к эльфу чувство солидарности и захотел помочь хоть советом.

— Главное, дыши глубоко, — шепнул Сотэр. — Мне помогло, когда медитировал.

— Дышать... глубоко? — переспросил Атти. — Я вообще почти не дышу при медитации.

Сотэр хотел сказать что-то ещё, но заволновался, когда посмотрел на удаляющуюся вампиршу, и побежал догонять её.

Вистра поступила смелее:

— Госпожа!

— Чего ещё, Цветочек? — Киния остановилась.

— Позволь мне медитировать вместе с Атти. Может мне получится настроить его на связь с магией.

Эльфийка тоже хотела помочь сородичу, но это была забота иной природы, чем у Сотэра. Вистра с малых лет была отлучена от семьи, не помнила отца или матери, и с тех пор вообще больше не появлялась в деревнях-загонах для скота. Служа лорду в замке, девушка очень редко общалась с кем-то из живых. Из-за таких условий ей было незнакомо чувство кровного родства. Но обучая Атти и Сотэра сперва грамоте, а потом и основам волшебства, Вистра привязалась к ребятам, испытав новое для неё ощущение. Благодаря своей начитанности эльфийка смогла сравнить своё переживание с ответственностью книжных героев, которые заботятся о младших братьях или сёстрах.

— Нет, — отрезала Киния. — Атти должен справиться сам, один.

Вистра не решилась перечить госпоже.

— У тебя получится. Я верю, — сказала она эльфу.

Атти долго смотрел вслед удаляющейся троицы. Иногда Вистра или Сотэр оборачивались.

Когда они отошли настолько далеко, что затерялись среди сухих стволов, парень повернулся в противоположную сторону, присел, скрестил ноги и положил ладони на колени. Прикрыл глаза.

В голове бешено роились обрывки не связанных друг с другом мыслей. И все они распалили тревожность, которая грозила разгореться до паники. Душил страх подвести госпожу и получить от неё непонятное, но несомненно чудовищное наказание. Навалилось волнение перед этим жутким безжизненным местом. Давила боязнь, что в незащитном одиночестве какая-нибудь голодная тварь прыгнет со спины, и утащит в своё логовище.

Атти попробовал унять часто бьющееся сердце. Медленно делал глубокие вздохи и выдохи, а между ними на несколько мгновений задерживал дыхание. Попробовал сперва сосредоточиться на каждой мысли, толкающей к страху, а потом отрешиться от них.

Для ребёнка мысленная выдержка может казаться непосильным делом, но Атти уже сотни раз практиковал медитации. Так что не вдруг и не сразу, но постепенно эльф оттеснил пугающие думы на самый край разума. Дыхание стало плавным и редким. В голове воцарилась мысленная тишина.

Мальчик направил внутренний взор к земле, а потом и в глубь тверди. Своим шестым магическим чувством Атти искал потоки волшебной силы. И он их нашёл: едва уловимые отголоски магии протекали по сухим переплетающимся корням. Эльф мысленно потянулся к этим крохам силы.

Чем лучше Атти чувствовал магию в мёртвых деревьях, тем чаще слышал в голове шёпот. Поначалу он был тихим, неразборчивым и прерывистым. Однако со временем нарастал, пока не превратился в оглушительную и беспрерывную многоголосицу. Атти не различал, о чём именно призывают призраки мёртвых деревьев, но в их тоне угадывались жалобы, стенания и горький плач.

В какой-то момент слушать эти причитания стало невыносимым. Отрешиться от них

теми же приёмами, какими Атти справился со своими мыслями, не выходило. Не получалось и почерпнуть хоть капельку магии. Напротив, ноющие призраки деревьев будто бы протянули к эльфу бесплотные корни, и сами начали вытягивать из него силы.

Не выдержав этого, Атти застонал и поднялся на ноги. Плачь призраков смолк. Встревоженному эльфу захотелось убраться отсюда подальше — туда, где под ногами не змеятся сухие корни.

— Не хочу опять слушать шёпот, — сказал Атти, отвергая мысль о новых попытках медитировать. — Что же делать?

Он больше не думал, как выполнить задание госпожи. Теперь воображение Атти усиленно рисовало сценки, в которых он плаксиво оправдывается перед вампиршей, убеждая её в том, что здесь нет магии природы. Прокрутив в голове с десятков таких монологов, эльф пришёл в отчаяние.

— Бесполезно! — он схватился за голову. — Госпожа не примет мои слова. Что же делать?.. Я не могу вернуться к госпоже. Не могу.

Эльф бродил по поляне кругами.

— Не вернусь. Останусь тут, и помру от жажды.

Он поднял взор к серым безучастным облакам, под которыми кружили вороны.

— Помру, и они съедят меня. Или я превращусь в Бесхозную нежить. Буду вечно бродить по лесу, вечно слушать плачь деревьев. А может, меня раньше сожрут волки. Или вурдалаки.

Замерев, Атти осознал, что не помнит, в какую сторону ушла госпожа. Повертевшись на месте, эльф, наконец, выбрал направление. Шагая по лесу, Атти надеялся, что расстояние между ним и госпожой растёт.

Он бродил, спотыкаясь о стволы и ветки, пока не вышел к неширокой реке. Ещё никогда Атти не видел воочию природных водоёмов, только пруды у замка или колодцы у загонив живого скота. Эльф завороченно глядел на реку и даже ненадолго позабыл о всех страхах, будто вода подхватила их и унесла течением.

Когда Атти мысленно вернулся к безжалостной действительности, на глаза навернулись слёзы.

— Почему у Вистры и Сотэра всё получилось с магией, а у меня нет? — жаловался мальчик реке. — Нечестно!

Плача, Атти раздвинул тростник, и шагнул в воду. Холод обжог стопу, но мальчику было всё равно. За ноги цеплялись водоросли. Он шёл вперёд, пока не оказался по пояс в воде.

— Ут-топлюсь, — сказал Атти, всхлипывая и от холода стуча зубами. — Не хочу, чтоб м-меня вороны клевали. Или чтоб в-волки растерза-али. В з-зомби превратиться тоже не хочу. Утоплюсь!

Эльф задумал опуститься под воду с головой, но всё никак не мог решиться. А когда наконец собрал волю в кулак, то заметил под водой движение. Что-то крупное проплыло рядом, и коснулось бедра.

Атти вскрикнул и что было сил заковылял к берегу. Нога запуталась в водорослях, мальчик плюхнулся в воду. Вынырнул, и таки добрался до берега.

— Что там было? — Атти обернулся к реке. — Большая рыба?

Если там что-то и было, то река не показывала своих тайн, скрыв их под неспешно текущей поверхностью. Во всяком случае, ненадолго...

Нечто схватило Атти за лодыжку. Он увидел в тростнике зомби, с головы до ног покрытого тиной. Мальчик дёрнулся, но вырвать ногу не получилось. Зато когда мертвец дёрнул эльфа, он упал на бок.

Зомби потащил Атти в воду. Эльф неистово дёргал ногой, скрёб руками дно или цеплялся за тростник, но нежить была сильнее и продолжала утягивать на глубину. Атти погрузился под воду. Он старался подняться на руках и свободной ноге, но каждый новый рывок выводил из равновесия. Вода попала в рот. Ненадолго выныривая, Атти пробовал вздохнуть, однако вместо этого тяжело кашлял.

Животный страх смерти охватил всё существо эльфа, утраивая силу в его худеньких руках и ногах. Атти отбивался отчаянно, хоть и тщетно. Но в какой-то момент хватка ослабла, и эльф освободился.

Оглянувшись, он увидел, что зомби стоит в полный рост и весь оплетён водорослями. Они обвилились вокруг его гнилых рук, торчащих рёбер и костлявой шеи. Зомби пытался стащить с себя ожившие растения.

Не собираясь дожидаться победителя в этой борьбе, Атти рванул к берегу. И в зарослях тростника столкнулся лицом к лицу с другим зомби. Атти юркнул в сторону, надеясь проскочить мимо. Мертвяк зацепился за край рубашки. Эльф задёргался, и ткань разорвалась.

Убежать Атти не успел — зомби всё же схватил его двумя руками, и притянул к себе. Он раскрыл пасть, намереваясь вонзить осколки зубов в шею эльфа. Тошнотворный запах ударил в ноздри Атти.

Длинные водоросли и тростник упали прямиком на шею зомби, словно их метнули те степные пастухи, что ловят петлями бегущих лошадей — такие иллюстрации Атти видел в книжках. Ещё миг, и речные растения обвили руки и ноги мертвяка. Раздался хруст сломанных костей. Водоросли оторвали зомби руки, а потом обезглавили.

Атти не тратил время на догадки о причинах чудесного спасения, и в очередной раз кинулся к берегу. В очередной раз упал, и в очередной раз почувствовал, как костлявые пальцы больно сжали голень.

— Да сколько можно! — выкрикнул эльф. — Отпусти!

Брыкаясь, он увидел недалеко от берега Кинию.

— Госпожа! — взмолился Атти. — Спаси! Пожалуйста!

Но госпожа спокойно стояла, скрестив руки на груди, и без всякого выражения смотрела на эльфа — будто наблюдала за унылым противостоянием двух зомби, а не за смертельной борьбой избранного ученика. Как бы Атти не рвал глотку, вампирша осталась глуха к отчаянным призывам.

Опять на помощь подоспели ожившие водоросли, опутав зомби позади эльфа. Однако новые мертвяки ковыляли к Атти с двух сторон.

Рядом с Кинией остановились запыхавшиеся Сотэр и Вистра.

— Госпожа! — крикнул Сотэр. — Ему нужно помочь!

— Ну так помогите, — равнодушно сказала Киния.

Поначалу Сотэр застыл, но крик Атти вырвал его из замешательства. Тогда Сотэр перехватил со спины деревянный щит, достал из ножен короткий меч, и бросился к эльфу на выручку. Для ребят это оказалось первой настоящей схваткой, хотя им не было ещё и десяти лет от роду.

Зомби всё держал Атти за ногу, но не мог сделать чего-то другого, будучи скованным

водорослями. Зато другой мертвяк тянул руку к лицу эльфа. Сотэр подбежал к этому зомби, но вместо атаки закричал и заколотил мечом по щиту, стараясь привлечь внимание. Демонстрация не произвела впечатления на зомби — он продолжал идти к Атти. Тогда Сотэр решился ударить мечом по вытянутой руке мертвяка. Клинок рассёк распухшую плоть, лишь поцарапав кость. Мальчишеской силы не хватило, чтобы перерубить руку.

Зато теперь зомби отвлекся от эльфа и пошёл на Сотэра. Но ведь был ещё другой зомби, которого требовалось немедленно отвадить от безоружного соратника. Осмелев, Сотэр бросился на третьего мертвяка, и толкнул его щитом. Это сработало куда лучше, чем удар мечом: удалось опрокинуть неустойчивого зомби. Когда он поднялся, то перевёл внимание на Сотэра.

Атти на время был спасён, однако Сотэру пришлось отбиваться сразу от двух наседавших мертвяков. Во время тренировок мальчик хорошо наработал передвижение и оборону. В игровых боях с зомби все движения давались легко и плавно. Но в условиях настоящего боя парня охватило сильное возбуждение, руки тряслись, движения выходили дёрганными и кривыми. Вытаращив глаза и рыча, Сотэр отбивался размашистыми ударами. Клинок рубил пальцы и отсекал куски плоти, но бесчувственных зомби это не волновало. Они напирали, грозя схватить за шею.

В горячке боя Сотэр позабыл и о правильной технике передвижений. Когда он пятился, то рубанул из неустойчивого положения, и «провалился» — потерял равновесие. Сотэр упал на бок, а подняться не успел — зомби налёг на щит.

Другой мертвяк схватил ногу Сотэра, чтобы впиться в неё зубами. Но в этого зомби угодил огненный шар. Кости и горячая плоть разлетелись по сторонам. От туловища зомби осталась только дымящаяся головёшка, в очертаниях которой едва различались обломки рёбер и обугленный плечевой пояс.

Рассудив, что в бою один на один Сотэр справится, Вистра побежала к Атти, на ходу творя новое заклинание — попроще, чем огненный шар. Ладони эльфийки загорелись, но пламя не обжигало её кожу. Вистра подскочила к зомби, всё ещё удерживающему Атти. Преодолев отвращение, Вистра схватилась пылающими руками за голову мертвяка и погрузила огненные пальцы в пустые глазницы.

Весь череп зомби разгорелся. Он наконец отпустил Атти, и упал на спину. Эльфийка мысленным приказом потушила огонь, и протянула руку мальчику. Атти не сразу решился взяться за ладонь, на которой совсем недавно бушевало пламя. Но когда ухватился за неё, то почувствовал приятное тепло живого существа.

— Ты не ранен, братик?! — дрогнувшим голосом спросила Вистра.

— Братик? — шёпотом повторил Атти.

Тем временем Сотэр выполз из-под зомби. Не позволяя мертвяку подняться, парень начал непрерывно наносить удары мечом по шее. Не всегда они попадали в цель: иногда клинок оставлял трещину на ключице или, угодив в челюсть, выбивал зубы, но, в конце концов, у Сотэра получилось отрубить зомби голову.

Троица учеников сгучковалась в нескольких шагах от Кинии и приготовилась к продолжению боя. Из воды показалось ещё несколько зомби. Тогда Вистра метнула огненный шар в гущу тростника. Пламя быстро распространилось по речным растениям, и перекинулось на зомби.

— Не надо было так, — вдруг с тоской сказал Атти.

— Это и впрямь лишнее, — спокойно согласилась Киния. — Это речная нежить. Она не

посмеет отходить от реки и на несколько шагов... Атти. Ты молодец. Ты не только почерпнул магию, но и произвольно сотворил несколько заклятий. Быть тебе настоящим друидом... Вистра! Умница. Хотя всё же не надо было так с огненными ладонями бросаться на зомби. Магу очень нежелательно вступать в рукопашную... Сотэр! Ты меня разочаровал. Позабыл почти всё, что мы отрабатывали. Дрался храбро, но неумело. Не сотворил ни одного заклинания. Придётся гонять тебя ещё больше... Идём домой.

— Подожди, госпожа! — окликнул её Сотэр. — Ты же говорила, что мелкая нежить не любит воду. Так откуда здесь зомби? Что ещё за речная нежить и почему она Бесхозная?!

В его голосе слышались неприкрытые обида и возмущение.

— Ещё раз попробуешь говорить со мной таким тоном — порежу язык.

«Проклятье, я вообще мало что разъясняла ему о видах нежити и её слабостях, — подумала Киния. — Ведь не хотела, чтобы он хоть иногда видел в ней врага, как настоящий паладин. Но очевидно, что ему ещё предстоит вступать в бой с мёртвыми. Чтобы подготовиться к этому, придётся идти с ним на чуть большую откровенность».

— Водимая нежить и кое-кто из Низшей нежити действительно страшатся водоёмов. Большинство видов Бесхозной нежити — тоже. Но есть редкие исключения. Это зомби-утопленники. Они предпочитают прятаться под водой. Сколько бы некроманты не бились, у них не получилось подчинить утопленников.

Киния ускорила шаг, посчитав, что лекция закончена. Когда вампирша чуть отдалилась от учеников, около неё возникла Уна.

— Госпожа, это просто чудо чудесное! — восхитилась призрак. — Как дитяtko умудрилось околдовать те водоросли?

— Признаться, удивлена не меньше тебя, Уна, — прошептала Киния. — Хотя всё это объяснимо. Последствия Войны затмения привели к упадку наземной природы. Подводная природа пострадала гораздо меньше. Она, конечно, не сохранилась в первозданном виде, однако достаточно жива, чтобы оставаться вместилищем для магической силы. Я никогда о таком не слышала, но, кажется, на наших глазах появился, гм-м, друид водной флоры и фауны.

Пока вампирша говорила с Уной, Сотэр снял свою куртку, и накинул её на плечи мокрого и дрожащего Атти. Вистра хоть и устала после боевых заклятий, магией подогрела свои руки, и приложила одну горячую ладонь к шее эльфа, а другую на его солнечное сплетение.

— Согревайся, братик.

Так он и шёл в объятиях эльфийки, пока не добрались до коней.

Он сделал выпад мечом, но Киния легко отбила его. Вампирша не контратаковала, отдавая инициативу сопернику.

Выждав момент, он рубанул наискосок. Киния увернулась, сделав шаг в сторону и отклонив корпус. После она изобразила замах, напугав соперника, но бить не стала.

Пара кружила по залу, неотрывно следя за каждым движением друг друга. Он ткнул мечом, метя в шею. Киния отразила атаку с ланцой.

Когда они в очередной раз скрестили деревянные клинки, вампирша отбила удар с такой злостью, что Сотэр едва удержал рукоять.

— Что с тобой такое?! — возмутилась Киния. — Я же сказала атаковать в полную силу!

— Так я стараюсь, госпожа, — буркнул Сотэр.

— Враньё! — отрезала вампирша. — Ты лжёшь госпоже. Забыл о добродетели честности? Не стать тебе истинным паладином, если нарушаешь кодекс. И магия тебе подчиняться не будет. Вистра и Атти будут хорошо колдовать, а ты только мечом махать. Да и то кое-как... Так в чём дело? Боишься нарваться на контратаку? Боишься в ответ получить тяжёлый удар?..

Она сощурилась.

— Нет, дело не в этом. Ты давно перестал бояться боли. Должно быть, тебе претит мысль, что можно сильно ударить госпожу. Даже если она повелела атаковать не сдерживаясь.

Сотэр молча потупился.

Тогда Киния отбросила свой меч. А потом схватилась за рубашку, и задрала её, открыв живот.

— Ударь сюда, щенок! — вампирша ткнула пальцем в бледную кожу у пупка.

Неуверенно переводя взгляд с живота на лицо вампирши и обратно, Сотэр принял боевую стойку.

— Ну же! — рявкнула Киния.

Он сделал выпад. Тупой деревянный клинок врезался в живот. Киния даже не пошатнулась. На коже появилась лёгкая ссадина.

— Я сказала ударить, а не ткнуть! — заорала Киния. — Вкладывайся всем весом, с подступом и поворотом корпуса. Давай!

Сотэр рубанул заметно сильнее. Киния слегка пошатнулась. На животе появилась длинная полоса.

— Во всю силу, тварь!

Вот теперь Сотэр стиснул зубы и приложился по полной. Обычной человек после этого согнулся бы в три погибели или корчился бы на полу. Но Киния только отступила на шаг, и сразу же вернулась на место.

— Слабенько. Ещё!

— Но госпожа, я же...

— Заткнись и бей, или поменяемся местами. Бей!

Сотэру сделалось очень тревожно, но, не смея послушаться, он вновь ударил со всей силы.

— Ещё, сопляк!.. Тухло!.. Повтори!.. Давай, щенок!.. И ещё!

Живот Кинии раскраснелся от дюжины ссадин и ранок.

— В полную силу! — не унималась вампирша.

Залитый потом, Сотэр зарычал и сделал выпад, навалившись всем телом. Тупой деревянный клинок пронзил плоть на животе, и вошёл внутрь.

На несколько мгновений мальчишка замер. При этом он всё ещё держался за рукоять. Затем Сотэр медленно поднял взор от раны к лицу вампирши.

— Госпожа, — выдавил из себя Сотэр. — П-простите, я н-не хотел...

Киния ничего не ответила. Она просто схватила Сотэра за руку, которой он держал меч, и с силой потянула её на себя. Мальчик ощутил, как клинок, преодолевая сопротивление внутренностей, с чавкающим звуком заходит всё глубже. Вампирша стиснула запястье Сотэра как стальными тисками, и дёрнула его. Клинок вылез из спины Кинии.

Потрясённый мальчишка разжал рукоять. Его ладонь дрожала. Киния, пронзённая деревянным мечом насквозь, стояла как ни в чём не бывало. Потом она взялась за рукоять, и демонстративно медленно вытащила клинок. Из зияющей раны не вытекло и капельки крови. Вампирша кинула меч в другой конец зала.

Она опять взяла испуганного мальчишку за руку.

— Это не магия иллюзии. Убедись!

Не успел Сотэр опомниться, как вампирша засунула его ладонь прямо в рану. Пальцы уткнулись во что-то склизкое и холодное. У Сотэра закружилась голова, он задёргался. Киния не позволяла ему вырваться.

Мальчишку стошнило, так что он едва не залил ноги госпожи. Только тогда Киния отпустила Сотэра. Парень упал на спину, отполз, и со смесью отвращения и ужаса посмотрел на свою окровавленную руку.

— Видишь? Мне нипочём твои жалкие удары, — спокойно промолвила Киния, не выказывая и намёка на боль. — Когда госпожа велит атаковать в полную силу, ты должен нападать так, будто собираешься убить. Понял?.. На сегодня тренировка закончена. Свободен, щенок.

Сотэр ушёл молча, позабыв отвесить поклон, какой всегда полагалось делать перед учителем по завершению урока.

«Кажется, я собиралась быть с ним помягче, — вспомнила Киния. — Ладно уж... Пускай за книгами будет один подход, а за тренировками — другой».

Киния повелела зомби прибраться в зале, и пошла в свои покои. Рана ничуть не беспокоила вампиршу — скоро затянется. В спальне Киния разложила большую карту. Уже в тысячный раз за прошедшие годы взор вампирши скользил по начертаниям земель от границы империи до Угрюмого хребта и обратно. Иногда взгляд цеплялся за пометки, сделанные самой Кинией. Иногда останавливался на замках владык нежити.

Вампирша прикидывала варианты маршрута от своих владений до горы, скрывающей заветный Источник. Обдумывала, как миновать территорию других владык нежити: кому щедро заплатить ради пропуска, кому что-то пообещать за право спокойного прохода; где-то придётся пробиваться силой, а где-то попробовать проскочить незаметно; и какие ложные слухи пускать, чтобы никто из Высшей нежити до поры до времени не догадался о цели экспедиции Кинии.

На подготовку взломщиков осталось ещё лет семь-восемь. Скоротечный момент для бессмертных, выживающих в безжалостной борьбе веками, а при некоторой доле везения и хитрости — тысячелетиями. Однако этих семи-восемью годов должно хватить, чтобы

подготовить троицу к посвящению в их искусство — условие, необходимое для способности взломать печати, как это сделали герои баллады об Источнике жизни. Хотя Киния уже не считала ту историю просто балладой. Скорее, дневником, написанным высоким поэтичным слогом.

Но кто проведёт Сотэра, Вистру и Атти через посвящение, если Война затмения растоптала как твердыни орденов, так и их живых последователей? Сгинули архимаги, магистры рыцарей света и верховные друиды. Нет истинных хранителей запретных знаний, а значит, некому посвятить новых учеников в эти искусства. Киния понимала, что невозможно возместить этот недостаток, обучая взломщиков только по книжкам и в зале для колдовства.

Впрочем, вампирша не считала, что Вистре, Атти и Сотэру нужно полноценное посвящение. Заставив Уну подробнейшим образом рассказать всё об увиденных печатях, — и тех волшебных символах, из которых они складывались — Киния провела тщательные расчёты. В конце концов она пришла к выводу, что троице вместо полного посвящения хватит и мимолётной связи с теми отголосками забытой силы, что ещё витает на руинах орденских крепостей. По теоретическим выкладкам, даже после такого скромного контакта каждый взломщик способен сломать печать. Не мудрствуя лукаво Киния назвала свою задумку псевдопосвящением.

Ради него Вистра зайдёт на развалины той башни, в которой когда-то творили заклятья огненные маги. Там нет волшебного источника и вообще ничего представляющего интереса для Высшей нежити. Но камни до сих пор хранят отпечатки великих огненных чар — это поможет Вистре лучше прочувствовать бушующую голодную стихию.

Сотэр посетит некогда благословенную землю, на которой жили паладины. Именно землю, а не какие-то развалины, потому что Высшая нежить во время Войны затмения там камня на камне не оставила. Всё разрушили, осквернили и предали забвению, стараясь искоренить любые напоминания о рыцарях света. Однако невозможно целиком «выветрить» некогда мощную ауру, что растекается там, где часто творилось однотипное колдовство. В землях погибшего ордена сохранилось едва различимое эхо святой силы. Почерпнув её, Сотэр чуть ярче разожжёт в себе магический свет.

Атти укрепит связь с природой там, где росла роща ордена друидов. На останках этого места не должно возникнуть тех же препон с поиском силы, какие мальчишка испытывал в мёртвом лесу у реки. Ведь эльф будет медитировать не на обычной полянке. Он потянется к магии там, где друиды устраивали колдовские мистерии.

«Только вот мой эльф — друид водной флоры, — размышляла Киния. — Надеюсь, из-за этого останки силы обычных друидов не будут восприниматься как что-то чужеродное. Иначе понятия не имею, где Атти пройдёт псевдопосвящение».

Хоть искусство Атти отныне было связано с водой, после того нападения утопленников он получил стойкую неприязнь к любым водоёмам, даже небольшим. А ведь теперь для сближения с природой требовалось медитировать именно около прудов, рек и озёр. Ещё лучше — усевшись на мелководье. В эти моменты эльфу было тяжело сосредоточиться несмотря на то, что рядом несли неусыпный дозор призраки: они прогонят утопленников и вообще любых опасных тварей. Вистра говорила, что эту боязнь в книгах учёные мужи называли гидрофобией. Но госпоже плевать на какие-то там фобии. Госпожа сама страшнее всех фобий вместе взятых, так что ей достаточно один раз потребовать залезть в воду, и Атти уже готов хоть нырять с разбегу, лишь бы не испытывать на себе вампирский гнев...

Склонившись над картой, Киния несколько часов оценивала разные варианты

маршрутов. Требовалось продумать всевозможные исходы и запасные планы. От размышлений вампиршу оторвала лёгкая колющая боль под ухом — сигнал охранных заклятий, предупредивших о распознании нарушителя. Киния вскочила, чтобы броситься на зов сигнальных чар, но остановилась, едва сделав шаг. Чуть поколебавшись, она быстро свернула карту, и положила её в сундук с ловушкой. Нечего оставлять на виду такую вещь.

Только тогда вампирша рванула на балкон. Там Киния огляделась, а потом перемахнула через балюстраду. Пролетев десять метров, вампирша мягко приземлилась на крышу. Ещё несколько таких прыжков, вампирский рывок, и Киния оказалась за стенами замка.

Там она узрела Уну, прижимающую к земле призрака из Низшей нежити. Эта тварь состояла из костей антрацитового цвета: череп, длинный гибкий позвоночник и большие крылья как у летучей мыши. Призрак пробовал вырваться, беспорядочно хлопая крыльями и молотя концом позвоночника по земле словно змея. Но Уна удерживала крепко.

— А, госпожа. Тоже почувствовала? — обрадовалась Уна. — Охранные чары распознали эту мошку, и развеяли её невидимость. Хотела удрать, но от меня так просто не скрыться!

Едва Уна сказала это, как крылатого нарушителя окутало зеленоватое свечение. Он начал часто открывать и смыкать челюсти, будто стараясь побыстрее что-то прожевать. Киния бросилась к Уне. Хоть та являлась бесплотной нежитью, вампирша благодаря своим магическим способностям врезалась в неё как в твёрдое тело, и спихнула с крылатой твари. В следующий миг нарушитель вспыхнул зелёным пламенем, и мгновенно сгорел, не оставив после даже пепла.

— Могла бы и сама уразуметь, что запускается заклятье самоубийства, — проворчала Киния. — Сгорела бы не подоспей я вовремя.

Вампирша поднялась, и начала отряхиваться.

— Ах, как досадно, — Уна как бы лежала на земле и смотрела на беспросветные облака. — Хотелось допросить осведомителя. Но кое-что всё же хорошо в этой истории: приятно ощутить твоё прикосновение, госпожа! Пускай даже такое грубое.

— Вот что, Уна. Сдаётся мне, это далеко не последний незванный гость. В ближайшие годы кто-то будет постоянно шпионить за нами. Усиль охранные чары. Вытащи из скота дюжину голов, и обрати их в дозорных призраков.

Киния отправилась в покои, по пути размышляя над тем, кто мог шпионить за ней.

«Да кто угодно, — понимала вампирша. — Это мог быть осведомитель из Витании. Они всегда готовятся к войне с нами — куда как веская причина для разведки. Ещё тварь могла принадлежать Вейлину. Конечно же он ищет как насолить мне. Хотя таких призраков среди его нежити я не видела... Кто-то ещё из лордов? Сам император Онгхус?»

— Кто угодно, — сказала Киния уже вслух, вернувшись в спальню. — Но кто бы это ни был, сейчас лишнее внимание ко мне очень некстати.

Идя по коридорам замка, Киния вела за собой троицу учеников. В первые годы обучения им редко приходилось пересекаться всем вместе, но пару лет назад госпожа решила, что взломщикам не помешают совместные боевые тренировки, на которых можно отработать против врага командную работу. А то в схватке ребята опять будут колебаться и глупить, как это случилось в сражении с утопленниками.

Пока вампирша была рядом, ученики редко перебрасывались словами, и если говорили друг с другом, то ограничивались фразами только по тренировочным задачам. Впрочем, не всегда это были сухие обсуждения. Иногда хоть и сдержанно, но один ученик мог упрекнуть другого за отсталые действия или, наоборот, похвалить за успех. Порой даже проскальзывало что-то похожее на дружеские остроты.

Когда Киния отходила от учеников подальше, те сразу начинали болтать смелее, хотя наверняка понимали, что вампирша всё слышит столь же отчётливо, как и вблизи. Ширился круг тем: помимо тренировок взломщики посмеивались над всякими курьёзами, связанными с Уной; смешивали хвастовство и жалобы, толкуя о недавних наказаниях от госпожи; делились рассказами о красивых картинках, увиденных в книгах. Вистра была на несколько десятилетий старше ребят, однако они воспринимали её без смущения, как равную. Впрочем, не забывали о старшинстве и начитанности эльфийки, а потому обращались к ней с большим уважением, чем друг к другу. Иногда Вистра называла мальчишек братьями. Но пока только один раз Киния услышала, как Атти назвал эльфийку сестрой.

С одной стороны, вампирша видела пользу в этих братаниях: укрепление боевого слаживания. Но, с другой стороны, Киния не хотела, чтобы в троице появилась слишком крепкая привязанность. Ведь даже если после экспедиции Вистре будет дарована возможность обратиться в Высшую нежить, она, несмотря на оказанную госпожой честь, может запротестовать против убийства отслуживших своё паладина и друида. Или, что ещё хуже, вся троица восстанет против госпожи. Так что нельзя позволять им проводить много времени наедине. «По завершению экспедиции в идеале желательно избавиться от Атти и Сотэра так, чтобы в глазах Вистры ответственность за это не пала на меня, — решила Киния. — А время экспедиции близится...»

Вампирша оглянулась на взломщиков.

«Быстро годы летят. Из Сотэра вон какой рослый красавец вымахал. Жаль будет закалывать его... Ребята почти взрослые, меньше года осталось до совершеннолетия. Держать их живыми дольше будет опасно — вызовет подозрения. Правда вскроется, и тогда даже из самых приближённых и преданных рыцарей далеко не все примут то, что их леди воспитала волшебницу, паладина и друида. В этом случае бунта и преследования не миновать. Не всем можно доверять, как Уне. Хватит тянуть, скоро надо будет двигать к Источнику».

Они вошли в главный холл, и направились к центральной лестнице. Киния планировала провести очередную тренировку в колдовском зале. Едва группа подошла к ступенькам, как двери во внутренний двор распахнулись, и в зал ввалилась пара вурдалаков. Они тащили за собой здоровенного орка.

Громила не упирался, но с трудом волочил ноги. А ещё громко хныкал. Ученики, не сбавляя шага, удостоили троицу коротким взглядом, и пошли за госпожой вверх по лестнице.

— Пожалуйста... Не надо! — грубым хриплым голосом, но плаксивым тоном умолял орк. — Пощадите!

О чём бы он ни молил, вурдалаки не восприняли его просьбу, и без остановок тянули несчастного куда-то в сторону западного крыла замка.

Когда вампиры и личи воспитывают живых учеников для обращения в Высшую нежить, то в период подготовки заставляют их всевозможными способами убивать скот. Это должно закалить в избранных как невосприимчивость к чужим страданиям, так и взрастить убеждённость в превосходстве над живыми.

Но Киния воспитывала взломщиков иначе: они никак не взаимодействовали со скотом и вообще редко бывали с ним на одном пространстве. Их руки не запятнала кровь себе подобных. Хотя иллюзий об окружающем мире тоже не питали, прекрасно зная, например, что иногда ради получения магической силы или сотворения особых заклятий скот умерщвляют в тёмных ритуалах долгим и крайне болезненным способом. Конечно же взломщики знали, что нежить употребляет живых в пищу. Знали и о том, что наиболее жестокая смерть грозит тем, кто неоднократно провинился — злостные нарушители правил пройдут через ужасающие пытки. Ребята знали об этом, но воспринимали как должное; как неизменный естественный порядок вещей.

— Это неправда! — ныл орк. — Я не выходил из загона!

Сотэр замедлил шаг.

— Нам всё равно, — пробурчал вурдалак. — Шевелись, мясо!

— Но я ничего не нарушил! — орк весь обмяк и опустился на колени. — За что ж меня на закляние?

— Разбираться мы ещё будем, — вурдалаки не пробовали поднять тяжёлого бедолагу, а просто потащили его по полу.

Атти, Вистра и Киния поднялись на второй этаж, но Сотэр остановился на лестничном пролёте.

— Ты чего? — шепнул эльф, заметив колебания соратника. Атти хотел задать больше вопросов, но не решился при близком присутствии госпожи.

— Не-е-е-т, — протянул орк, сознавая бесполезность мольбы, но не смиряясь с этим.

Сотэр встряхнул голову, ведя скоротечную внутреннюю борьбу. Вурдалаки уже почти подтащили орка к двери, ведущей в западное крыло.

— Чего встал? — сурово спросила Киния, обернувшись к Сотэру.

Сотэр осмелился прямо посмотреть на пронзительные вампирские зрачки госпожи. Он открыл рот, чтобы заговорить с ней, но так и не произнёс даже полуслова. Вместо этого он резко развернулся и сказал:

— Стойте!

При этом ладонь Сотэра произвольно легла на рукоять меча.

Вурдалаки не сразу поняли, что Сотэр обращается именно к ним.

— Я сказал, остановись, Низшая нежить!

Если сперва голос паладина звучал немного неуверенно, то теперь он был громок и решителен, хотя немного дрожал от волнения. Вурдалаки остановились у самого порога и посмотрели на Кинию, в первый миг подумав, что повеление исходит от неё. В самом деле, не живые ведь будут так приказывать? Но вампирша уставилась на паладина и вурдалаков вовсе не замечала.

— Ты что себе позволяешь, дерзкий мальчонка? — оторопела Киния. — Как посмел не ответить на мой вопрос? Как смеешь приказывать разумной нежити?

— Госпожа! — Сотэр встал к вампирше полубоком, чтобы видеть её, но и не упускать из вида вурдалаков. — Мы с тобой не раз вместе читали кодекс. И ты хорошо знаешь, что в нём сказано: «защищай невиновных, всюду выступай против несправедливости».

Сотэр понимал, что пути назад уже нет, а потому хоть и старался добавить в свой тон почтительности, произносил слова резко.

— Я слышал, что говорил этот орк. Он утверждает, что не нарушал правил. И сами вурдалаки заявили, что выхватили его без разбора.

— Да... да! Бурак не нарушал правил, — промычал орк, роняя слёзы.

— Не тебе решать, кто виновен, а кто нет, щенок... Может, ты болен горячкой? — Киния выгнула бровь. — Но твоё тело излучает здоровое тепло.

Вистра и Атти с тревогой переглянулись. Ещё никогда никто из учеников не осмеливался так прекословить госпоже. Надо ожидать очень страшного наказания. А ещё друид и волшебница искренне не понимали, с чего вдруг стоит идти на такую жертву ради какого-то скота. Так уж с детства научены: считать себя выше прочих живых сородичей. Но друг за друга ученики переживали, так что Вистра лихорадочно измышляла, как бы ей вмешаться в разговор и смягчить гнев госпожи, пока своенравный паладин не наговорил ещё чего лишнего.

Киния и сама сразу не смогла бы припомнить случая за прошедшие десятилетия, когда живые осмеливались перечить ей. Хотя всё же был один избранный для обращения в Высшую нежить. Не выдержав тренировок, он нагрубил госпоже. За что был выпит досуха, и обращён в зомби.

— А кому тогда судить? Вурдалакам? — пошёл Сотэр на перепалку, пьянея от собственной наглости. — Так они не судили вовсе, а просто тащат невиновного на обряд! Госпожа, какой смысл заучивать кодекс, если вынужден пренебрегать написанным, когда вижу несправедливость? И уже не единожды!

Кинии захотелось повалить Сотэра, и протащить по лестнице так, чтобы он пересчитал лицом каждую ступеньку от первого и до последнего этажа. Но про себя вампирша признавала, что слова паладина не лишены основания, и что для разрешения вскрывшегося противоречия недостаточно банального наказания болью. Эта петля износилась и уже не держит подрастающего щенка. Взамен нужен поводок подлиннее и сшитый из гибких манипуляций.

Вурдалаки терпеливо ждали. Они презирали живых и не подчинялись им, но знали, что окрикнувший их юноша является выкорышем госпожи, а потому его нельзя просто сожрать

или хотя бы покалечить за дерзость. Всё разрешится так, как захочет госпожа.

«Но оставлять Сотэра без телесного наказания нельзя, — рассудила Киния. — Это будет дурным примером для Вистры и Атти. Возомнят, что им тоже можно спорить со мной. Пускай здесь и сейчас увидят, как я жестоко взгрею его, а уже потом проведём воспитательную бесе...»

Киния заметила, что ладонь, которую Сотэр положил на рукоять меча, излучает приглушённый свет. Не было ничего необычного в сотворении лёгкого сияния — этот трюк парень освоил ещё в детстве. Но в подчинении магии Сотэр всё же значительно отставал от Вистры и Атти. В отличие от них с концентрацией силы и приданием ей разрушительной формы Сотэр справлялся тяжело. Однако сейчас в сияющей руке паладина Киния почувствовала большое скопление мощи.

Тогда мысли вампирши свернули в иное русло.

— Уна!

Призрак вылетела прямо из стены.

— Проследи, чтобы никто из нежити не заходил в холл, будь то Низшие или хоть сами рыцари смерти. Останавливай именем госпожи.

— Грядёт представление, — Уна «уселась» на перила, и начала болтать ногами словно дитя. — Да, госпожа. Если кто-то приблизится к холлу, то я сразу его осажу.

— Вистра, Атти. Встаньте позади меня, и ничего не делайте, что бы не происходило.

Услышав спокойный голос Кинии, Сотэр напрягся. Он понял, что замышляется нечто каверзное.

— Что ж, ты сам решил, что этот скот невиновен. Что наказание нечестно. Однако справедливость только тогда является таковой, когда за ней стоит сила, способная пресечь беззаконие. Иначе это превращается в жалкое пораженческое нытьё. У тебя есть сила, чтобы установить справедливость, Сотэр?

Он промолчал, подозревая, что госпожу сейчас интересуют отнюдь не слова.

— Эй, вы! — Киния показала пальцем на вурдалаков. — У живого мяса хватило борзости указывать вам, разумной нежити, что делать. Это непростительно. Разрешаю сожрать щенка с потрохами. Прямо сейчас.

Вистра и Атти вздрогнули. До сих пор им позволялось бороться на тренировках только с тупой Водимой нежитью, поднятой как раз для обучающих боёв. Но биться с парой далеко не слабых представителей Низшей нежити, которой позволено убить тебя... Сама эта мысль пугала учеников, хоть они были уверены в своих силах и давно воображали, как однажды здорово покажут себя в настоящих битвах.

Вурдалаки окинули Сотэра оценивающим взглядом. У них было отчасти антропоморфное сложение: две ноги и две руки, туловище как у человека. Но лица вурдалаков выдавались далеко вперёд, походя на черепа лошадей. Один из них открыл пасть, показывая кривой частокол острых зубов и коричневый язык, смахивающий на жирного слизняка. Пальцы на правой руке каждого вурдалака заканчивались длинными когтями, бритвенные кончики которых скребли каменный пол.

Сотэр не был уверен, действительно ли Киния позволит вурдалакам убить его или вмешается в последний момент. Но что Сотэр понял сразу — схватки не избежать. Не принимая боевой стойки, он начал медленно, сантиметр за сантиметром, вытягивать меч из ножен.

Пока вурдалаки не сдвигались с места, посматривая то на Сотэра, то на госпожу — она

правда позволяет убить выскочку? Вурдалаки считали, что он является избранником для обращения в Высшую нежить, а потому наверняка обучен хорошо сражаться. Но пока юноша всего лишь человек. А живое мясо, даже отборное, не может быть сильнее нежити — пришли они к выводу.

Вытащенный наполовину клинок чиркнул по ножнам. Тишину в холле прорезал лязг.

Тогда вурдалаки сорвались с места подобно гончим псам и, скрежеща когтями, устремились к лестнице. Вистра ахнула, а заплаканный орк поспешил отползти к стене.

Сотэр обнажил меч и приготовился встретить вурдалаков на лестничном пролёте. Они быстро взбежали по ступеням, и остановились только будучи в трёх метрах от паладина. Перед нападением твари издали звуки, похожие на смесь рёва и шипения.

Вурдалак махнул когтистой лапой, метя по ногам Сотэра. Он увернулся, просто шагнув назад, а потом рубанул монстра по носу. Удар получился хорошим, клинок рассёк плоть и раздробил кости с передними зубами. Вурдалак клацнул челюстями, и попятился.

Его сородич уже замахивался когтистой лапой. Сотэр заблокировал атаку. Лезвие врезалась в кость, но даже не оцарапало её — когти вурдалаков были прочны, как закалённая сталь. Тогда вурдалак бросился к Сотэру с открытой пастью. Паладин встретил чудовище ударом ног в грудь. Вурдалак потерял равновесие, и покатился вниз.

— Хорошее начало! — Уна похлопала в ладоши. Вернее, изобразила хлопки, потому как бесплотные руки не ударялись друг о друга.

На повторную попытку вурдалаки пошли куда осторожнее и с умом. Сотэр намеривался удерживать центр лестницы. Но пока одна тварь отвлекала внимание, махая лапами перед носом и больше не подставляясь под удар, второй вурдалак пробовал зайти сбоку. Пару раз паладин нанёс нежити глубокие рассечения, но не похоже, что её это хоть немного беспокоило. Постепенно вурдалаки оттеснили Сотэра к перилам.

«Как же щита не хватает!» — подумал Сотэр, успев увернуться от когтей.

Он понимал, что пока находится на пролёте около перил, его подвижность сильно ограничена. Уклоняться и уходить с линии атаки очень непросто. Хорошо понимали это и вурдалаки, усилившие напор.

— Госпожа, да не прогневайся за то, что говорю без позволения, — видя ухудшающееся положение Сотэра, Вистра волнительно теребила подол своего платья. — Но прошу, смилуйся над глупцом. Накажи его просто плетьюми.

Киния виду не показала, что слышит эльфийку.

В очередной раз отбившись от вурдалаков и получив миг затишья, Сотэр перескочил через перила. К счастью, падать пришлось невысоко — паладин успешно приземлился, и сразу же принял боевую стойку. Один вурдалак сиганул следом, а второй предпочёл спуститься по лестнице.

— Эй, только не вздумайте ускакать из холла! — прикрикнула Уна.

Сотэр наконец получил полную свободу передвижений на просторной ровной поверхности. Но и вурдалаки обрели возможность свободнее обходить противника с двух сторон. Они кружили около Сотэра как волки вокруг загнанного лося, выискивая удобные моменты для атаки. Вурдалаки всё время пробовали рассредоточить внимание паладина, чтобы полоснуть его когтями по спине. Сотэру приходилось то отступать, то вертеться волчком, и почти всегда быть в глухой обороне.

— Осторожно! — крикнул Атти, предупреждая Сотэра, что одна из тварей пошла в нападение.

За что друид получил от Кинии удар магическим тараном, и покатился по полу. После того, как поднялся, потирая ушибленное плечо, больше давать подсказок не осмеливался.

Сотэр успешно контратаковал — вонзил клинок прямо в пасть вурдалака. Он отпрянул и на короткое время выбыл из схватки, пока отхаркивал сгустки чёрной крови. Получив возможность чуть перевести дух, Сотэр почувствовал, как влажная рубашка липнет к груди. Бросив короткий взгляд вниз, он увидел рассечённую ткань, насквозь пропитанную кровью.

«Проклятье! — мысленно выругался Сотэр, — Когда только успели зацепить? Нехорошо!»

Он сознавал, что из-за кровотечения начнёт терять силы быстрее. А потому надо скорее заканчивать схватку, пока момент благоприятствует. Сотэр пошёл в атаку на того вурдалака, что ещё живо вёл бой. Тварь попяtilась, едва успевая отражать молодецкие удары. Сотэр рубил от души, соображая, что лучшего шанса может не представиться.

Юноша отсёк вурдалаку пару пальцев, но его сородич оправился от раны, и вернулся в бой. Схватка перешла на старый лад: вурдалаки раздёргивали Сотэра с двух сторон.

Однако силы уже были не те, как в начале. Киния годами тренировала выносливость ученика, да вот только бой кипел в непрерывной и крайне напряжённой манере уже почти десять минут. Даже у самого подготовленного воина возникнут трудности, если он всё это время вынужден быстро перемещаться и часто даже не просто отмахиваться мечом, а именно бить и твёрдо блокировать — предельно напрягать мышцы. Кисти затекли, так что было всё труднее крепко удерживать рукоять меча; само оружие будто стало пятикратно тяжелее, из-за чего скорость атак и постановки блоков замедлилась; ноги заплетались как у просроченного зомби.

— Держись! Обломай им зубы! Руби этих выроdkов!

Голос не принадлежал Вистре, Уне или тем более зашуганному Атти. Это был мощный, хриплый и грубый голос.

Вурдалаки даже замерли, удивившись, что жалкий орк вдруг расхрабрился и в открытую поддерживает выскочку. Но после секундного замешательства они вновь подступились к Сотэру.

— Руби гнилое мясо! — всё больше расходился орк.

Сотэр с трудом увернулся от когтей.

— Они не смогут сожрать тебя!

Юноша, насколько позволяла ситуация, покосился на орка. Он уже не жался у стены, как в начале боя. Орк прыгал и неистово размахивал руками.

— Ты победишь уродов! Вонючая нежить!

Сотэр почувствовал прилив окрыляющего воодушевления. «Меня всей душой поддерживает тот, за кого заступился. Тот, кого защищаю от несправедливости. Правда восторжествует!»

Вокруг ладоней Сотэра вновь появилось то золотистое сияние, которое наблюдала Киния до начала схватки. Но теперь свет постепенно окутывал крестовину меча, а потом распространился и на клинок. Всё оружие лучилось, будто зеркало, отражающее солнечный свет.

Вурдалаки замешкались. Своей серой кожей они чувствовали, что от меча исходят весьма противные для них чары, даже немного пугающие. Но оба невежественных вурдалака относились ко Второму поколению, а потому знать не знали о каких-то там паладинах. Не знали, что для нежити нет ничего убийственнее магии света. Переглянувшись, вурдалаки

подавили в себе тревогу, и расправили когти для новых атак.

— Бей мёртвую сволочь, добрый господин! — подбадривал орк.

Вурдалак махнул рукой. Сияющее лезвие соприкоснулось с когтями. Клинок даже не сломал и не перерубил кость. Он рассёк когти вурдалака так легко, словно они были из тёплого воска.

Потрясённый вурдалак поднёс лапу к лицу, разглядывая укороченные когти. Не успел он опомниться, как второй удар мечом с той же лёгкостью отсёк руку у плеча. Клинок блеснул в третий раз, и голова вурдалака плюхнулась на пол. Тело простояло несколько долгих мгновений, фонтанируя кровью, прежде чем упасть.

Второй вурдалак припал на четвереньки, зашипел и попятился. Впервые за всю свою нежизнь он испытал ужас. Глаза Сотэра излучали свет. Перехватив меч, юноша уверенно двинулся в атаку и, глядя на него, Киния вспомнила великих паладинов прошлого, с которыми приходилось сталкиваться. Они шли на нежить столь же твёрдой поступью, словно святые каратели, неотвратимо исполняющие приговор.

Отползая, вурдалак упёрся в стену. Помня о провальной попытке сородича отразить освящённый меч, вурдалак сообразил, что защищаться бесполезно. Тогда нежить решилась на отчаянную атаку.

Вурдалак прыгнул на Сотэра. Паладин не пробовал выставить блок или увернуться. Он сам ринулся вперёд со встречным ударом. Меч оказался быстрее когтей. Вурдалак был ещё в воздухе, когда клинок врезался прямым в лоб. На пол рухнуло тело, рассечённое надвое.

Будучи настороже, Сотэр подошёл к половинам вурдалака. Из них вывалились внутренности, но одна часть всё ещё двигалась: сучила ногой, рука беспорядочно ударяла когтями по полу, а челюсть клацала, иногда прикусывая обрубок языка. Зайдя сбоку, Сотэр хотел для верности нанести ещё удар, но передумал — на мече потух магический свет, только ладонь ещё лучилась. Через полминуты конвульсии прекратились.

— Господин!

Орк обошёл расчленённые трупы, не спуская с них глаз и держась на расстоянии.

— Спасибо тебе, добрый господин! — затараторил орк, подойдя к Сотэру. — Спасибо, что спас!

Сотэр смущённо смотрел на кланявшегося орка. Никто и никогда не называл Сотэра господином, никто не выказывал почестей. Чаще всего приходилось слышать в свой адрес презрительное «щенок», хотя это обращение звучало для него так привычно, что уже давно перестало восприниматься как унижительное. А тут вдруг кто-то искренне благодарит, не скупясь на добрые слова. Растерянный паладин не знал, как отвечать на эту горячую признательность, но был тронут до глубины души.

— Как же ты ловко перерубил падаль!..

Миг, и за спиной орка появилась Киния. Она положила холодную ладонь на локоть скота. Орк был на две головы выше вампирши, а его могучая рука была едва ли не толще Кинии. Но увидев её рядом, орк смолк и застыл.

— Выродки. Гнилое мясо. Уроды, — Киния говорила беззлобно и спокойно, однако её холодный тон вызвал мелкую дрожь у всех живых. — Вонючая нежить. Мёртвая сволочь. Падаль... Такие слова прозвучали из грязных уст этого скота. Прозвучали во владениях нежити; в стенах замка, что принадлежит нежити; в присутствии госпожи, которая есть Высшая нежить. Забывший своё место скот бесстыдно и самым неприглядным образом оскорбил своих хозяев. Напоминаю, что за подобное полагается долгая и мучительная

смерть на алтаре. Куда более жестокая смерть, чем та, что была назначена скоту изначально.

— Г-госп-подин.

Орк умоляюще посмотрел на Сотэра, надеясь на его поддержку.

— Господ здесь нет, — сказала Киния, поглаживая руку орка. — Здесь есть только госпожа... Сотэр. Быть может, в чём-то твоё заступничество было оправданным. Быть может, на заклятие повели безвинный скот. Однако ты сам слышал, какие непотребства выкрикивало это ничтожество. Это оскорбление чести и грубейшее нарушение незыблемых законов. А для паладина законы и честь, в том числе честь госпожи, превыше всего. Тебе придётся признать, что на сей раз скот — виновен. И должен понести наказание. Так?

— Но ведь... но...

Сотэр хотел выгородить орка, однако на ум не приходило весомых возражений. Всем живым с ранних лет вбивают в голову идею о превосходстве нежити; о том, что ей нужно подчиняться, и тем более нельзя оскорблять. Конечно, за все десятилетия никто из скота не отважился дерзить нежити в открытую, но изредка случалось, что кто-то из живых поносил владык шёпотом, будучи один в своём деревенском домике. Вот только в этот момент рядом мог оказаться незримый призрак или же оскорбления улавливал чуткий слух вурдалака, бродившего на улице.

Для Сотэра, воспитанного в этих условиях, обвинения Кинии звучали веско. Новое наказание должно быть ужаснее старого. В сердце паладина впились тревога и вина: «своим вмешательством только хуже сделал?!»

— Наказать скот самой высшей мерой было бы справедливо, — промолвила Киния, не дождавшись возражений. — Но, как ты помнишь, по кодексу справедливость может идти рука об руку с милостью. Потому я проявлю к скоту... милосердие.

Последнее слово Киния произнесла мягким и даже ласковым голосом. Орк выдохнул и Сотэр понадеялся, что его заступничество не оказалось напрасным.

— Уна!

— Здесь, госпожа.

— Поглоти душу этого скота. Пируй недолго, но доставь его духу как можно большие страдания. Заставь всю его сущность выть от невыносимой боли. Оставь его в сознании до последнего, чтобы терзался всеми фибрами души.

— Нет!

Сотэр дёрнулся в сторону орка, но за одно мгновение Киния встала между ними. Паладин остановился, едва не врезавшись в вампиршу.

— Что такое? Ты собираешься нарушить заповеди паладина, пойдя против справедливости и милосердия? — Киния смирила Сотэра властным взглядом. — А вот это вот опусти.

Сотэр заметил, что непроизвольно поднял меч клинком кверху. А ещё, что ладонь больше не излучает волшебный свет. Паладин нехотя подчинился, и посмотрел на орка взглядом, полным сожаления и вины.

В следующий момент все живые вздрогнули от душераздирающего вопля. Кричащий орк упал на колени, а за его спиной появилась Уна. От тёмно-зелёной кожи заструился синий дымок, в котором угадывались контуры орочьего лица, искажённого гримасой боли. И сейчас этот дымок втягивался в раскрытые ладони Уны, чей лик, напротив, будто светился от наслаждения.

Сотэр опять дёрнулся, но так и не сдвинулся с места. А потом просто отвернулся, чтобы

не видеть мучительную агонию. Орк растянулся на полу и бился, как в припадке. Зелёная кожа постепенно бледнела, а глаза налились кровью. Живые были так потрясены этим зрелищем, что будто выпали из течения времени и не могли сказать, как долго продолжалось пиршество Уны.

Наконец наступила тишина.

— А-ах, — удовлетворённо протянула Уна. — Чем больше кто-то страдает перед смертью, тем вкуснее душа.

Опомнившись, Вистра сбежала вниз по лестнице, и помчалась к Сотэру. По пути эльфийка наступила на грудь орка. На справедливость, скот и его предсмертные страдания ей было абсолютно наплевать — Вистру заботило другое. Она повернула Сотэра к себе, и осмотрела рану.

— Госпожа, позвольте отвести его к личу-ветеринару, — попросила Вистра. — Нужна лечебная мазь против заражения.

— Нет. Сотэр показал, что может владеть магией света. Пускай попробует сотворить заклятья исцеления. Уна проследит за этим... И да, мой мальчик, ты на две недели освобождаешься от боевых тренировок. Будешь восстанавливаться и упражняться только с волшебством. А вот вас никто не освобождал. Вистра, Атти, давайте за мной в зал.

Глава 10 — Предательство

Через месяц после боя Сотэра и вурдалаков в замок Кинии явился призрачный посланник самого императора Онгхуса.

— Его величество собирает войска. Вскоре армия направится сюда, — прошелестел призрак, передав вампирше свиток с императорской печатью.

— Наконец, начинается война с соседом? — Киния развернула свиток.

— Грядёт противостояние с Витанией, но пока ещё не большая тотальная война, — сказал посланец, пока вампирша читала.

— Понятно. Демонстрация силы или пограничный набег, — пробормотала Киния, пробежавшись взглядом по тексту. — Давно пора показать, что мы не собираемся и дальше терпеть их выходки. В этом году они как никогда часто без разрешения ступали на мою землю и вторгались в пограничные владения других лордов. Если ничего не предпринять, то Витания будет наглеть ещё больше. Хорошо, что император пошёл на решительный ответ. Вот только... император не велит мне собирать войска?

— Да, леди Киния. Для рейда не нужны большие силы. Тебе необходимо только приготовить припасы для императорской армии.

— Хорошо. Передай императору, что всё сделаю, как указано.

Когда посланник удалился, Киния вернулась в покои, и бросила свиток на стол.

«Странно, что Онгхус поручил мне заниматься исключительно тылом, — призадумалась Киния. — Раз уж мои владения на границе, то кому, как не мне нужно озаботиться, чтобы мои войска были готовы как защищаться, так и ударить в глубь страны противника? Стоит подготовиться... Что бы там ни велел император».

Решив так, она послала за Брандэром — старшим рыцарем смерти, который был в подчинении у Кинии. Он происходил из Первого поколения Высшей нежити и воевал под началом Кинии ещё в Войне затмения. Вампирша полагалась на него больше, нежели на других рыцарей, однако не доверила ему тайну о взломщиках. Верность Брандэра прошла испытание временем и междоусобицей, но рыцарь смерти особенно презирал живых, а потому едва ли принял бы новость о возвращении друида, волшебницы и — упасите мёртвые боги! — паладина.

— Госпожа, — рыцарь-вампир склонил голову. — Ты хотела увидеться со мной?

— Да, верный Брандэр. Не знаю, слышал ли ты уже об этом, но, возможно, близится война с Витанией.

— Слышу об этом последние лет так тридцать. Повелишь созывать всех рыцарей?

— Всех не нужно. Только местных. Пускай собираются в замке.

— Да, госпожа, — Брандэр не задавал лишних вопросов.

«И всё же почему именно сейчас, а не одним-двумя годами раньше или позже? — досадовала Киния, когда рыцарь ушёл. — Набег, демонстрация или настоящая война — это в любом виде потребует моей вовлечённости. Да и лорды Витании наверняка усилят бдительность на границе. Значит, экспедиция пока откладывается. Проклятье, я и так затягиваю с её началом. И учитывая, что скоро здесь будут императорские войска, взломщиков нужно спрятать поглубже».

— Уна!..

— Я за спиной, госпожа, неусыпно охраняю твой покой.

— Пересели ребятшек в катакомбы замка, и запрети покидать их. Скажи взломщикам, что это временно. Остальное я позже растолкую им сама.

«Тренировки пока тоже придётся проводить осторожно, без сильных заклятий, — добавила про себя Киния».

Раны Сотэра благополучно зажили, только три длинных шрама на груди напоминали о пропущенном ударе когтями. Восстановление значительно ускорили целительные заклятья света. После той схватки управление святой силой давалось Сотэру намного проще.

Дело, конечно, не только в схватке, а в той инициативе, что проявил юноша — понимала Киния. Сотэр самостоятельно поступил по кодексу, и это укрепило связь с магией света. «А вот и то самое равновесие. На одной чаше следование кодексу, а на другой — послушание мне. Совсем обрубить праведные устремления мальчишки не нужно, иначе связь с магией опять ослабеет. Однако нельзя, чтобы он сделался уж слишком вольным и самостоятельным».

Императорская армия остановилась рядом с замком. Осматривая войско с крепостной стены, Киния отметила, что в нём было не так уж много рыцарей и некромантов. Заметно меньше, чем в день битвы с мятежником Эмрасом. Хотя для набега прежде всего стоило бы снарядить побольше конницы. Впрочем, Киния помнила, что, на её взгляд, и для победы над Эмрасом требовалась большая армия, чем призвал Онгхус. Однако император одолел мятежника малыми силами.

Киния спустилась во внутренний двор замка, чтобы там дожидаться императора. Вампирша не стала облачаться в доспехи, ведь до сих пор не знала, призовет ли её Онгхус прямо сейчас в набег на Витанию, или же оставит охранять тыл. Киния надеялась на второе. Не хотелось надолго оставлять взломщиков без своего внимания. В первом случае присмотр за ними придётся поручить Уне.

А вот некоторые рыцари Кинии были во всеоружии и сейчас выстроились во внутреннем дворе. Среди вампирских рядов прохаживался Брандэр — тоже с ног до головы в броне.

Киния услышала стук копыт.

— Госпожа, приближаются всадники, — шепнула Уна.

— Это я и сама поняла.

— Но едет не его императорское величие.

— Хм... А я полагала, что он удостоит нас своим присутствием.

Во двор заехал конный отряд, который возглавлял не кто иной, как Вейлин собственной персоной. Конечно же в позолоченном доспехе. Даже свою костяную лошадь обвешал тряпичными цветочками, отчего эта нежить приобрела несколько карикатурный вид. «Пижон поди и своих рыцарей одел бы в шутовские наряды, имей он всю полноту власти, — усмехнулась про себя Киния».

Вейлин скользнул высокомерным взглядом по собравшимся, и спешил. Его примеру последовали все всадники.

— Я польщена твоим присутствием в моём замка, — Киния сделала акцент на слове «моём», напоминая Вейлину о неприятном для него дележе владений. — Смотрю, ты отрастил новую руку. А как твой чудесный поддоспешник — удалось ли отстирать его за

пятнадцать лет? Кажется, примерно столько мы не виделись. Ну или около того.

— Тогда наслаждайся моментом, Киния, — Вейлин самодовольно усмехнулся, не показывая, что издёвки вампирши хоть как-то его задели. — Ведь кто знает, быть может, это наша последняя встреча.

— Боишься, что не вернёшься из набега?

— О-о, нет, дорогая Киния, — Вейлин погладил череп костяной лошади, словно она могла ощутить ласку. — Чего-то бояться сейчас нужно уж точно не мне. Да и приехал я обсуждать отнюдь не свою скромную персону. Император желает узнать, все ли запасы готовы: кровь, мясо, души и прочее.

— Естественно. Но неужели его величество решил узнать об этом, послав не кого-то из Низшей нежити, а тебя? Любопытно.

— Моя задача куда шире, чем просто донесения... Кстати, — он широко улыбнулся, обнажив вампирские клыки, — мы так и будем беседовать во дворе или, может, пригласишь меня внутрь, и угостишь кровушкой?

— Извини, но сегодня нет настроения для дружеских посиделок — на пороге война, знаешь ли.

— Как жаль, Киния, что не получится в полной мере насладиться твоим гостеприимством, — Вейлин изобразил грустное лицо. — За последние десять лет ты так редко принимала гостей. А ведь так хотелось заглянуть внутрь и узнать, как новая хозяйка поработала над интерьером замка. Заодно увидеть твоих новых детишек, которые, как мне доводилось слышать, достигли зрелости и готовы к обращению в Высшую нежить. Дядя Вейлин от всей души поздравил бы их с этой очень важной и торжественной вехой. Ребят ведь здесь нет?

Вейлин оглянулся, будто выискивая их среди рыцарских рядов.

— Мои ученики тебя не касаются, Вейлин, — Киния говорила спокойно, ни один мускул на её лице не дрогнул, но в глубине остекленевшего взгляда легко угадывалась ненависть. — У тебя есть что-нибудь ещё по делу?

— Так говорю исключительно по делу, Киния.

Он испытывающе посмотрел на вампиршу. Она молча ожидала, только чуть выгнув бровь от недоумения.

— Киния Ковентина! От лица его императорского величия ты обвиняешься в нарушении законов, о каком не слышали от начала Эпохи тьмы! — отчеканил Вейлин громко и чётко, чтобы его слышали все присутствующие во дворе и даже на стенах. — Ты обучила живых запретной магии!

Когда эхо тяжёлых слов стихло, Киния увидела боковым зрением, как по рядам её рыцарей словно пробежала лёгкая рябь. Кто-то из них покачнулся, а кто-то переглядывался с другими.

— Какой потрясающий вздор! — выкрикнула Киния. — Это твоя нелепая выдумка! Твои глупые проделки и раньше были оскорбительны, но на сей раз ты перешёл всякую грань, Вейлин! У тебя есть доказательства для столь абсурдных обвинений?!

— Доказательства появятся, когда мы обыщем замок, — уже спокойнее сказал Вейлин. — А пока мы возьмём тебя под стражу, и отведём в лагерь. Твоих учеников доставим туда же.

Воцарилась пауза. Все взгляды были устремлены на Кинию. Она же непоколебимо и с достоинством смотрела на Вейлина.

— Нет, — твёрдо произнесла вампирша. — Если император хочет меня видеть, то передай ему, что скоро я сама прибуду в лагерь, чтобы обсудить твоё возмутительное поведение. И если надо, то предстану перед справедливым судом вместе со своими учениками. Хотя крайне сомнительно, что накануне войны кого-то интересуют подобные разбирательства. Я не собираюсь дальше выслушать от тебя лживые обвинения. Проваливай из моего замка, пока я с позором не выкинула тебя за порог, ряженный павлин!

Позади себя Киния услышала тихие смешки.

— У меня приказ от императора. Мне разрешено доставить тебя к нему силой, если откажешься идти добровольно.

Подтверждая свою решимость, Вейлин положил руку на шпагу. Его рыцари тоже взялись за оружие.

— Ты слышал, что я сказала. И много раз повторять не собираюсь. А если осмелишься обнажить здесь оружие... Рыцари! Приготовиться к бою!

Теперь вампирша услышала за спиной лязг клинков и доспехов.

Но далеко не все подчинённые Кинии выполнили приказ. Одни рыцари в замешательстве переминались с ноги на ногу, а другие рыцари придвинулись поближе к Вейлину, молчаливо выказав ему поддержку.

— Благородные сородичи! — возвысил голос Вейлин. — Вы слышали, что я выступаю от имени императора. Кто-то из вас веками знает его как мудрого проницательного вождя! Потому не сомневайтесь: император не стал бы просто так бросаться обвинениями. Любые его действия подкреплены вескими основаниями!

— А ещё кто-то из нас веками знает, что тебя переполняет зависть ко мне, ведь именно со мной благосклонность императора! — парировала Киния. — Именно мне он доверил эти земли, но ты сейчас распоряжаешься здесь так, будто находишься у себя дома!

— Киния, я последний раз...

— Нет, это я последний раз предупреждаю тебя! Если сию же минуту не выйдешь за стены моего замка, то я поставлю в свои покои урну с твоим прахом!

Киния приняла боевую стойку, готовая в любой момент к вампирскому рывку. Она жалела только, что ранее не озаботилась прихватить свой зачарованный двуручник.

В этот момент самый верный рыцарь Кинии выхватил кистень, но не чтобы защитить госпожу, а направить оружие в её сторону.

— Брандэр? — произнесла вампирша.

— У меня давно были подозрения, ведь твоих новых учеников с самого начала окружают странности, — сказал Брандэр. — Я всегда помогал тебе в обучении прошлых избранников фехтованию. Но в этот раз ты никого не подпускаешь к ним. Я вообще почти никогда не видел, как они тренируются!

После этих слов часть колеблющихся рыцарей окончательно выбрала сторону Вейлина. Теперь Киния была в меньшинстве.

— Это не просто сомнения, — прошептала Уна. — Уверена, что это запланированное предательство, госпожа!

— Ну?.. — Вейлин понадеялся, что решение Брандэра поумерит пыл Кинии.

— Принесите мой меч, — приказала вампирша. — Пора нам с тобой разрешить всё раз и навсегда, здесь и сейчас. Я вызываю тебя на поединок чести, Вейлин.

Он расхохотался.

— Достаточно изворачиваться, Киния! Ты не получишь в руки оружие... Рыцари! Кто

верен его императорскому величию — взять преступницу!

Поняв, что больше нет смысла тянуть время или спорить, Киния первой ударила по Вейлину. Магическим тараном его отбросило на несколько метров, но вампир устоял на ногах. А Киния рванула назад, и спряталась за спинами преданных рыцарей. Незримые волшебные снаряды полетели в вампиршу, однако все атаки отразила Уна.

Киния видела, как Вейлин выхватил шпагу, а потом всё перемешалось в стремительно начавшейся битве. Кто-то из вражеских вампиров атаковал рыцарей Кинии, а кто-то безуспешно попробовал перепрыгнуть их, чтобы ударить со спины. Рыцари встали вокруг госпожи и пресекли любые попытки атаковать её в рукопашной. Двор заполнили звон мечей и яростные рыки.

Один из врагов взбежал по ступеням, ведущим на крепостную стену, прицелился, и запустил копьё в Кинию. Оно мелькнуло над головами рыцарей, однако никто из них не сбил его. Будучи запущено рукой вампира, обладающего нечеловеческими силой и меткостью, копьё полетело точно в цель быстрее стрелы. И воткнулось в землю — Киния в последний момент сделала шаг в сторону.

Вампирша вырвала копьё, и перехватила его на боевой манер. Впрочем, в нём уже не было нужды. До начала битвы Киния велела принести меч, но для этого вовсе не требовалось отвлекать кого-то из рыцарей. Команду исполнили резвые скелеты-оруженосцы.

«Жаль, доспехи нельзя надеть так же быстро, — подумала Киния, отбросив копьё, и приняв двуручник из костяных рук».

Несмотря на превосходящего числом противника, рыцари Кинии пока отбивались почти без потерь. Вампирша скользнула взглядом по внутреннему двору. Она заметила немало ситуаций, в которых не помешала бы её поддержка: где-то можно прикрыть фланг соратника или кому-то помочь перейти в контратаку. Но Киния высматривала только одного врага. Его удалось легко найти благодаря позолоченному доспеху.

В отличие от Кинии, Вейлин сразу ринулся в гущу схватки и прямо сейчас атаковал противника. Шпага попала в смотровую щель шлема. Раненный в лицо рыцарь попятился, однако Вейлин не позволил ему перевести дух. Следующий удар шпагой пришёлся аккурат в сочленение доспехов между плечом и грудью. Клинок пробил кольчугу под доспехами, и вонзился глубоко в тело рыцаря. Будь на его месте человек, удар оказался бы смертельным, но вампир ещё мог сопротивляться. Если бы только получил хоть несколько мгновений передышки — роскошь, которую Вейлин не собирался дарить. Третий и добивающий удар он наметил в зазор между пластинами на шее.

Но выпад был отражён широким чёрным клинком.

— Как благородно с твоей стороны, — сказал Вейлин. — Могла бы воспользоваться моментом и рубануть по мне, но предпочла спасти своего.

— Всего-то не хочу лишиться себя наслаждения унижить тебя в бою лицом к лицу, — ответила Киния, отеснив раненого рыцаря назад.

Давние противники приняли боевую стойку. Каждый из них не раз видел, как сражается другой. Но ещё никогда его шпага не скрещивалась с её двуручным мечом. А потому в свой первый удар Киния вложила всю ненависть к Вейлину, накопившуюся за десятилетия.

Он увернулся, клинок рассёк воздух всего в паре сантиметров от лица. И сам контратаковал не менее яростным и молниеносным выпадом. Киния повернулась полубоком, уклонившись от колющего удара.

Её двуручник был в несколько раз тяжелее одноручных мечей. Однако держа его одной

рукой, вампирша размахивала им с не меньшей бойкостью, чем Вейлин — шпагой. Но приходилось учитывать длину оружия: леди старалась не допустить лорда близко, тогда как он, наоборот, пытался разорвать дистанцию. Ещё Вейлин предпочитал уворачиваться или отводить атаки по касательной: тяжёлый клинок не обрушивался прямо на шпагу, а соскальзывал по ней, теряя ударную инерцию.

Много раз меч скрежетал по шпаге. Много раз выпады шпагой молнией пролетали рядом с Кинией или отражались короткими блоками. В отличие от Вейлина или того рыцаря, с которым он схватился первоначально, леди не имела доспехов, а потому приходилось заботиться о защите всего тела. Любая атака Вейлина несла смертельную опасность. Кроме того, в репертуаре врага имелись отнюдь не только колющие удары. Шпага была обоюдоострой, так что помимо выпадов Вейлин иногда рубил наотмашь или проводил смешанные атаки.

Одну из них пропустила Киния: лезвие чиркнуло по сжатым зубам и пронзило щёку с внутренней стороны, так что клинок вышел наружу, вдобавок порезав ухо вампирши. Киния рванулась в сторону, и лезвие не просто рассекло, а даже разорвало её щёку. Противники разошлись, готовясь к новому столкновению.

— Ох, как неловко получилось! — Вейлин театрально схватился за сердце, — Должен признать, что твой лик прекрасен, и так жаль уродовать его. Прости!

Он указал клинком на кусок плоти, болтающийся у подбородка Кинии. Через открытую рану виднелась все зубы левой стороны челюстей. Вампирша стиснула их, схватилась за обрывок щеки, и с глухим рычанием оторвала его от лица.

Пара сошлась в очередном столкновении. Под их мельтешащими ногами стелился дым, словно утренний туман над травянистым полем Эпохи света. Вот только эта дымка поднималась из пустых доспехов сражённых вампиров.

Предвидя, что на следующий рубящий удар Вейлин поставит скользкий блок, Киния чуть сменила направление атаки. Тяжёлый меч врезался в шпагу, и переломил её. Но ещё до того, как тонкий клинок упал на землю, Киния ударила повторно. Вейлин не успел увернуться: удар пробил плечевую пластину, прорубил ключицу, рёбра, и клинок увяз глубоко в груди. Вейлин задёргался и заорал нечеловеческим голосом. Киния вырвала меч, и приготовила колющую атаку, чтобы пронзить сердце противника.

Вейлин был тяжело ранен, но ещё пока не обездвижен. Он отклонился назад. Не получилось избежать удара как такового, но зато избежал смертельного удара. Клинок не пробил доспех, хотя сбил Вейлина с ног.

Киния занесла меч над головой для второй добивающей попытки. Но вместо последнего удара вампирша была вынуждена поставить блок. Некто с кистенём бросился на неё сбоку. Киния отбила атаку, однако из-за этого на несколько шагов отступила от Вейлина.

— Брандэр, — зашипела вампирша, сверля взглядом рыцаря, загородившего Вейлина. — Оглянись, Брандэр. Мои рыцари теснят предателей. Они теперь видят, как эта пиявка Вейлин корчится на земле, и окончательно падут духом. Я даю тебе шанс: выкинь ту клевету обо мне, которую впустил в своей разум, и прибей Вейлина. А иначе... ни один предатель, ни один мой враг не покинет этот двор — всех настигнет смерть!

Несколько мгновений Брандэр колебался. А потом расставил ноги пошире, и начал раскручивать кистень.

— Понятно, Брандэр. Пошады не жди.

Киния приготовилась ударить с вампирским рывком. Но её внимание, как и взоры всех

сражающихся, привлёк новый посетитель. Причём явился он не через ворота, а запрыгнув на крепостную стену. Да так, что местами каменные зубцы потрескались или посыпались каменной крошкой.

На битву пожаловало подручное чудовище императора Онгхуса — демон-нежить. Оглядев место сражения, он перехватил свою красную дымящуюся секиру, и прыгнул прямо в толпу бьющихся. Но не для того, чтобы разнимать, как он это делал после битвы с Эмрасом, когда встал между Кинией и Вейлином. На сей раз демон-нежить пришёл, чтобы неудержимо убивать.

Глава 11 — Катакомбы

Демон-нежить размахисто махнул секирой, словно крестьянин, скашивающий траву. Но вместо растительности были рыцари Кинии. Большинство уклонилось от удара, однако один вампир замешкался, а другой встретил удар щитом. Первого рассекло напополам, второго отбросило в стену словно снаряд катапульти.

До этого момента Киния ещё надеялась убить Вейлина, и обернуть ситуацию в свою пользу. Потом можно было бы оправдаться перед императором, мол, всем известны дурные манеры этого гордеца, именно он спровоцировал драку. Можно было бы так или иначе попытаться отвести от себя обвинения.

Но когда демон-нежить без промедления в полную силу атаковал рыцарей Кинии, ей стало более чем ясно, что никакие судебные разбирательства императора не интересуют. Онгхус намерен либо сильно ослабить власть Кинии, либо вовсе расправиться с ней. А значит, нет больше смысла удерживать замок.

Немногие рыцари попробовали атаковать гиганта, но были рассечены дымящейся секирой, а вот вампирское оружие оставляло на демонических костях только неглубокие зарубки. Киния оглянулась на Вейлина, который всё ещё лежал на земле, защищённый Брандэром. Как бы вампирше не хотелось добить заклятого соперника, сейчас было не до этого. Необходимо бежать.

И всё же Киния попыталась разок схватиться с демоном. Подпрыгнув, она изо всей силы ударила мечом по массивному рогатому черепу. Клинок отскочил от кости, оставив небольшую трещину. Демон вовсе не планировал оставаться в долгу, и замахнулся секирой. От первого удара Киния увернулась. Через второй, направленный в ноги, перепрыгнула. А третий попробовала отвести в сторону мечом, как это любил делать Вейлин. Это получилось, но клинок сильно погнулся.

— Удержите эту тварь во дворе! — крикнула Киния своим рыцарям, отбросив в сторону ставший бесполезным меч. — Я призову подмогу!

Вампирша пригнулась, пропустив секиру над головой, и рванула внутрь замка. Возвращаться во двор с какой-то там подмогой Киния не собиралась. У порога в холл она услышала сдавленный смех Вейлина — насколько вообще возможно было смеяться с переломанными рёбрами. «Ублюдок всё понял, — мелькнуло в голове Кинии».

Она побежала к западному крылу замка, проскочила несколько коридоров, и вышла к винтовой лестнице. Киния устремилась вниз, всё время ощущая за спиной присутствие Уны. Несмотря на вампирскую прыть, спускаться пришлось долго.

На ходу Киния скрепя сердце привела в действие несколько чар, давно заготовленных как раз для подобного случая. Первое заклятье обратило в прах все свитки и карты с заметками о планах экспедиции. За несколько мгновений потемнела и рассыпалась пеплом баллада об Источнике жизни.

От второго заклятья задрожали стены, Кинию нагнало эхо грохота обрушающихся сводов. Некоторые залы и коридоры замка рухнули, закрывая путь возможным преследователям. Пришли в движения ступени — началось разрушение винтовой лестницы.

В катакомбы Киния влетела сопровождаемая плотными клубами пыли. Серая пелена заполнила древние коридоры, но это не помешало вампирше быстро и безошибочно ориентироваться в подземном лабиринте. Вскоре она отыскала троицу учеников:

встревоженные грохотом, они покинули жилые помещения и сейчас шли по коридору, освещая путь светильниками.

Вистра взвизгнула, в первый миг не узнав госпожу, которая выскочила из темноты. Вся покрытая пылью, с растрёпанной причёской и рваной щекой, Киния походила на разъярённую банши.

— Что происходит, г-госпожа? — спросил Атти.

— За мной! Быстро! — приказала Киния. — Не отставать!

Она повела учеников в глубь катакомб. Вампирше пришлось значительно замедлиться, чтобы нерасторопные смертные, чьё зрение не было приспособлено к мраку, поспедали за ней.

— Просто наверху небольшой переполох, — вкрадчиво сказала Уна, видя встревоженные лица взломщиков. — Но вы не забивайте свои головушки дурными мыслями, ведь маменька обо всём позаботится.

Это туманное объяснение спокойствия ученикам не добавило. Они привыкли воспринимать госпожу чуть ли не как настоящее божество, под твёрдой рукой которого находятся все здешние земли. Что бы ни происходило, эта богиня всегда уверена в себе и властна. Да, богиня жестокая, но без её соизволения никто и ничто не сможет причинить избранникам вред. Это давало ощущение защищённости, пускай и несколько извращённое. Потому ребятам было до ужаса непривычно наблюдать вампиршу взвинченной, суетливой и будто бы... напуганной? Если госпожа столкнулась с чем-то непреодолимым для неё, то тем более окажемся беззащитными мы — такие с трудом сознаваемые мысли тревожили Сотэра и Атти. Только Вистра, казалось, выглядела собранной.

Ученики сами не заметили, как кирпичные стены сменились пещерными тоннелями со сталактитами. К негодованию Кинии смертные пошли ещё медленнее, чтобы поменьше спотыкаться об мелкие валуны.

Когда Атти косился на стены, то ему казалось, что на мгновение он распознаёт среди пляшущих теней очертания призрачных лиц. Но только попробуй приглядеться, и лики исчезают. Может их вовсе не было и всему виной разыгравшееся воображение?

— Нет, тебе не кажется, деточка, — прошептала Уна. — В этих коридорах скот принесли в жертву, чтобы он обратился в дозорных призраков. Если сюда ступит чужак, то мы с госпожой сразу об этом узнаем.

Эльф судорожно сглотнул, вообразив, до чего же жутко быть заколотым здесь, чтобы стать вечным рабом холодных и тёмных тоннелей. Единственное, что немного успокаивало Атти — едва слышимое журчание. Как друид водного мира эльф чувствовал, что по соседству с этой пещерой протекает подземная река.

Они шли не меньше часа. Светильник Сотэра потух, так что он собрался зажечь магический огонёк.

— Не смей! — запретила Киния. — Без колдовства здесь.

Наконец группа вышла к тупику.

— Мы столько шли в никуда? — вырвалось у Сотэра.

Уна пролетела сквозь стену, но через полминуты вернулась.

— Кажется, угроз нет, госпожа, — сказала призрак.

— С трудом верится, — покачала головой Киния. — Если они до сих пор не знают, где именно проходит тоннель, то наверняка прочёсывают округу в поисках запасного выхода.

Киния с недоверием посмотрела на призрака. «А ну как тоже в сговоре с Онгхусом? —

подумалось вампирше. — И снаружи меня поджидает отряд рыцарей и личей... Но сидеть здесь дальше тоже не вариант. Надо выходить. И быть настороже».

— Атти, Сотэр, Вистра. Сейчас окажемся на поверхности. Будьте готовые сражаться. И если дойдёт до боя, то разите врага насмерть.

— Кто этот враг, госпожа? — взволновался Атти.

— Им может оказаться кто угодно...

Сотэр достал меч из ножен. Про себя Киния похвалила юношу за то, что предусмотрительно прихватил оружие, когда покинул жилую комнату. Вампирша замешкалась, размышляя, стоит ли забрать у него клинок. За годы тренировок парень хорошо научился владеть мечом, однако всё же закономерно уступал в этом госпоже, которая имела вековой опыт боёв. В её руке клинок будет куда смертоноснее. «С другой стороны, если Сотэр в схватке освятит оружие, то один только его вид повергнет в замешательство даже Высшую нежить, — оспорила себя Киния. — Глядишь, Сотэр ещё и сразит кого-нибудь. Нет, пускай всё остаётся как есть».

Киния медленно повела рукой, и по стене тупика пробежала рябь. Через несколько секунд камень обрёл прозрачность, а потом и вовсе развеялся. Открылся проход, круто уходящий вверх. Вампирша первой двинулась к выходу.

Вскоре группа оказалась в укромном уголке среди холмов. Уна не обманывала: здесь не было засады.

— Набрось на нас заклятье отвода глаз, Уна.

— Ну что ж, пора поиграть в прятки...

Пока призрак исполняла повеление, Киния сотворила собственное заклинание — последнее, что блокировало путь отхода. Под давлением давно сплетённых чар в некоторых местах пещеры треснули стены, и сквозь дыры хлынула вода подземной реки. Примерно через полчаса тоннель должно затопить доверху.

Как только призрак наложила чары, группа поднялась на холм. Заклятье Уны сделало всех невидимыми для мимолётного взора издалека, но пристальный взгляд вблизи мог заметить беглецов. А потому Киния соблюдала простую осторожность: на вершину все крались как разведчики.

И не зря. Неподалёку от холмов ехал отряд из трёх всадников. Приглядевшись, Киния признала в них рыцарей Онгхуса. Группа затаилась, однако всадники не собирались рыскать у холмов, а направлялись мимо собранной рысью. Сперва Киния хотела дожидаться, когда рыцари минуют беглецов. Но немного обдумав своё положение, вампирша сменила план.

— Слушайте меня и запоминайте, — Киния повернулась к ученикам, — потому что говорить буду без повторений. Времени на лишнюю болтовню у нас нет...

Костяной жеребец вдруг упёрся, и закружился на месте, вспахивая копытами бесплодную землю. Скакун напрочь игнорировал любые команды седока и взволновался так, будто почуял рядом опасность. Вот только жеребец являлся нежитью, а потому не мог испытывать паники подобно живым лошадям, и должен был незамедлительно во всём слушаться хозяина, даже если тот прикажет прыгнуть с высокой скалы. Понимая это, рыцари сразу заподозрили вмешательство невидимой силы и схватились за оружие.

Но ещё до того, как кто-то успел извлечь его, в одного из рыцарей угодил огненный шар.

Удар выбил всадника из седла, тогда как его лошадь стремительно охватило пламя, словно подожжённое соломенное чучело.

Встревоженный жеребец пришёл в полное неистовство: прыгал, брыкался и вставал на дыбы. Однако его хозяин-вампир удержался в седле благодаря нечеловеческой по силе хватке. Но когда скакун упал, и кувыркнулся через бок, вампир ударился об землю и разжал поводья. Освободившись от седока, жеребец отбежал чуть в сторону, остановился и замер, как ни в чём не бывало.

Необъяснимая паника охватила третьего коня. Но всадник всё же сумел сохранить частичную власть над Водимой нежитью, и заставил её помчаться прочь от места засады.

Тем временем спешенные рыцари поднялись, и обнажили мечи. Горящая лошадь бегала кругами, оставляя за собой огненный шлейф. А когда рыцари посмотрели на свободного костяного жеребца, то увидели рядом с ним вампиршу.

Пользуясь моментом, Киния выхватила двуручный меч из ножен, прикреплённых к седлу. Рыцари прекрасно понимали, что перед ними крайне опасная леди, и, скорее, предпочли бы уйти от боя с ней, доскакать до ставки Онгхуса, и донести, где именно беглянка попала на глаза. Но без коней не оставалось иного выбора, кроме как принять бой. Киния тоже относилась к противникам со всей серьёзностью: пара рыцарей смерти — опасные враги. К тому же сражаться опять приходится без доспехов и не своим привычным двуручником.

Рыцари прибегли к той же незатейливой, но действенной тактике, что и вурдалаки в бою с Сотэром. Вампиры попробовали подступиться к беглой леди с противоположных сторон. Коротко кивнув друг другу, рыцари одновременно совершили вампирский рывок. Киния отразила оба удара одним блоком.

Словно очерчивая круг схватки, костяная обожжённая лошадь всё ещё носилась около. Обычный огонь не причинил бы ей боли и вреда, но магическое пламя прожигало саму душу Водимой нежити.

В то время третий рыцарь пытался заставить своего коня мчаться во весь опор. Получалось только отчасти: скакун то послушно ускорялся, то опять замедлялся до шага и вилял в разные стороны. Непросто сосредоточиться, будучи на дёргающемся коне, но всадник всё же сумел сотворить развеивающее заклятье.

Для управления мёртвыми лошадьми не требовались те же понукания, что и с живыми — через чувствительное давление удилами. Водимую нежить можно заколдовать на послушание любым командам, будь то хоть лёгкое прикосновение или шёпот. Но старомодные вампиры Первого поколения навешивали на костяных скакунов уздечку, и зачаровывали их подчиняться поводьям точь-в-точь как живых лошадей Эпохи света.

Развеивающее заклятье сбilo чужие чары невидимости, и всадник узрел призрачную женщину, которая летела рядом, иногда по-озорному дёргая коня за узду. Рыцарь выхватил зачарованный топор, и рубанул по призраку. Но рассёк только воздух — хихикающая Уна появилась с другой стороны коня.

— Вот тварь! — выругался рыцарь, и занёс топор для нового удара.

— Покатались и хватит! — ответила Уна.

До того, как вампир ударил, призрак дёрнула уздечку вниз и сотворила заклятье замешательства. Конь рухнул, и перекатился через голову, но рыцарь успел выпрыгнуть из седла, и мягко приземлился на ноги. Конь сразу поднялся. Бегло осмотрев его, рыцарь с облегчением отметил, что скакун не получил переломов. Однако рядом всё ещё кружила

подручная Кинии.

— Конёк цел, да с норовом! — расхохоталась Уна. — Седока не слушает! И не будет.

Рыцарь запустил магический таран — призрак играючи увернулась.

— Зря стараешься, тень от тени, — снизошёл до ответа вампир. — Я знаю заклятья, что оберегут коня от тебя. Дай только минуту...

Рыцарь стянул латную рукавицу и начал чертить по воздуху пассы, иногда складывая пальцы в затейливые фигуры. Но застыл, услышав шаги позади. Grimаса безудержного веселья на лице Уны сменилась изумлением.

— О нет... нехорошо-нехорошо-нехорошо, — затараторила призрак. — Тебя здесь быть не должно! Ой-ой-ой, что же теперь делать, что ж ты матушку не слушаешь?

Обернувшись, вампир увидел Сотэра. Юноша поднял меч, и провёл ладонью вдоль клинка. Всё лезвие засияло как в том бою с вурдалаками. Но, в отличие от Низшей нежити, вампир не смутился.

— Я уже забыл каково это — убить паладина, — сказал рыцарь, помахивая топором. — Надо благодарить Кинию за такой подарок. Потом буду вечность хвастаться, что в Эпоху тьмы выпил редчайшую паладинскую кровь!

Он начал с вампирского рывка.

— Ах! — взвизгнула Уна.

Сотэр вовремя выставил блок.

Не имей юноша развитого волшебного дара, его голова была бы отсечена от тела с первой же атакой. Однако магия света не только придавала клинку убийственные для нежити свойства, но и обостряла чувства Сотэра, укрепляла и ускоряла мышцы.

И всё же вампир был куда опытнее и сильнее. Он атаковал непрерывной серией ударов, рубя с самых разных направлений. Паладин еле-еле успевал уворачиваться или отражать атаки, не находя возможностей для ответного удара.

— Слабенько! — рыцарь умудрялся говорить, не делая пауз в бешеной рубке. — Все паладины, с которыми я сражался, были намного сильнее тебя!

Для своего возраста Сотэр отлично владел мечом. Киния могла бы гордиться достижениями своего ученика, пускай даже часто унижительно отзывалась о его боевых навыках. И всё же боевых и магических качеств Сотэра сейчас не хватало, чтобы тягаться с рыцарем смерти на равных.

— Киния не сумела вырастить настоящего паладина!

За частым звоном топора и меча Сотэр почти не различал слов. Его кисти онемели от тяжёлой отдачи, которой отзывался каждый отбитый удар.

— Даже немного жаль убивать столь редкого зверька!

Рыцарь рубанул так, что Сотэр хоть и защитился блоком, но упал на спину, и сбил дыхание.

— Сама суть паладина в том, чтобы истреблять любую нежить! — вампир прервал атаку. — Но Киния не подготовила тебя к противостоянию с Высшей нежитью. Неужто страшитесь, что поднимешь меч против неё? Если и так, то не успеешь. Я передумал убивать тебя. Оглушу, и покажу императору.

Пока он говорил, Уна летала рядом, неразборчиво причитая. Она желала хоть как-то помочь Сотэру, но не имела заклятий или ещё какой силы, чтобы помешать высшему вампиру, и самой при этом не подставиться под смертельный удар. Да и юноша напугался, что сразу же отразилось на удержании магии — свет на клинке почти погас. В ушах всё ещё

звенело, словно продолжался непримиримый спор меча и топора.

Впрочем, спор клинков действительно продолжался, но неподалёку: Киния рубилась с двумя противниками. Очень скоро она обнаружила, что у седельного меча отсутствуют какие-либо чары. Своим любимым двуручником Киния могла пробивать доспехи не только за счёт вампирской силы и тяжести оружия, но и благодаря разрушительным заклятьям, наложенным на чёрное лезвие. Однако новообретённым мечом удавалось разве что немного помять вражескую броню. Зато пропущенные удары от противников всегда оставляли раны на теле Кинии, одетой только в платье. На её коже красовалось уже несколько рассечений, пускай и не глубоких. Пришлось драться на старый лад, как рыцари Эпохи света, когда в дуэлях сперва без толку колотили друг друга по доспехам, а потом шли на всякие хитрости, чтобы ранить оппонента.

Магическое пламя разъело чары, скрепляющие тело лошади, и она навсегда прекратила круговой бег, рухнув грудой горящих костей.

Атакуя в очередной раз, Киния вместо удара на дальней дистанции, как то позволяла длина меча, подскочила к рыцарю вплотную, и одной рукой схватила прямо за свой клинок недалеко от острия. Удерживая оружие таким причудливым образом, вампирша коротким рывком направила клинок точно в сочленение между доспехами — словно просто ткнула кинжалом.

Коварный удар получился на славу: меч глубоко вошёл в грудь врага сверху вниз. Второй рыцарь бросился на выручку, собираясь рубануть Кинию со спины. В момент, когда противник замахивался, Киния сильно дёрнула меч за рукоять, повернув пронзённого врага в сторону удара. Вместо вампирши рыцарь перерубил наискосок своего же соратника. Его тело испустило предсмертное пламя, и освобождающиеся доспехи посыпались на землю.

Киния хотела заодно прихватить меч погибшего вампира, но второй рыцарь не позволил. Он прекрасно понимал, что в таком случае Киния будет многократно опаснее, а потому нельзя подпускать её к останкам. Теперь уже вампирша целиком владела инициативой и чаще атаковала, но всё же ей не удалось оттеснить врага от груди доспехов с мечом. «Опять придётся как встарь, — негодовала Киния».

Вампирша перехватила меч с противоположной стороны, сжав сам клинок двумя руками. К счастью, лезвие было не таким уж острым, чтобы серьёзно порезать ладони и пальцы даже при сильной отдаче.

Противник Кинии происходил из Второго поколения Высшей нежити, а потому был несведущ в старых приёмах фехтования. Этот странный хват вызвал у него недоумение и насмешку: мятежница настолько отчаялась раздобыть нормальное оружие, что выдумывает какие-то извращения? Она правда собирается бить эфесом как головкой молота?

Но улыбка сошла с лица после первого же пропущенного удара по шлему, который загудел как колокол. Та половина меча, на которую приходилась рукоять, была тяжелее клинковой части, и потому удар чувствовался гораздо лучше, чем от лезвия. Со второй пропущенной атакой в голову рыцарь получил лёгкое оглушение, чем немедленно воспользовалась Киния.

— Другой разговор, — довольно отметила она, дорвавшись до меча павшего вампира.

У Сотэра дела складывались не в пример хуже. Враг хотел сделать рывок, и оглушить его ударом по голове рукоятью топора, но отвлёкся на подбежавшего эльфа. Он остановился в сотне шагов от вампира, и принялся громко читать нараспев какое-то заклятье. Рыцарь ощутил колебания магической силы, но распознать чары не мог, что очень настораживало

его. Вдруг этот пёс Кинии на деле огненный маг? Что, если именно этот эльф недавно огненным шаром выбил соратника из седла? И прямо сейчас творит волшебное пламя?

Бросив взгляд на всё ещё лежащего Сотэра, вампир решил, что он не представляет такой угрозы, как огненный маг. И посему лучше пока заняться эльфом. Рыцарь побежал к Атти. Видя, как вампир приближается быстрее волка, Атти задрожал и запнулся, но продолжил свой напев.

Как того опасался рыцарь смерти, огненный шар действительно прилетел, но совсем с другой стороны. Однако вампир успел притормозить, и снаряд промелькнул рядом, лишь немного опалив доспехи.

— Вот все и повылезали из нор, — сказал рыцарь. — Больше вы не сможете удивить внезапн...

Клинок вонзился ему в спину. Так и не увидев Кинию, вампир упал на колени, и сгорел внутри брони. Вся троица рыцарей встретила вторую смерть.

Глава 12 — Путешествие

Несмотря на тяжёлое падение, Сотэр отделался лёгкими ушибами. Он с кряхтением поднялся, и уставился на пустующие доспехи, испускающие дым. Ещё никогда взломщики не видели, как умирает вампир. Сама вторая смерть кого-то из Высшей нежити казалась им невыносимой. Истерзанный труп человеческого скота и близко не произвёл бы такого впечатления, как дымящаяся броня, в которой только что был рыцарь смерти.

Из ступора юношу вывела Киния. Она схватила Сотэра за грудки, и одной рукой оторвала от земли.

— Куда полез?! — вампирша встряхнула Сотэра так, что выбила воздух из лёгких.

Рубаха затрещала и начала сползать с юноши. Киния отпустила его, и Сотэр опять плюхнулся на спину.

— Как я велела, ты должен был держаться позади меня и отвлекать врага магией света. Но не вступать в бой, да ещё в одиночку!

— Госпожа, ты же сказала, что никто не должен уйти, — попробовал оправдаться Сотэр. — Тот рыцарь мог убежать.

— Бестолочь! Вместе мы быстро добились бы тех рыцарей, а потом занялись третьим. Уна задержала бы его до нашего скорого подхода.

Киния нагнулась так, что её лицо с рваной щекой оказалось почти вплотную к лицу Сотэра.

— Вопреки приказу, ты сам подставился, втянул в это Вистру и Атти, которые побежали спасать тебя, и бросил госпожу в одиночестве справляться с двумя врагами.

Он старался хоть чуточку отодвинуться, чтобы вампирша не прильнула к его лицу уродливой раной. Юноше казалось, что кожей ощущается тяжёлый гневный взгляд госпожи, и что он способен пригвоздить к земле; размазать, как букашку.

— Я не всесильная, Сотэр. С этого момента всё очень-очень серьёзно. Если со мной что-то случится, то сгинете и вы.

Чуть смягчившись, Киния аккуратно взяла Сотэра за голову.

— Если уж очень хочется сделать что-то своё, то попроси моего позволения. Вот как Вистра: моя умница сперва смиренно спрашивает, а потом действует. Или бездействует, если будет на то моя воля. Помнишь, как Атти однажды искал связь с силой в лесу, но нарвался на Бесхозную нежить у реки? Ты сказал, что друиду требуется помощь — и я позволила помочь. Но когда ты своевольничаешь, пренебрегая мудростью и велением госпожи, то можешь сделать только хуже. Как с тем орком, которого полез защищать, но привёл его к более страшной участи — если бы не помилование с моей стороны. Так что прежде поумерь первоначальный порыв, и озвучь своё желание мне. Понятно?

Сотэр наконец посмотрел в глаза вампирши, и кивнул.

— Однако хорошо, что своенравное дитя не пострадало! — вмешалась Уна. — У меня аж дыхание перехватило, когда он в драку полез.

— Ладно, время неподходящее для долгих поучений, — Киния встала, — позже продолжим разговор. Надо уходить, пока здесь не объявился кто-нибудь ещё. Уна, взламываем чары коней.

Одна лошадь сгорела, но ещё два костяных скакуна были в порядке. Эта Водимая нежить была заколдована слушаться прежде всего своих хозяев. Они погибли, так что

магическая связь прервалась, но всё ещё требовалось немного времени, чтобы Уна и Киния перенаправили на себя заклятья подчинения. Призрак справилась с этим быстрее, и полетела помогать госпоже.

— Сотэр, Атти! Взбирайтесь на этого коня, — повелела Киния. — Уна будет вести его, но всё равно держитесь как следует. Вистра! Ты поедешь со мной, полезай на второго коня.

Про себя Киния порадовалась, что прежде несколько раз учила Сотэра ездить верхом. А вот для друида и волшебницы это будет первый опыт.

Пока Вистра и Атти, терпя насмешки Уны, нерешительно подступались к скакунам, а потом неуклюже взбирались на них, Киния вытащила кольчуги из доспехов павших вампиров. Сами доспехи не подходили Кинии по размеру, разве что можно было попытаться приладить отдельные пластины. Кольчуги местами пробиты, но лучше хоть какая-то защита, чем вообще ничего — рассудила вампирша. Поддоспешники пришли в негодность после сгорания рыцарей, так что придётся натягивать кольчугу прямо на платье. Впрочем, Кинию вовсе не страшило натереть кожу железом — это стало бы бедой для человека, но не для высшего вампира. Киния быстро собрала некоторые части лат и кольчуги, бросила всё это в мешок, и привязала его к седлу. Заодно прихватила оружие рыцарей смерти.

— А куда отправимся, госпожа? — поинтересовалась Уна.

— Пока на юг, — ответила Киния после секундного размышления. — А дальше будет видно.

Она запрыгнула в седло, и невольно бросила взгляд в ту сторону, где должен был находиться её замок. Когда-то её замок. Но в этом месте он скрыт за высокими холмами.

— Эй, Атти, — позвал Сотэр, когда эльф наконец устроился в седле позади, — а что это за чары, которые ты творил? Ну, когда рыцарь свалил меня. Вроде воды никакой поблизости не было...

— Да ничего я не творил, — прокряхтел эльф, ёрзая. — Просто нёс тарабарщину, чтобы отвлечь. Так, немножко только магии привлёк для пущей убедительности... Где тут получше схватиться?

— Готовы? — окликнула вампирша. — Тогда вперёд. Бежать придётся очень долго.

Уна повторно набросила на группу заклятье отвода глаз. Киния понимала, что призраку удастся поддерживать заклятье не более одного-двух дней, после чего её силы истощатся. Потому нужно использовать это время, чтобы уйти от преследователей как можно дальше — за пределы империи Онгхуса.

Вариант возвращения в свой хорошо укреплённый родовой замок Киния отвергла сразу. Не возникало сомнений, что император заранее озаботился захватить её главные владения, прежде чем брать в окружение замок Эмраса. «Небось передал мои земли этому щёголю Вейлину. Чтоб я ничего не заподозрила, не попыталась укрепиться или получить поддержку других лордов, Онгхус подвёл войска под видом сборов против Витании, — размышляла Киния, пока кони неслись по безжизненной холмистой равнине. — Получается, он планировал всё это сильно заранее. Возможно даже задолго до воспитания взломщиков. Просто ждал подходящее время, чтобы избавиться от меня. Почему? Чем я не угодила ему? Опасался, что попытаюсь занять престол? Вдобавок хотел расправиться со мной одним махом, без всяких следствий и судов. Отчасти это удалось.

Но откуда Онгхус узнал о воспитании взломщиков? Кто всё разнюхал? Или дело в предательстве? Больше всех знала Уна. Однако она сейчас рядом со мной — такая же изгнанница. Нет смысла в предательстве, если ты оказываешься среди проигравших. А меры по вычислению призрачных осведомителей были предприняты.

Ещё не всё понятно с тем способом, которым Онгхус пытался обезвредить меня. Он хорошо замаскировал окружение замка под сборы, но вот взятие меня под стражу... Зачем посылать для этого Вейлина, если всем известно, что мы друг друга на дух не переносим? Очевидно, что это переросло бы в драку. Намного проще под каким-нибудь предлогом позвать меня в центр лагеря. И там обезвредить. Но император раскрыл свои планы раньше, спровоцировав бой в замке, когда я среди своих рыцарей — хорошо, что хоть их додумалась предварительно собрать.

Онгхус планировал сбросить меня, но не хотел убивать? Может, дал спастись в знак благодарности за былые заслуги?»

Несмотря на отчаянное положение, Киния рассмеялась.

«Конечно же нет. Едва ли старик склонен к излишнему благородству. И уж точно не склонен к пренебрежительному составлению планов. Скорее, император ждёт, что я и дальше буду сама того не ведая исполнять какую-нибудь его политическую задумку. Например, что я переметнусь к Витании, и это станет веским поводом для объявления большой войны и привлечения серьёзных сил: королевство укрыло у себя мятежницу».

Здесь Киния подошла к вопросу о том, куда же именно бежать и что делать. Возможностей вырисовывалось немного. В империи задерживаться нельзя, здесь Киния — беглая преступница. Если переметнуться к Витании, то придётся неопределённое время быть там на побегушках у какого-нибудь лорда. Не стоит рассчитывать, что там одарят обширными владениями. «Жалкая участь. Если только не выторговать для себя большее, рассказав королю Витании об Источнике».

Киния покосилась на бегущего рядом скакуна, перевозившего Сотэра и Атти. Ощутила, как Вистра жмётся к её спине.

«Но тогда я точно лишусь взломщиков. Их заберут у меня. И от самого Источника ничего не получу. А возможностей для выращивания новых учеников у меня ещё долго не будет. Да что там долго — никогда не позволят! Репутация испорчена: слуханное ли дело, воспитала паладина! Никто после этой истории не доверит мне заниматься скотом.

И вообще нет уверенности, что меня примут в Витании или где-либо ещё. Онгхус может иметь иные планы, и везде распространить весть о моём преступлении. Тогда меня всюду будут чураться, всюду я вне закона; как экзотический зверь, на которого можно устроить охоту. Если только я собственноручно не избавлюсь от взломщиков, чтобы снять любые подозрения... Однако убить их я всегда успею. Пока этого делать совсем не хочется.

Ещё остаётся третий и безумный вариант. Плавно перевести своё бегство в экспедицию к Источнику. Да, вот так, без давно сделанных приготовлений: вспомогательных отрядов, связей, хорошего снаряжения, запасов и всего прочего. Только я, Уна и взломщики. И ни в одном из планов это не задумывалось как бегство. В таком положении очень непросто добраться до Источника, но... раз уж меня лишили владений, то можно попробовать создать нечто новое у Источника. Или выпить из него силу, сколько смогу, и, пока есть новая мощь, вернуться к чёртовому императору, чтобы сбросить его с престола. Путь рискованный, но если он удастся, то возможностей открывается больше, чем в роли вечной приживалки у Витании.

Одно хорошо: я успела уничтожить все заметки об экспедиции, и они не попадут в чужие руки. Есть шанс, что получится запутать возможных преследователей... Но и планы Онгхуса для меня не ясны. Не стоит только сомневаться, что они есть и всё ещё как-то связаны со мной.

Что ж, попробую обхитрить старика. Решено. Было безумием растить друида, волшебницу и паладина. Так не буду останавливаться на полпути и продолжу — к Источнику жизни».

Киния опять расхохоталась, заставив Вистру вздрогнуть. Ответным смехом отозвалась Уна — ей внятных поводов для веселья не нужно.

«Когда я только обратилась в высшую вампиршу, то как же мне вскружили голову мысли о вечности! Бесконечный запас времени, сколько всего можно успеть! Вначале я предавалась мечтам о том, как освою живопись; добьюсь непревзойдённых высот в пении, мастерства в скульптурном искусстве, танцах, писательстве баллад. Воображала, как многократно преумножу своё богатство. Вечность позволит добиться всего! Но путь ночи повёл вовсе не к праздности и достатку. Он ведёт через нескончаемые опасности и лишения. У меня отобрали всё, кроме живых неоперённых учеников, да сумасшедшего призрака. Вся вечность поставлена на одну сомнительную авантюру!»

Весёлый задор улетучился, когда смертные напомнили Кинии о бренности своих тел. Киния могла скакать на коне хоть целыми днями почти без остановок; могла даже погружаться в вампирскую дрёму, оставаясь в седле на ристающей лошади. Но взломщики, непривычные к ездовой нагрузке, в один голос заныли уже через несколько часов пути, жалуясь кто на боль в спине и в ногах, а кто на головокружение от нескончаемой встряски. Несмотря на гневливые крики госпожи ученики скулили, что от усталости вот-вот свалятся прямо под копыта. Пришлось остановиться у неглубокого озера.

Спешившись, живые растянулись около берега, ни на что не обращая внимание. Когда Уна убедилась, что рядом нет зомби-утопленников, ученики кинулись жадно хлебать воду.

«Плохо-плохо, — Киния с недовольством смотрела на мокрые лица. — В первоначальных планах запасы, необходимые для живых, задумывалось взять с собой из замка. Но придётся искать всё на ходу. И преследователи поймут, что ученикам необходимо останавливаться около водоёмов. Наверняка там нас и попытаются подкараулить».

У вампирши и призрака пока проблем с пищей не намечалось: в седельных сумках нашлись склянки с кровью и камни-темницы для душ.

— Госпожа, позволь спросить, — подал голос Атти.

— Чего тебе? — не теряя времени даром, Киния ковырялась с ремнями, латными пластинами и кольчугой. — Спрашивай.

— Леди Уна и ты, госпожа, говорили, что мы, ну, однажды в путешествие отправимся, — сказал друид, опустив руку в воду. — Но не так я представлял его. Мы убегаем. От кого? Кто нас выгнал и почему? И куда мы идём?

Киния ответила не сразу, словно была целиком поглощена вознёй с прилаживанием брони. Только пластины зазвенели громче.

— Мир за пределами замка враждебен, — наконец произнесла Киния. — Те, кто вчера выдавали себя за союзников, сегодня оказались врагами. Тайно сговорились против меня, и напали на замок самым подлым образом. Вам достаточно просто знать, что они враги. И мы не простим их за это зло, но однажды справедливо отплатим полным уничтожением.

На слове «справедливо» Киния бросила взгляд на Сотэра.

— Однако чтобы осуществить это, нужно добраться до магического Источника. Он ещё называется Источником жизни. Получив его силу, мы сможем отомстить. Но чтобы пробраться к Источнику, каждому из вас предстоит пройти особые испытания.

— Это те самые посвящения, про которые ты однажды упоминала, госпожа? — спросила Вистра.

— Да, Цветочек. Именно к этому вы готовились годами. И первым пройти посвящение удостоится наш паладин.

Киния швырнула к Сотэру сперва кольчугу, а потом наплечники, поножи и наручи.

— Только всё сейчас не одевай. Живые ведь такие слабенькие. Мало мне того, что плачетесь после езды, так ещё буду слушать нытьё о том, как тяжело долго носить броню. Потому полностью напяливай эти огрызки тогда, когда позволю. Вот тебе рукавица на правую руку. А то ещё пальцы тебе порубит кто, если опять драться будем...

Услышав намёк на последний бой, Сотэр тоже решился на вопрос, который не давал ему покоя почти всю дорогу.

— Тот рыцарь, с которым я бился. По его словам понятно, что он раньше сражался с паладинами. Рыцарь сказал, что сама суть паладинства в том, чтобы истреблять любую нежить. Вообще любую, даже Высшую. Я... я ни разу не слышал такого от тебя, госпожа.

Киния натянула кольчугу поверх платья, и теперь закрепляла наплечник.

— Враг коварен, он обманул меня, и потому мы здесь, — сказала вампирша. — Постарается обмануть и вас. Не стоит доверять словам чужаков. Тем более если они пытаются убить тебя. Тот рыцарь хотел запутать, ввести в заблуждение. Паладины не являются врагами нежити. Иначе мы бы не растили тебя, Сотэр. Прежде всего, слушай свою госпожу и защищай её... Так ведь, Вистра?

Киния пристально посмотрела на эльфийку. Перечитав немалую часть библиотеки, она наверняка знала об истинном назначении паладинов.

— Всё так, госпожа, — медленно кивнула Вистра, показывая, что правильно поняла скрытое предупреждение вампирши.

— Вот и хорошо. Отдыхайте ещё немного. Потом наберём воды, и отправимся дальше.

И вновь учеников хватило всего на пару часов пути. Остановились около руин каких-то зданий Эпохи света. Впрочем, вампирше и призраку тоже требовалось восстановление. В бою Киния получила хоть и не тяжёлые раны, но всё же спокойное заживление необходимо. Для этого пришлось опустошить одну склянку с кровью. Уна потратила силы на заклятье отвода глаз, а потому поглотила консервированную душу. Подсчитав запасы, вампирша прикинула, что при бережном расходе их хватит на две недели пути.

Но со взломщиками опять всё оказалось сложнее. Привалившись к развалинам стены, Вистра и Атти просили еду словно дети. Пока они жили в замке, в деревнях скота для них готовились лучшие овощи и мясо. Ежедневно получая к столу трёхразовое питание, ученики не знали настоящего голода; никогда не заботились о том, откуда брать пищу и как её приготовить. Это не входило и в обязанности Уны, а тем более Кинии.

— Прекратите плакаться, — зарычала вампирша. — Проклятье!.. Будет вам еда... какая-нибудь. Но придётся подождать. Уна, посмотри, есть ли поблизости кто-нибудь живой.

Сотэр уселся рядом с Вистой, вытянул ноги, ноющие от усталости, и прикрыл глаза.

Однако казалось, что в таком положении голод чувствуется сильнее. Ища способ отвлечься от него, Сотэр встал.

— Куда собрался?

— Позволь немного прогуляться по развалинам, госпожа.

— А ещё делаете жалостливый вид, мол, устали... Ладно. Но не вздумай уходить дальше, чем на сотню шагов. И меч возьми.

Сотэр бродил между остовами, нередко останавливаясь, чтобы подробнее изучить руины. Кирпичи, из которых сложены останки зданий, были не такими массивными, как блоки родного замка. И уж точно кирпичи не шли в сравнение с грубо отёсанными камнями, из которых строились деревенские дома для скота.

Юноша перелез через груды развалин, прогулялся по мостовой, частично поглощённой песком; взобрался на потрескавшийся цоколь, и прошёл через дверной проём, по бокам от которого почти не сохранилось стен. Иногда внимание Сотэра привлекали барельефы. Многие из них были частично расколоты, вдобавок смеркалось, так что с трудом можно было разобрать очертания переплетающихся узоров, каких-то животных и... людей? «Не понимаю, это скот или нежить? — размышлял Сотэр».

Он разглядывал более-менее целый барельеф, на котором показаны красиво одетые мужчины и женщины. Разбившись на пары, они держались за руки, подняв их на уровне груди. Хоть каменные люди и были застывшими, как и полагается изображениям барельефа, но их позы живо передавали движения: изящно вытянутые ноги, показывающие плавный шаг; складки на колыхающихся подолах платьев; развевающиеся длинные волосы. Казалось, что мужчины и женщины вот-вот оживут, будут причудливо переступать, кружить, сгибаться, и вновь выпрямляться.

«Что это, магический ритуал нарисован что ли? — недоумевал Сотэр. — Вистру бы сюда. Она объяснила бы, что к чему».

Из раздумий Сотэра вырвал шорох. Юноша вздрогнул, и оглянулся. Но вокруг никого не было. Только ветер пел заунывную песнь, бродя меж остовов. Сотэр решил, что ему показалось, но слух опять уловил что-то похожее на шарканье шагов. Напряжённый Сотэр готов был поклясться, что иногда среди завывания ветра разбирает шёпот. Причём непонятно, откуда именно приходит звук. Он доносился то с одной стороны, то с совершенно противоположной.

Сотэр озирался на тёмные силуэты руин, что вырисовывались на фоне сплошных серых облаков, пока взор не приковала к себе одинокая фигура. Она замерла в разрушенном дверном проёме — женщина, одетая в зелёное платье с узорчатой вышивкой. Незнакомка молчаливо смотрела прямо в глаза Сотэру.

Через несколько мгновений женщина бросилась к юноше. Испугавшись, он вытащил меч из ножен.

Глава 13 — Бесплодная земля

Клинок прошёл сквозь призрака женщины, не причинив вреда. Как и призрак сквозь Сотэра. Юноша на миг ощутил холод, что просочился сквозь кожу, липким касанием обжог нутро и уколол в сердце. Сотэр развернулся, собираясь освятить меч.

Однако призрак не обращала внимание на Сотэра. Она бежала дальше, но не как человек, который скрывается от преследователей и куда-то суетливо мчится. Женщина придерживала подол платья, и ступала так, словно старалась не растерять изящества и достоинства. Перед ней появился призрак мужчины — статного, одетого в богатый кафтан и со шпагой на поясе. Женщина бросилась прямо в объятия мужчины. Он прижал её к груди, а под пышными, но аккуратными усами различалась улыбка.

— Никак решил размять ножки.

Сотэр подпрыгнул от неожиданности. Оказывается, Уна парила за спиной в шаге от него.

— Кто они? — спросил юноша, кивнув на призрачную пару.

— Бесхозная нежить, — Уна подлетела к паре. — Самая ничтожная из этого убогого рода. Настолько бесполезная, что её никто даже не пытается подчинить. Просто тени прошлого, обречённые вечно разыгрывать одни и те же жестокости ушедшей жизни. Как самые приятные сцены, так и самые болезненные.

Уна отклонилась назад и мечтательно закатила глаза.

— Ах, быть может, госпожа проведёт нас через мой родной дом времён Эпохи света. Тогда я разыграю перед вами самые дорогие моему сердцу события, что связаны с большой дружной семьей...

Рядом с парой возник призрак ребёнка. Но не такой, каких видел Сотэр у скота, и каким сам был до начала тренировок. Волосы призрачного ребёнка выглядели чистыми и приглаженными. А вместо рванья, которое носили выводки в загонах скота, — а чаще они бегали голышом — мальчишка был одет в красивую рубаху. Не переставая улыбаться, мужчина погладил ребёнка по голове.

Сотэр не знал семьи в том значении, какое ей придавали в Эпоху света. Редко в каких деревнях-загонах скоту позволялось держать рядом своих отпрысков вплоть до их совершеннолетия. Исключительно редко кому-то из детёнышей удавалось узнать, кто именно его отец. Для размножения скота нежить использовала здоровых самцов-осеменителей. Когда детёныш достигал двух лет, его отнимали от матери, и переселяли в другой загон, чтобы растить дальше под присмотром часто меняющихся нянек из живых и Низшей нежити. Именно так прошло детство Сотэра, который не помнил ни матери, ни горечи расставания. Потому он с настороженным любопытством смотрел за призрачной троицей, не понимая, что за диковинные отношения связывают её.

— Так это призраки живых людей, — поразился Сотэр. — Но одеты они как Высшая нежить. Что же это была за катастрофа, которая всё так разрушила?

— Страшная катастрофа. Но достаточно дурью маяться, дитя, — Уна встала между юношей и троицей. — Завтра ждёт ещё более долгий и сложный путь. Ступай обратно, отдыхай, восстанавливай силы, пока я вместе с мамочкой буду искать завтрак.

Призраки испарились. Бросив последний взгляд на пустующее место, где секунду назад разыгрывалась семейная идиллия, Сотэр пошёл обратно.

— И смотри под ноги! — прикрикнула Уна тоном строгой матушки. — А то темно, можно и споткнуться!

Когда юноша удалился, призраки появились вновь, но разыгрывали уже совершенно иную сцену. Тот же самый мужчина, однако теперь в доспехах, дёрнулся, будучи пронзён невидимым клинком. Шпага выпала из ослабевшей прозрачной руки, а затем рухнул и её хозяин. Больше никто не защищал женщину. Она закрыла собой мальчишку в тщетной попытке сберечь его от опасности. Но неумолимая смерть нанесла рассекающий удар по матери, и не пожалела ребёнка.

— Славное было времечко, — прошептала умиляющаяся Уна.

Сон выдался тревожным и прерывистым. Взломщики впервые проводили ночь вне замка, на свежем воздухе. Вернее, на затхлом тяжёлом воздухе. Со вздохами мечтая о привычных мягких кроватях в тёплых комнатах, живые постелили на камни тряпки, и укутались в плащи. Однако это плохо помогло справиться с ночным холодом. Не сговариваясь, взломщики пододвинулись поближе друг к другу, а чуть позже без тени смущения прижались один к другому.

Пальцы Вистры касались ладоней Сотэра, а её волосы так приятно пахли. Очарованный этой близостью, юноша прислушивался к размеренному дыханию эльфийки — тёплому и ласкающему лицу. Иногда Вистра вздрагивала то ли от холода, то ли от страха. В такие моменты Сотэру хотелось сгрести худенькую Вистру в охапку и крепко прижать к себе, чтобы спрятать от всех ужасов ночи.

Наконец усталость взяла своё и паладин провалился в беспокойную дрёму. Когда Сотэр пробуждался от свиста ветра или случайного тычка со стороны, ему в первое мгновение казалось, что он лежит на пуховой перине у себя в комнате. Иногда из забытья вырывал отдалённый вой. Проснувшись в очередной раз, Сотэр увидел во мраке рядом мерцание пары глаз. Сердце сковал ужас, дыхание перехватило. Юноша суетливо зашарил вокруг, ища меч, но находил только тряпки или каменную крошку. Сотэр ещё раз затравленно посмотрел на притаившееся в темноте чудовище. И узнал его взор. Вампирские глаза госпожи. В другое время такой испытывающий и суровый взгляд, сейчас он, напротив, внушал спокойствие и защищённость.

«Госпожа здесь, — Сотэр облегчённо откинулся на бок, и схватился за плечи Вистры, в полудрёме приняв их за привычные подушки, в которые любил зарываться лицом. — Госпожа рядом, охраняет сон. Никакая тварь не подкрадётся...»

Они проснулись, когда около ног шлёпнулось нечто увесистое. Приподнявшись первой, Вистра крикнула и заёрзала ногами, отползая. Рядом лежал труп волка.

— Поднимайтесь, пора жрать, — сухо сказала Киния.

Взломщики уселись, и тупо глядели на мёртвое тело, едва соображая спросонья.

— Что такое, пропал аппетит? — с издевкой спросила Киния. — Вчера вы вроде изнывали от голода.

— К-как это есть, госпожа? — недоумевал Атти.

Киния аккуратно бросила Сотэру кинжал. Взяв его, юноша озадаченно рассматривал волчий труп.

— Я... я не знаю, что надо делать, — выдавил Сотэр.

— И я не знаю, — легко призналась Киния. — Но, на ваше счастье, Уна что-то понимает в этом... наверное.

— В пору, когда ещё могла дышать, я была любящей матерью, — с гордостью начала Уна. — Да что повторяться, вы это знаете. В общем, ежедневно готовила снесь для прорвы детишек. Правда, разделкой крупной дичи никогда не занималась. Но зато немного видела со стороны, как это делают охотники!

— Давай к делу, Уна, — Киния притащила вязанку хвороста. — Чем быстрее отправимся, тем лучше.

Под руководством Уны Сотэр взялся свежевать тело волка. Призрак указывала, где и как резать, но нередко сама же себя оспаривала. Юноша сперва робко орудовал кинжалом, но со временем обрёл уверенность. Вид крови и внутренностей не вызывал отвращения, ведь Сотэр рос среди нежити, иногда наблюдая выпотрошенных зомби или расчленённый скот. Да и как подобные мелочи напугают того, кто совал руку в чрево своей госпожи? Разве что Вистре, которая немалую часть жизни провела в библиотеке, сделалось дурно от резкого запаха крови. Атти подивился, как только брезгливая сестра смогла в том бою у речки схватиться пылающими ладонями за мерзкую голову зомби-утопленника.

Не было и речи о том, чтобы провести полную разделку, учитывая нехватку времени и опыта. С грехом пополам кое-как Сотэр вырезал часть мяса, пригодного в пищу, и тогда Вистра магическим огоньком подожгла хворост в круге из камней, который сложил Атти. Как только запахло жареным, животы взломщиков, ничего не евших со вчерашнего дня, зарычали нестройным хором словно стая голодных хищников.

— Ну прям дикое зверьё, — сказала Киния, осуждающе глядя на то, как ученики жадно вгрызаются в мясо и с наслаждением мычат. — Где ваши манеры... А впрочем, жрите быстрее.

Они хотели наесться до отвала и выпить всю воду, припасённую со вчерашнего дня, но Киния пинками погнала взломщиков на коней. Взяв с собой немного мяса, беглецы продолжили путь на юг.

Уна «сидела» на вершине холма, глядя вдаль, и беззаботно болтала со скелетом — не с нежитью, а с обычными неподвижными останками. Между рёбер торчало копьё, вонзённое в землю; на макушке черепа, испещрённого трещинами, зиял пролом.

— Знаёшь, дорогуша, в Эпоху света у крестьян и других простолюдинов жизнь была несладкой. А потому, чтобы хоть как-то примириться с тяжкой действительностью, чернь тешила себя поговорками. Одна из них звучала так: смерть всех уравнивает. Будь ты богат или беден, знатен или безроден, красив или непригляден, конец у всех един — прах.

Призрак погладила череп.

— Какой же вздор, ненаглядный мой. Эпоха тьмы всё перевернула, так что даже в смерти нет равенства. Одним суждено неприкаянно бродить по миру как Бесхозная нежить, другие служат как Водимые или Низшие, а третьи заняли место благородных. Но даже среди Высшей нежити друг к другу не относятся одинаково, как бы к тому ни располагал порядок. Вот взять личей, например. Не сочти меня за сплетницу, но кажется мне, будто есть у них потаённая зависть к вампирам... Что, сомневаешься?.. Ну, посуди сам, чтобы стать личом, нужно очень многое выучить, и провести опасные ритуалы с жертвоприношениями. Тогда

как для обращения в вампира достаточно просто испить вампирской крови... Ах, ну да, я малость упрощаю. К обращению в вампира себя тоже нужно готовить, однако всё равно это легче и быстрее, чем перерождение в лича. Как бы то ни было, бесчувственные и строгие в быту личи смотрят на кровососов, как на избалованных приверед. И сами скрытно желают быть такими же.

На этот довод у скелета не нашлось возражений, так что он счёл нужным промолчать.

— И всё же некоторым смерть дала новый шанс, — разглагольствовала Уна. — Я не жалею о том, кем стала. Всяко лучше, чем в смердах ходить... Ладно, пора бежать к госпоже, чую, опять чего-то хочет. А ты только далеко не уходи отсюда, дождись меня! Даст мёртвый бог, на обратном пути ещё загляну поболтать!

Прежде чем полететь на привал, Уна одарила черепушку прощальным поцелуем.

Они были в пути уже как полторы недели. Пока беглецам везло, за всё время им ни разу не пришлось отбиваться от преследователей. Дважды Уна издалека замечала гончих Онгхуса, своевременно предупреждала остальных, и группа спешила скрыться. Впрочем, Кинию нередко посещало подозрение, что лич намеренно позволяет им уйти, желая только погнать беглецов как можно дальше.

В любом случае группа благополучно вышла за пределы империи, теперь двигаясь вдоль границы королевства Витания и Вольных княжеств, что состояли из мелких разрозненных владений Высшей нежити. Зачастую княжества были поглощены борьбой друг с другом, кратковременно объединяясь только в случае вторжения со стороны крупных монархий. Даже не беря в расчёт преследователей Онгхуса, в этих краях лучше сохранять бдительность: здешние власти не очень-то дружелюбно приветствовали незваных гостей.

Бесхозная нежить не представляла опасности для беглецов. Безмозглых призраков, зомби и скелетов играючи уничтожала либо Киния, либо Уна. А те из Низшей нежити, что имели хоть какие-то крохи разума, спешили убраться с пути высшей вампирши.

Она вместе с Уной по-прежнему добывала для живых разнообразную дичь, какую только можно найти на бесплодных просторах.

— До чего же низко я пала! — сокрушалась вампирша после того, как швырнула в Сотэра пару дохлых грифов. — Гоняюсь за трупоедами словно прислуга из Низшей нежити, чтобы накормить живых!

Вскоре эту ношу немного разделил Атти. У водоёмов друид научился околдовывать подводную живность, хотя до конца даже не мог объяснить, как именно делает это. Он привлекал рыбу к берегу, почти лишая её пугливости, так что оставалось только собрать всё съедобное с мелководья. В разделке птиц или рыбы Уна разбиралась намного лучше, чем в свеживании крупной дичи. Видно, в прошлом призраку приходилось заниматься этим собственноручно.

Между взломщиками всё чаще возникали ссоры из-за всяких мелочей или отличий во взглядах на мир.

— Прекрати! — Атти схватил речного рака за хвост, и вытащил его прямо из костра, рискуя сильно обжечься. — Как можешь творить такое?!

— Да ты что, совсем озверел? — Сотэр вскочил.

Озлобленный и голодный после долгой изнуряющей дороги, паладин прыгнул к Атти, и схватил его за плечо.

— Положи рака на место!

Атти дёрнулся, пытаясь вырваться, но паладин был сильнее и держал крепко. Уны и

госпожи рядом не было.

— Чего тебе не нравится? — негодовал Сотэр. — Ты же сам привлёк эту жратву!

— Зря мучаешь его, дурень! — взорвался Атти. — Заживо жаришь! Живодёр!

— Ах ты, остроухий! — Сотэр встряхнул друида. — Я все дни мясо режу, чтоб ты нажраться смог, но смеешь ещё тут безумные проделки устраивать. Давай сюда!

Эльф вытянул руку назад, чтобы Сотэр не дотянулся до еды, и вскрикнул — рак цапнул клешнями за пальцы.

— Прекратите вы, оба! — вмешалась Вистра. — Сотэр, отпусти Атти, и хотя бы выслушай его.

— Так нам что, теперь без еды оставаться из-за его нежных хотелок? — буркнул Сотэр, но всё же отпустил эльфа.

— Я не говорил, что хочу оставить нас без еды, — возмутился Атти. — Я только не хочу, чтобы животные страдали. Не надо мучительно убивать их. Сделайте это быстро и безболезненно.

— Слышал, Сотэр? — сказала Вистра поучительным тоном. — Он не требует чего-то сложного.

— Ладно-ладно, — проворчал паладин. — Будь по-вашему. Давай уже рака, добыю его. А то сил нет голод терпеть...

Взломщики привыкли к ночёвкам на земле и крепко спали, хотя перед сном кто-нибудь с мечтательной тоской вспоминал вслух о тёплых кроватях.

— Хватит, не бреди душу! — отвечали друзья по несчастью.

Уже не пугали мрак и отдалённые звуки: вой, рык и лай, вырывавшиеся из глоток трупоедов; или стоны, плачь, вопли и даже песни, которыми оглашали ночь призраки, упыри или зомби. Изредка перед сном живые представляли, каково это — оказаться в тёмном бесплодном мире в одиночестве, когда уповать надо только на себя. Как тяжело далось бы выживание, как непросто было бы нести ночной дозор! В такие моменты ученики с благодарностью и облегчением поглядывали на блестящие глаза рядом с местом ночёвки. Уна и Киния внушат ужас любым демонам ночи, которые по незнанию или глупости забредут сюда.

Но однажды взломщики пробудились от стенания, издаваемого вовсе не Бесхозной нежитью. Стонала Киния, иногда произнося обрывки странных фраз.

— Дышать... хочу дышать, — доносилось до слуха живых.

Никогда ученики не слышали, чтобы госпожа говорила таким тоном, а потому не сразу догадались, что звуки исходят от неё.

— Я жива... снова.... Я снова... жива, — говорила вампирша словно в бреду.

Осознав, что это произносит госпожа, ученики приподнялись, будучи сбиты с толку и напуганы.

— Сердце бьётся... как раньше!

— Госпожа? — объявилась Уна, — Опять тот же сон, госпожа.

Воцарилась тишина. Взломщики напряжённо прислушивались.

— Чего уселись, мясо?! — разорвал тишину голос вампирши. — Спите!

Ученики быстро легли, хотя заснули далеко не сразу.

Добыча еды наладилась, к дальним переходам и ночёвкам взломщики более-менее привыкли, но всё равно путь осложнялся иными трудностями. Из-за встречного ветра во время длительных скачек и спанья на плащах, плохо отделяющих от холодной земли, живые

подхватывали хворь. Из-за непривычной еды, вдобавок плохо приготовленной, Атти пару дней испытывал прелести медвежьей болезни. Все эти обстоятельства вынуждали сокращать время пути, приводили к частым остановкам. Если бы не целительные заклятья Сотэра, группе пришлось надолго засесть на одном месте, ожидая общего выздоровления.

Однако, несмотря на все тягости, группа наконец добралась до первой важной цели. Они ступили на землю, что когда-то принадлежала ордену паладинов.

Глава 14 — Проклятое Проклятыми

Повинуясь команде, кони перешли на медленный аллюр. Взломщики молча озирались, на их лицах читались скука и разочарование. Вокруг простиралась безжизненная пустошь, которая выглядела даже ещё более пустой и бесплодной, чем все те заброшенные места, что встречались в путешествии. Глазу не за что зацепиться: ни бугров, ни оврагов или иных неровностей, ни тебе терновников или сухих деревьев, ни развалин. Воистину мёртвая земля.

— Так где здесь посвящение проходить? — потерял терпение Сотэр. — Скоро придём к руинам ордена? Вокруг ничего...

Заброшенные кладбища и руины всегда безгласно напоминают о былом: глядя на стёртые даты или пустующие залы можно вообразить, как выглядела ушедшая жизнь. Но в этих местах победители приложили тщательные усилия, чтобы уничтожить любые свидетельства о своём самом непримиримом и опасном враге — ордене паладинов. Сожгли библиотеки, а книжный пепел развеяли далеко отсюда; срыли фундаменты до основания; перепахали землю, а потом распылили над ней алхимическую отраву, чтобы на десятилетия сделать край непригодным даже для вездесущего мха. Копнув твердь не обнаружишь насекомых, червей и других крохотных обитателей почвы. Магическую ауру попытались выветрить, осквернив священное место темнейшими и кровавыми ритуалами.

Никакой другой участок в мире не был настолько опорочен нежитью. Недаром среди мертвецов бывшие владения паладинов называли не иначе как Проклятое Проклятыми. Правда, в присутствии Сотэра Уна, Киния и Вистра благоразумно избегали произносить это название.

Казалось, что сколько не броди по осквернённой пустоши, а не сыщешь даже капельки святой силы. Чувствуется только магия тьмы. В пору тащить сюда на посвящение рыцарей смерти, а не паладинов. И всё же Киния упорно водила отряд кругами по Проклятому Проклятыми.

— Сотэр, прислушайся ещё раз, — требовала вампирша. — Сосредоточься. Ещё попробуй уловить силу.

Иногда они останавливались, и юноша садился на землю для медитации.

— Главное, дыши глубоко. Мне помогло, когда медитировал, — не удержался Атти от язвительной остроты, вспомнив совет Сотэра многолетней давности.

Однако сколько бы Сотэр не отрешался, как бы не обращался весь в магический слух — всё тщетно. Устав ждать, Киния загоняла юношу обратно на коня, и они опять пускались в блуждания.

— Небось под видом медитации дрыхнуть решил! — ругалась госпожа. — Ищи. Сила должна быть. Её невозможно испарить целиком.

Как ни странно, первым присутствие инородной силы уловил не паладин, а вампирша и призрак. Обе, не сговариваясь, резко остановили коней.

— Уна? — вампирша заёрзала в седле.

— Госпожа, — вырвалось у призрака. — Я не уверена, что... что это именно то самое, но... может, нам убраться чуть подальше? А лучше не чуть, а сильно подальше.

Глаза Уны тревожно забегали, а в голосе прорывалась дрожь.

— Что... неужели... оно? — Киния глядела то на призрака, то перед собой, в кои-то веки желая, чтобы чутьё Высшей нежити обмануло их.

— Рядом преследователи что ли? — Вистра, обеспокоенная неизвестностью, понадеялась, что вампирша и призрак расщедятся хоть на короткое объяснение.

Встревожились Сотэр и Атти, никогда не видевшие Уну испуганной. Ту самую Уну, которая раньше встречала смертельную опасность залившимся смехом. Разве способно что-то в целом мире ужаснуть сумасшедшего призрака, что и сражение с Высшей нежитью воспринимает как весёлую игру? До сего момента живые считали, что Уне неведом ужас.

Задёргались кони, семена копытами. Но на сей раз скакуны засуетились не из-за чар или незримого озорства, какое проделывала Уна, когда сбрасывала с сёдел рыцарей смерти. Костяные кони, — которые давно лишились плоти и крови, а вместе с ними и страха — забеспокоились так, как беспокоились живые лошади, когда чуяли запах волков.

— Это оно! — взвизгнула Уна. — Приближается!

Вокруг был сумрак, а серые облака, как обычно, закрывали небо. Но тьма стремительно сгущалась, и всю группу будто накрыл купол, сотканный из мрака. Он сокрыл горизонт и даже пронзительный взор призрака тонул в непроглядной пелене.

— Надо уходить! — рывкнула вампирша, пытаясь совладать со всё более непослушным конём. — Поворачивай! Быстрее! Бежим!

Уна не удержала окончательно взбесившегося коня, и он сбросил Сотэра и Атти. Не справлялась со скакуном и Киния, хотя удержалась в седле. Однако увидев, что слабенькая Вистра вот-вот последует примеру соратников, вампирша сгребла её в охапку, и спрыгнула.

— Вставайте, уходим! — заорала вампирша взломщикам.

Киния побежала, всё ещё удерживая Вистру подмышкой.

Казалось, что тьма давит на плечи тяжким грузом, разъедает глаза, проникает в лёгкие и сжимает горло, затрудняя дыхание живым. С тех пор, как стали нежитью, Уна и Киния больше не страдали от холода. Но сейчас они почувствовали, как перевозданный холод проникает под кожу, даже призрачную; как пронзает душу и разум словно серебряные иглы. Вампирша и призрак задрожали, и обхватили себя руками, будто пробуя удержать тепло, которого и так не было в теле с далёкого дня обращения. Киния при этом сильнее прижала к себе пищащую эльфийку словно надеясь согреться от неё.

— Не останавливайся, глупец! — крикнула Киния срывающимся голосом, когда заметила, что Сотэр схватился за рукоять меча. — Не отставай!

Будучи на грани паники, беглецы чудом не потеряли друг друга.

— Бесполезно, — обречённо промолвила Уна. — Мы носимся по кругу. Нас так просто не выпустят.

Первой остановилась Киния. Пробежав чуть дальше, притормозили остальные.

— Оно! — взвизгнула Уна и схватилась за голову.

В Эпоху света живые страшились нежити, воспринимая её как нечто противоестественное; как явление, которое есть вопреки установленному создателем порядку: после смерти тело должно навечно упокоиться, а душа отправиться в божественные чертоги. Слишком необъяснимо и отвратительно, когда некто переступает грань смерти, но возвращается оттуда, частично потеряв былой облик.

Однако есть гораздо более редкое качество существования, которое ужасает даже вампиров, личей и призраков ничуть не меньше, чем живых Эпохи света вид восставших мертвецов. Это возвращение из небытия второй смерти. В исключительных и не поддающихся пониманию случаях кто-то из Высшей нежити после второй смерти не исчезает окончательно, но висит на тонком рубеже между не-жизнью и абсолютным

ничто. Существо дважды погибшее, но дважды вернувшееся... Дважды нежить. Самый изошрённый ум, да хоть сам император Онгхус, не мог осознать, как на белый свет — вернее, чёрную тьму — появлялось такое искажённое чудовище. Но зато все знали о ненасытности Дважды нежити, бесконечно жаждущей поглощать души. Все из обычной нежити знали об этом и в ужасе трепетали.

Нет ничего удивительного в том, что такое место, как Проклятое Проклятыми, привлекло тварь из небытия.

— П-придётся принять бой, — произнесла Киния, пробуя совладать с дрожью.

Вампирша отпустила Вистру, и та упала на четвереньки.

— Уна... Уначка... Соберись!

Киния не хваталась за меч, понимая, что даже зачарованные клинки бессильны перед Дважды нежитью.

— Что ж делать, госпожа?! — призрак спряталась за Кинией.

— Объединим усилия, — говорила вампирша, пытаясь вернуть голосу былую твёрдость. — Одновременно создадим заклятье изгнания.

— Бесполезно! — захныкала Уна. — Оно подействует разве что только на...

— Заткнись! — оборвала Киния. — Делай, что велю! Попробуем хоть что-то!

Киния встряхнулась, выпрямилась и широко развела руки. Затем она откинула голову назад, зажмурилась и начала читать строки заклинания. Поначалу голос звучал неуверенно и тихо, будто у вампирши дыхание перехватывало. Но в каждом новом слове слышалось всё больше властности; строфы эхом неслись под огромным куполом из мрака. Это привело в чувство Уну — призрак запела в унисон Кинии. Ветер не проникал сквозь пелену тьмы, однако заметался подол платья вампирши; плавно распустились в разные стороны пряди чёрных волос, как если бы Киния оказалась под водой; зазвенели кольчужные кольца. Объединяя силы, Уна положила руки на плечи госпожи.

Чудовище приближалось. Никто не видел его истинного обличия, но уже вся группа явственно ощущала присутствие чужеродной силы.

Заклятье изгнания могло сильно ослабить или даже уничтожить самых опасных призраков из Низшей нежити. Рассудив, что тварь из небытия по своей природе имеет что-то общее с бесплотными мертвецами, Киния надеялась, что достаточно сильное заклинание хотя бы ненадолго отбросит угрозу, и даст новый шанс на бегство. О большем вампирша и не мечтала. За всю Эпоху тьмы очень немногие из личей или высших вампиров выдержали встречу с Дважды нежитью, да и то вовсе не потому, что одержали победу — вовремя унесли ноги. Никто не знал действенных чар против этого чудовища.

Уна и Киния вместе выкрикнули последнюю строфу. Последнее слово гроыхнуло под сводами мрачного покрова. Заклятье ударило по Дважды нежити. На мгновение вспышка озарила всё на сотни шагов вокруг. Магическая ударная волна явила контуры чудовища. На слишком короткое время, чтобы можно было разглядеть подробности; зоркий Атти разобрал только нечто огромное, округлое и пульсирующее, а ещё беспорядочное мельтешение, напоминавшее возню опарышей.

Когда вновь сгустилась тьма, Уна и Киния напряжённо прислушивались к своим ощущениям.

— Не сработало, — первой оценила Уна. — Не сработало!

— Проклятье, — Киния пошатнулась.

Пока вампирша лихорадочно соображала, что ещё можно предпринять, вперёд вышел

Сотэр.

— Я сразу чудовище, — твёрдо сказал юноша.

— Стой, глупец!

Своенравный юноша опять не послушался. Он держал меч рыцаря смерти, носивший чары тьмы, но несмотря на это клинок сиял золотистым светом.

— Это моё посвящение, и я пройду его.

Клинок сиял даже ярче, чем в бою с вурдалаками, так что Киния засомневалась: а вдруг мальчишка и впрямь сможет противостоять Дважды нежити?

Но едва Сотэр сделал всего несколько шагов, как сияние потухло словно задутый огонёк свечи. Призванная паладином магия не выдержала и просто близости твари из небытия. Сотэр растерянно уставился на меч.

Дважды нежить появилась за две сотни шагов от группы, так что все могли лицезреть вид чудовища. Прямо в воздухе зияла неровная дыра, настоящий разрыв в ткани бытия, ведущий в столь бездонное и чёрное ничто, что даже окружающий мрак казался приветливым на фоне него. Из этого провала к земле тянулось толстое змееподобное тело, состоящее, однако, не из чешуек, а из будто бы обсидиановых костей, хаотично слепленных друг с другом. Десятки тысяч костей как животных, так и людей. И всё, что могло сгибаться — суставы, позвонки, фаланги, челюсти, клювы — всё непрерывно несогласованно двигалось, загребая воздух и скребя соседние кости.

Тварь вместе с провалом медленно — со скоростью неторопливо шагающего человека — плыла в сторону группы. Но Киния знала, что если она попробует удалиться вампирским рывком, то не сможет убежать от Дважды нежити. Тварь искажала мир вокруг себя до небольшого замкнутого пространства, так что лети хоть быстрее стрелы, а всё равно не вырвешься из ловушки. Как ни парадоксально, но пробеги без сна и отдыха сотни вёрст, а медлительное чудовище по-прежнему будет рядом, и ноги по-прежнему топчут Проклятое Проклятыми.

Сотэр раз за разом пробовал снова осветить клинок — бесполезно. Дважды нежить потянулась к паладину невидимым щупальцем, приближение которого магическим чутьём ощутила Киния. Тварь собиралась высосать душу Сотэра.

— Уна, магический барьер!

Ошеломлённая призрак бездействовала. Тогда Киния отвесила Уне две оплеухи.

— Барьер, дрянь!!

Очнувшись, Уна сотворила защитное заклятье. Невидимое щупальце прошло сквозь барьер даже не замедлившись, будто его вовсе не было.

— Уйди, щенок!

Киния схватила Сотэра за кольчугу, и отбросила его далеко назад. Но сама отпрыгнуть не успела. Едва коснувшись кожи, щупальце намертво прилипло к ней. Адская боль захватила всё существо Кинии — её будто бросили в печь. Наверное, что-то подобное испытывал приговорённый орк, когда Уна выпивала его душу. Киния упала на колени и заорала демоническим голосом, в котором уже не осталось ничего человеческого. Оглушённые взломщики прижали руки к ушам. Последние остатки не-жизни покидали дёргающееся тело вампирши.

Уна попыталась оторвать невидимое щупальце от Кинии, но сама прилипла к нему словно муха к паутине. Теперь из Уны тоже высасывалась душа. Корчась от невообразимых страданий, вампирша и призрак уже не владели собой. Да и живых охватила паника. Сотэр

выронил меч и позабыл про него, Атти пополз прочь. Все оказались морально сломлены... кроме Вистры.

Эльфийка творила заклятье. Но не привычные огненные шары. Читая заклинание на вымершем эльфийском языке, Вистра создавала куда более могущественную магию. Вокруг группы словно вспыхнули десятки костров. Там и сям взвившееся пламя поползло к Вистре. Сотэру пришлось отступить на несколько шагов, чтобы пропустить один из таких огней. Двигаясь по спирали, огненные языки сошлись на эльфийке. Она загорелась с ног до головы, однако пламя не обжигало. Слова, срывающиеся с уст эльфийки, звучали изящно, но повелительно — что-то из ряда вон для Вистры, которую все привыкли воспринимать как робкую умницу, почти никогда не повышающую тон. Её волосы трепетали как от сильного ветра, так что уже не было понятно, где на плечах и голове бушующее пламя, а где рыжие пряди.

Вистра с натугой вытянула руки вперёд, как если бы раздвигала створки массивных ворот. Подчиняясь её движениям, собранный волшебный огонь единым потоком устремился к Дважды нежити. На тварь из небытия словно дыхнул пламенем огромный дракон, старающийся выплеснуть из объёмного зоба всю горючую жидкость. Огня хватило бы, чтоб спалить целую деревню.

Пламя обьяло всё змеевидное тело. Чудовище закачалось, и с него на землю посыпались груды горящих костей. Заклятье подействовало, невидимое щупальце почти перестало терзать Уну и Кинию. Истошив все свои силы, Вистра упала на колени. Огонь потух, оставив на платье эльфийки подпалины, а местами и дыры с обожжёнными краями. Она поставила всё на одно единственное заклятье.

Которое хоть и оказалось действенным, не смогло прогнать чудовище — оно не только вновь впилося в призрака и вампиршу с прежней хваткостью, но и прилипло к взломщикам. Все закричали и забились в судорогах, теряя души.

— Помогите! — вырвалось у Сотэра.

Он сам не знал, к кому обращена мольба, да и вообще не мог соображать: боль пронзила каждую частичку тела, вытеснив мысли и волю к борьбе. Всё, что мог юноша, так это бессознательно взывать о помощи.

— Помоги-и-те-е! — дёргаясь, он до крови кусал язык и губы.

И нечто ответило на призыв. Как будто понимая, что здесь присутствует единственный во всём умирающем мире паладин, — последний сын света, последний защитник и надежда живых — некогда благословенная земля откликнулась.

Со всех концов этого края к Сотэру полетели те крохи волшебного света, что не смогла изгнать нежить. Являясь рассеянными, эти частицы были недостижимы для магического чутья, но сходясь в одном месте они обращались в скопление большой волшебной мощи. А может это духи тех паладинов, тела которых так и не смогли обратить в зомби, потому что их прах схоронен глубоко под проклятой твердью, стремились разом отдать юноше последние силы.

Кожа Сотэра засияла, и щупальце сразу спало. На земле вспыхнули широкие круги, центром которых был юноша. Вдоль окружностей зажигались буквы, они складывались в слова, а потом и во фразы — наставления первых паладинов. Над головой Сотэра горел нимб с давно забытыми святыми символами. Юноша почувствовал, как кто-то незримый подхватывает его, и поднимает на ноги. Сотэр сложил ладони. Он сам не знал, зачем так делает, но откуда-то изнутри пришло убеждение, что именно этот жест необходим сейчас.

Руки Сотэр направил в сторону Дважды нежити.

С кончиков пальцев сорвался толстый луч слепящего света. Он прожог насквозь тело чудовища, и вонзился в разрыв бытия. Затряслась земля, раздался рокот, подобный тому, что все слышали во время бегства из обрушающегося замка Эмраса.

Священный свет погас. В глазах Сотэра потемнело, а ноги задрожали — он терял сознание. Но, прежде чем юноша потерять устойчивость, он увидел перед собой призрачную фигуру в позолоченных доспехах. Неизвестный рыцарь света положил руку на плечо Сотэра, и кивнул. Только после этого последний паладин упал на спину и во тьму забвения.

Тёмно-синее вечернее небо, на котором зажигаются первые звёзды. Громады облаков, окрашенных заходящим солнцем в нежно-розовые цвета. Так приятно любоваться этой красотой, безмятежно развалившись на зелёной травке. Тем более Киния знала, что созерцание вскоре прервёт боль разложения — как всегда бывает в одном и том же кошмаре.

— Госпожа, ты в порядке? — послышался голос Уны.

Киния не ответила. Вопрос настойчиво прозвучал ещё несколько раз.

— Уна, дурочка, — сдалась вампирша, — что забыла в моём сне? Уже и здесь лишаешь покоя. Отстань. Дай насладиться чудесным видом.

— В твоём сне? — удивилась призрак. — Госпожа, ты пробудилась. Это явь.

— Что?..

Киния приподнялась на локте, и огляделась. Неподалёку сидели взломщики и замороженно смотрели вверх. Киния вспомнила бой с Дважды нежитью, касание невидимого щупальца; мощное огненное заклятье, которое ненадолго принесло облегчение; а потом и ослепительную вспышку. Покров мрака развеялся, куда-то исчезла Дважды нежить.

— Но если это не сон, то как... почему...

Вампирша направила взор к разрыву в облаках.

— А, ты про это, госпожа. Мальчишка наш под конец призвал-таки силы света. Да так, что чуть не испепелил нас вместе с Дважды нежитью. Заодно прорвал облачный покров. Но ничего, к счастью, скоро эта слепящая мерзость затянется.

Киния встала, и направилась к взломщикам, иногда поглядывая на небо. Уна была права — могущественные чары затмения исправно работали, старательно латая разрыв облачными нитями.

— Все здоровы? Никто не ранен? — вампирша подошла к троице. — Хорошо. Сотэр! Ты молодец, ведь...

Она осеклась, заметив перемены в юноше. Его волосы поседели до снежной белизны. Лицо местами прорезали глубокие морщины. Цвет голубых глаз поблек, а взор отягощали невыразимая тоска и усталость. Мощное заклятье света могло необратимо надорвать здоровье Сотэра — поняла Киния.

— Ты молодец, ведь не только прошёл посвящение, но и прогнал Дважды нежить. Не сумей ты сделать это, нам пришлось бы туго. Однако нельзя здесь задерживаться. Всплеск силы наверняка почувствовали многие из Высшей нежити. Они захотят узнать, что случилось, и вскоре их ищейки будут здесь. Ждите, пока я вместе с Уной приведу разбежавшихся коней.

Однако, отправившись на поиски скакунов, Киния поделилась с Уной совсем иными мыслями:

— Заклятья света было ужасающим по своей мощи.

— Это точно, — вздрогнула призрак. — Как будто мало было Дважды нежити, так ещё и этот свет... Меня от испуга чуть вторая смерть не хватила!

— Боюсь, что место отдало Сотэру слишком много магии. Куда больше, чем я рассчитывала. Хорошо, если большую часть волшебства юноша спустил на Дважды нежить. Иначе он станет гораздо сильнее. И опаснее — для нас с тобой, учитывая его непокорный нрав. Вот что, Уна... отныне необходимо следить за мальчишкой вдвое пристальнее, чем

раньше. Попробуем осторожно оценить пределы его новых сил. Хотя, признаться, теперь беспокоит меня не только он...

Пока вампирша и призрак блуждали на почтительном расстоянии от взломщиков, среди них тоже прозвучали откровенные слова.

— Сотэр, бедняжка, что же с тобой случилось.

Вистра опустила на колени рядом с юношей, и положила руки ему на плечи. Когда он поднял взор на эльфийку, то в его глазах блеснули слёзы.

— Вистра. Атти, — голос Сотэра дрожал. — Нас... нас обманули.

— Чего? — не понял Атти. — Что ты такое говоришь?

— Киния... Я...

Вистра прижала юношу к себе, не дав ему договорить. Он больше не мог сдерживать рыдания, и слёзы скользнули по щекам.

Тень пала на троицу живых — разрыв в облаках окончательно затянулся.

Запасы крови и душ истощились, так что стало невозможным поддерживать костяных коней. Скакуны обратились в бесполезную кучу костей, и группе пришлось топтать пешком. Тем не менее они добрались до южной границы Вольных княжеств, и ступили на землю Та-Мерита. Серая земля сменялась песком, а вместо стволов мёртвых деревьев попадались тернистые кустарники и другие растения пустыни.

Как ни странно, этот край, считавшийся бесплодным в Эпоху света, ныне являл куда больше жизни, чем любые другие земли. Оно и понятно, ведь здешние обитатели изначально приспособлены существовать в суровых условиях. Что им до какого-то там конца света? Если для чувствительных существ зеленеющих стран Эпоха тьмы стала приговором, то для пустынной живности она оказалась всего лишь ещё одним посильным испытанием. А кому-то даже в радость и облегчение, что солнце больше не печёт так беспощадно, как раньше.

Владыки нежити из Вольных княжеств заметили, что из года в год пустыня медленно распространяется на север. И, быть может, не только потому, что исчезли естественные препятствия вроде лесов. Северяне подозревали, что Высшая нежить Та-Мерита творит песчаные бури, и гонит их на чужие владения, чтобы ускорить расширение пустыни. Хотя в Вольных княжествах доказать это никак не могли. А даже если бы удалось раскрыть причастность фараонов к вызову песчаных бурь, князьки всё равно едва ли смогли что-то поделать с этим. Та-Мерит уж слишком могущественное царство, чтобы идти на него открытой войной. Да и минуют ещё века, прежде чем пески подступят к пограничным замкам Вольных княжеств, так что пока можно не воспринимать медленные перемены в ландшафте как угрозу...

Путешествие по пустыне пешком имело свои трудности, прежде всего — с водой. Но тут выручал Атти, способный чувствовать как удалённые оазисы, так и подземные воды. Если же поблизости долго не оказывалось источников, то друид волшебством собирал крохи влаги, рассеянные в воздухе и на песке после ночи — жажду этим не утолить, но можно восстановить силы хоть для одного короткого перехода.

Однако при всех своих способностях Атти никак не мог решить вопрос с недостатком хвороста. Живые не всегда получали возможность поджарить пищу или же согреться у костра, когда с приближением темноты резко холодало. Последнее из-за нехватки тёплых

вещей переносилось непросто. В особо холодные ночи Вистра тратила силы на сотворение магического тепла, чтобы сберечь парней от переохлаждения.

Пока группа путешествовала верхом, одежда слабо изнашивалась. Но теперь у всех она испачкалась и обветшала. От платья Кинии осталось только рваньё, кусками торчавшее из-под кольчуги; подол лоскутами свисал вдоль бледных ног. В конце концов, видя, как живые страдают от холода, вампирша сняла своё тряпье, оставшись только в короткой нательной рубашке, и передала его Вистре. Не располагали к дальним странствиям и туфли эльфийки. В первом же переходе по пустыне они наполнились песком, который больно натирал мозоли, так что к утру Вистра с трудом могла сделать хоть несколько шагов. Тогда-то Кинии впервые пришлось делиться — отдать сапоги. А из платья нарывать всем ткань для портянок.

— Как жаль, что я не могу тоже поделиться своим призрачным платьем, — Уна с отстранённым любопытством наблюдала за мучениями живых. — Оно у меня, конечно, неказистое, там и сям заплаты, но сейчас и такому были бы рады.

Призрак с улыбкой окинула взором госпожу, в которой уже больше ничто не напоминало о благородном происхождении. Кольчуга натянута на полуголое тело, отчего Киния напоминала дикую воительницу из северных варваров, как их в Эпоху света изображали монахи на страницах манускриптов.

— Хотя может оно и к лучшему, что платью всегда при мне, — передумала Уна. — Неча почтённой матроне расхаживать нагишом.

Нередко Киния тащила на спине обессиленную Вистру. Несколько раз приходилось нести как Сотэра, так и Атти, если они не могли идти из-за мозолей или иных болезней.

Но и у Высшей нежити есть свои пределы.

— Больше не могу так, — в сердцах сказала Киния во время привала. — Хорошая кровь закончилась, а на крови диких животных далеко не уйдёшь.

— Согласна, госпожа. Меня тоже скоро стошнит от зверья, — согласилась Уна. — До чего же противно на вкус!

— Дело не во вкусе, дура. А в том, что хорошая кровь и души разумных существ дают нам магические силы. Долго ещё сможешь поддерживать заклятье отвода глаз?

— Уже почти не могу, — взгрустнула призрак. — То, что ещё поддерживаю, укрывает только от Низшей нежити.

— То-то же. А если нам драться предстоит? Да ещё с кем-нибудь из Высших. Без магии мы пропадём.

Киния покосилась на взломщиков. Молодая кровь одарённых волшебников надолго бы придала сил. Причём не надо полностью осушать кого-то, достаточно просто испить немного от каждого ученика. Вампирша не сомневалась, что по её требованию живые протянут свои запястья. Но Киния быстро отказалась от этого варианта. Во-первых, взломщики сами ослаблены походом. Даже небольшая потеря крови может сказаться как на их собственной способности колдовать, так и на выживаемости в целом. А во-вторых, даже если бы взломщики поделились кровью без последствий для себя, похожим образом никак не утолить голод Уны. Души не поглощаются частично, только целиком — подобно тому, как змея зараз проглатывает всю жертву.

Значит, остаётся только один унизительный вариант, который уже неоднократно приходил в голову Кинии, но всякий раз был отвергнут.

«До чего я дошла, — вампирша схватилась за голову, и опустила её. — Знала бы заранее, что так опозорюсь — не затевала бы дурацкую авантюру! Красться в чужой загон

подобно Бесхозной нежити, чтобы стащить скот... Стыд! Узнай об этом кто-то из других владык — всю вечность будут высмеивать в глаза или за спиной. Никто не должен проведать, что я так опустилась. Если экспедиция увенчается успехом, придётся-таки пришибить всех, — и живых, и Уну — чтоб никому не рассказали».

От последней мысли про убийство группы Киния вяло улыбнулась: «раз могу шутить и надеяться на победу в конце пути, то, быть может, всё пока не так уж и плохо».

Вампирша провела пальцами по щеке — гладкой и нежной. Она полностью зажила, не осталось даже шрама, что напоминал бы о страшной ране, нанесённой Вейлином.

— Слушайте все, — Киния решила, — я на время покину лагерь. Надо раздобыть пропитание. Уна, как обычно, неси дозор вокруг.

— Начинаю облёт прямо сейчас! — отозвалась призрак.

Взломщики не увидели в отлучке чего-то особенного: госпожа частенько уходила со стоянки для охоты на дичь для живых.

Пока вампирша и призрак отсутствовали, Сотэр обнажил меч, доставшийся от рыцаря смерти. Положив перед собой клинок из чёрной стали, юноша начал проделывать над ним медленные пассы.

— Чем занимаешься? — спросил Атти хриплым от жажды голосом. — Уже который раз колдуешь над мечом.

Будучи сосредоточенным на клинке, Сотэр заговорил не сразу.

— Накладываю на него магию света, — услышал эльф, уже не ожидавший ответа.

— Но ведь меч зачарован магией тьмы, — возразил Атти.

— Старые заклятья я почти развеял.

— Вот как? Сложное волшебство.

— Тебе бы отдохнуть, но ты тратишь на это остатки сил, — сказала Вистра.

— Время поджимает. А грядут трудные бои. Я должен быть готов к ним. Потому что если будет тяжело, в ответ на мою мольбу больше никто не придёт на помощь, как это было в Проклятом Проклятыми.

— Где было? — уточнил Атти.

Вистра села рядом с паладином.

— Прости, что отвлекаем, — мягко сказала она, — просто мне кажется, что посвящение изменило тебя не только внешне. Сотэр, ты замкнулся в себе. Говоришь редко. Будто ничем не интересуешься. Всегда угрюм. Мне... беспокойно.

— Признаться, мне тоже, — согласился Атти. — Как-никак, нам тоже проходить посвящение. Хочется знать, как это отразится на нас. Также посеем и будем ходить с кислыми лицами? Мог бы и рассказать, что испытал. Вдруг нам пригодится — подготовимся.

Вздыхнув, Сотэр, наконец, отвёл взгляд от меча. С минуту паладин будто бы к чему-то внимательно прислушивался. Затем просто отложил меч, но не спешил вкладывать его в ножны.

— Ничего особенного, — произнёс Сотэр. — Просто я устал.

— Ну как скажешь, — разочарованно протянул Атти.

Сотэр взял пустые ножны, и начал водить ими по песку.

«Не говорите вслух» — прочитала Вистра начерченное Сотэром.

Он ткнул ножнами Атти.

— Чего тебе? — проворчал эльф. — Что?.. Что там ещё нарисовал?..

Атти находился напротив Сотэра, видел буквы перевёрнутыми, а потому не мог сразу разобрать написанное. Только когда Вистра прижала указательный палец к своим сухим потрескавшимся губам, и скорчила выразительную гримасу, эльф смолк.

«Почему?» — написала Вистра на песке, когда Атти сел рядом с парой. Паладин стёр все надписи ногой чтобы сделать новые:

«Уна услышит. Она не должна знать. Только между нами. Говорим так».

Прочитав это, соратники недоумённо уставились на Сотэра.

«Киния тоже не должна знать. При посвящении у меня было видение».

Эльфы кивнули, давая знак продолжить.

«Киния обманывает. Она убьёт нас в конце пути. Её нужно остановить».

Видя растерянные лица соратников, Сотэр пожалел, что нельзя всё разом объяснить без утайки и опасений, что их могут услышать. Он понял, что писать придётся много и при любом удобном случае. Иначе поддержкой не заручиться.

Переписка закончилась незадолго до того, как нежить вернулась. Вампирша и призрак объявились не с пустыми руками. Киния тащила за собой смуглого мужчину в набедренной повязке. Судя по равнодушному выражению лица и мутному взгляду, человек был одурманен гипнотическими чарами.

— Возьмите, — Киния бросила взломщикам мешок. — Там плащи, платки для головы и башмаки. Распределите между собой по размеру ног. Ещё есть вода и пища.

Глаза Кинии сияли, а на бледном подбородке розовели пятна засохшей крови. Вампирша напилась вдоволь во время вылазки. Чего не скажешь про Уну.

Киния толкнула пленника. Он упал на спину в тени скалы.

— Заклятье спадает, — отметила Уна, когда пленник заморгал.

— Прекрасно, — Киния достала несколько кусков ткани.

Поначалу Вистра и Атти с любопытством наблюдали, как госпожа засовывает тряпичный кляп в рот пленника, как тщательно связывает руки и ноги, но быстро растеряли интерес и взялись ворошить сумку с вещами. Только Сотэр неотрывно смотрел за действиями вампирши.

— Готово, — Киния затянула последний узел.

Пленник окончательно пришёл в себя. Его глаза расширились от ужаса, человек мычал, дрыгал руками и ногами, но Киния села ему на живот, не позволяя отползти.

— Ну что ж, с чего начнём? — вампирша достала кинжал.

При виде лезвия пленник сдавленно захрипел, к его глазам подступили слёзы.

— Наконец-то! — Уна облизнулась. — Уж в этом я разбираюсь куда лучше, чем в разделке туш для живых. Значит так, госпожа...

— Помни, у нас всего лишь полчаса.

— Да-да, за это время доставим ему много страданий. Первые надрезы лучше сделать у ключиц — дугой. Тогда можно будет сдирать кожу. Потом по кистям. Глаза стоит сохранить напоследок — так ужаснётся ещё больше. После кистей...

— Я не могу допустить этого, — прозвучало позади вампирши и призрака.

Уна смолкла.

— Ну вот, опять, — прошептала Киния, сразу поняв, что к чему. Она выпрямила спину и

спросила, не оборачиваясь: — Тебя что-то не устраивает, Сотэр?.. Поторопись объяснить.

— Вы ведь хотите умертвить его пытками? — Сотэр говорил спокойно, хотя в голосе слышалась тяжесть. — Я не могу видеть, как вы мучаете несчастного.

— Не можешь видеть — отойди подальше! — зашипела Уна. — Я не мешаю тебе резать туши зверей и хлебать воду. Многое из этого добывали для тебя мы с госпожой, если запомнил. Вот и ты не мешай мне как следует напиться. Я голодна!

Киния поднялась, и повернулась к Сотэру. А чтобы пленник не рыпался, наступила ему на грудь.

— Разве мы сейчас в чём-то нарушаем кодекс, Сотэр? — спросила вампирша. — В чём именно?

— Он не сделал ничего такого, чтобы заслужить подобную смерть, — ответил Сотэр чуть поколебавшись.

— И что ты предлагаешь? — Киния жестом велела Уне, приготовившейся выпалить нечто гневное, молчать. — Отпустить его?

Как и призрак, паладин сперва тоже порывался что-то сказать, но замялся.

— Если его отпустить, то он умрёт в пустыне, — продолжила Киния. — Умрёт не менее мучительно, чем от пыток. А может и ещё тяжелее, если попадётся Бесхозной нежити. Или, быть может, ты посоветуешь мне вернуть его обратно? И подвергнуться риску быть обнаруженной...

Сотэр с самого начала прекрасно понимал всё это. И пытался измыслить убедительные доводы, которые уравновесят необходимость — убийство ради выживания — и принципы паладина-защитника. К тому же возражать требовалось обдуманно, чтобы в споре неосторожным словом не вызвать подозрений, иначе можно невзначай раскрыть свою тайную осведомлённость, что пришла с посвящением. Если Киния услышит что-то такое, чему не учила паладина...

— Сотэр, одни в этом мире вы не выживите, — говорила Киния. — А то, что мы сейчас сделаем, необходимо, чтобы благополучно пересечь пустыню. Если Уна не получит пищу и ослабнет, то врагам будет проще обнаружить нас; будет сложнее добывать еду для вас, и сложнее защищаться в случае нападения.

Паладин молча смотрел на плачущего пленника. Он не знал языка похитителей из другой страны, и не догадывался, что сейчас решается его судьба.

— Глупый сорванец!

Терпение Уны лопнуло. Впервые взломщики увидели её озлобленной.

— Высшая нежить настолько же выше скота, насколько человек выше какой-нибудь курицы! Мы бессмертны, мы сильнее, мы пронизательнее! Как человек разводит кур, чтобы насытиться, так и мы делаем со скотом. Ты, мальчишка, уплетал курей за обе щеки, пока жил в замке, ничуть не заботясь о судьбе этих птиц. Так не строй из себя святошу!

Уна осуждающе показала пальцем на Сотэра.

— И такое бывало в путешествии. Вспомни, как бросал в костёр раков, чтобы заживо поджарить их. Что же ты тогда не переживал о страданиях живого существа? А ведь Атти это не нравилось! Ты ему чуть морду не расквасил, когда он пытался спасти животных. Клянусь второй смертью, если будешь выхватывать еду у меня из-под носа — я сама тебе шею намылю!

— Так ты в тот момент была рядом и всё видела, — паладин сощурился.

— Видела!

— Но... я пошёл навстречу Атти. Я сразу убил того рака, и впредь никого не мучил. Госпожа. Если уж решили покончить с бедолагой, то прошу: сделайте это быстро и безболезненно.

— То, что мы собираемся сделать — необходимость, — сдержанно повторила Киния. — Уне требуется восполнить магическую силу. Это не мучение ради него самого. Боль и сильные чувства высвобождают магию. Потому я говорю тебе — нет. Придётся смириться, Сотэр, если хочешь выжить сам, и чтобы выжили Атти и Вистра. Если же мы отпустим пленника или убьём его быстро, то общие шансы на выживание упадут. Какой же ты защитник после этого, Сотэр, если подвергнешь большей опасности своих?

Он топтался на месте уже не надеясь переубедить госпожу. «Как же не хватает мудрого наставника, который подсказал бы, что делать сейчас, — сожалел Сотэр, вспомнив про того призрачного паладина, который явился в Проклятом Проклятыми».

Киния сочла, что спор окончен; отвернулась, и села на пленника. Сотэр сдался. Не желая видеть пытку, он побрёл прочь.

— Далеко не уходи, — бросила Киния вслед, — я хорошо слышу даже отдалённые шаги, и узнаю, если нарушишь мой указ.

А Сотэр слышал протяжное мычание несчастного, смешанное с рыданиями, даже отойдя на сотню шагов. «Я отомщу. Отомщу. Обязательно отомщу. И за орка, и за этого пленника. И за всех принесённых в жертву, — обещал себе Сотэр».

Его нагнали Вистра и Атти. Эльфы тоже не вынесли близости пыток. Поглядев на соратников, паладин снял ножны с пояса, и ткнул их в песок. Пока вампирша и призрак увлечены истязаниями, лучше не тратить на бесплодные душевные терзания, а использовать время с пользой. Предстоит ещё многое объяснить соратникам через письмо.

Грядут трудные бои. Нужно быть готовым к ним.

Глава 16 — Нежить Та-Мерита

Простое везение или же исправно работало заклятье скрытности Уны, а может, сочетание и того и другого, но группа беспрепятственно добралась до южных областей Та-Мерита. Вампирша и призрак ещё не раз пробирались в чужие загоны, чтобы украсть скот. Тамошняя охрана приспособлена ловить воров из Низшей или Бесхозной нежити, но ничего не могла противопоставить силе и хитрости вампирши. Кому вообще придёт в голову, что Высшая нежить будет шастать по окраинным деревням скота как вороватый шакал? Так что небольшой дозор не доставлял Уне и Кинии особых хлопот.

Однако вампирша больше не тащила скот прямиком на стоянку со взломщиками. Киния умертвляла пленников где-нибудь в ближайших укрытиях от лагеря, чтобы лишний раз не бередить душу Сотэра.

— Ладно бы он просто задерживал нас проповедями, — жаловалась Киния призраку. — Так ведь и за меч схватиться может. Мы, конечно, управимся с ним... Но зачем тратить силы на внутренние дразги? Нам оно ни к чему.

Само собой, путь пролегал через Та-Мерит не по прямой. Нередко делали крюк по пустыне, чтобы на почтительном расстоянии обойти крепости местных владык. Иногда взломщикам доводилось издалека увидеть исполинские строения Та-мерита. Сотни зомби день и ночь тянули по подмосткам гигантские блоки, сооружая пирамиды. Те, что были уже отстроены, достигали такой величины, что, казалось, спорили с горами. Глядя на величественные пирамиды, было легко поверить, что этому царству благоволят мёртвые боги, а фараон — их истинный избранник.

— Зачем они строят это? — дивился Атти.

— Никто до сих пор не знает, — вдруг ответила Киния, обычно не словоохотливая на лишнюю болтовню с живыми. — Есть только догадки. Одни говорят, что в Та-Мерите возводят пирамиды для какого-то сверхзаклятья. Они исполняют роль гигантских жертвенных алтарей. Другие насмеются над этим предположением, и утверждают, будто фараоны водимы банальным высокомерием — хотят так показать своё величие. Иногда и первые и вторые согласны в том, что Та-Мерит тратит колоссальные усилия на пустое дело. На постройку некоторых комплексов уйдут века.

— И всё же что-то в этом есть, — промолвила Вистра. — Что-то бессмертное, вечное. Завораживает что ли... А ты как думаешь, госпожа? Зачем нужны пирамиды?

— Не думаю над этим. Сейчас меня мало заботит подобное. Вместо того, чтобы глазеть на них, лучше будьте начеку.

Помимо пирамид попадались другие внушительные сооружения: монолитные обелиски словно грозили облакам своими остроконечными вершинами; несли молчаливый дозор огромные каменные сфинксы с обнажёнными черепами; в скалах высечены арки, колонны и высоченные статуи будто бы людей, восседающих в строгих прямых позах.

Остановились на привал в руинах, почти полностью скрытых под песками. Только невысокие обломки стен и колон торчали над барханами. В землях империи Онгхуса Сотэр любил лазить по развалинам, но сейчас потерял всякий интерес к изучению руин. Чего не скажешь про эльфов, которые при любом удобном случае разглядывали вырезанные на камнях иероглифы.

— Госпожа! — прилетела Уна. — Беда! Я заметила несколько отрядов нежити. Идут

сюда с разных сторон. Если будут двигаться тем же ходом, то окажутся вблизи примерно через полчаса.

— Нехорошо! — Киния вскочила. — Если рыщут в поисках нас, то наверняка заглянут в руины. Других приметных мест здесь нет. И всё же... Уна, усилиь заклятье скрытности насколько сможешь. Атти, старательно засыпь песком костёр. Сотэр, одевай броню и достань меч. Вистра, оттащи наши вещи вон туда, а потом готовься колдовать. Если повезёт, то нас не обнаружат. Но, скорее всего, придётся принять бой, и прорываться. Не атакуйте первыми. Только по моей команде.

На стоянке закипела суета. Киния бранью понукала живых и понемногу помогала каждому.

— Я слышу их шаги, — прошептала вампирша, когда группа спрятала все следы лагеря, — Окружили руины и равномерно наступают. Значит, мы обнаружены. Их относительно немного, но хватит, чтобы создать нам большие трудности.

— Госпожа, стычка точно неизбежна? — испугалась Вистра.

Забывшись, эльфийка вцепилась в локоть вампирши и прижалась к ней, не чувствуя холод мёртвого тела.

— Точно, Цветочек. Бейтесь насмерть. Но делайте это слаженно. Вот и наступает момент, когда будет польза от совместных тренировок в замке. Не пугайтесь, доверяйте мне и делайте всё, что скажу.

Однако первым показалась не боевая нежить. Прямо к укрытию группы подлетела крылатая костяная змея. Уна хотела сбить её заклятьем, но была остановлена госпожой.

— Киния Ковентина, — прошипела змея. — Мы знаем, что ты здесь с призраком и своими учениками. Мы не хотим драться. Хотим поговорить. Выйди нам навстречу.

Не дожидаясь ответа, змея взлетела, чтобы наблюдать за руинами с недостижимой для боевых заклятий высоты.

Киния не спешила выходить на открытое пространство. Она не случайно выбрала это место для укрытия: остовы зданий и другие обломки создавали узкое пространство, которое почти сводило на нет численное преимущество возможного врага. С другой стороны, вампирша понимала, что если начнётся бой, то одной только обороной его не выиграть. Их возьмут в осаду, ожидая подкреплений...

На стену, что высилась напротив группы, взобралось существо, какое никто из взломщиков ранее не видел. Это была нежить с поджарым человеческим телом, но на месте головы — череп собаки. Его закрывал капюшон с жёлтыми и голубыми горизонтальными полосами. Тварь держала меч с серповидным клинком — хопеш. Сотэр озадаченно глядел на него: Киния учила паладина драться с противниками, использующими самые разные типы режущего, колющего и дробящего оружия. Но хопеша среди них не значилось. Каких приёмов ожидать от нежити, вооружённой этим? Можно ли им только рубить как топором или тварь ещё будет колоть вскользь? Цеплять острием при возвратном движении после удара?..

— Вот это чудище, — произнёс Атти.

— Анубит, — пояснила Киния. — Низшая нежить. В Та-Мерите это что-то вроде наших вурдалаков.

За первым анубитом появился второй, а затем и третий. Через минуту уже две дюжины этих тварей окружали группу. Однако они не приближались, находясь не ближе сотни шагов.

— Мы останемся на месте, — крикнула Киния. — Кто из вас хотел поговорить?

Безмолвие затянулось.

— Не позволяйте ожиданию ослабить вашу бдительность, — предупредила Киния взломщиков, ничуть не сомневаясь, что её услышит главарь здешней нежити.

Послышался звук копыт, ступающих по песку. Подъехало несколько колесниц, запряжённых парами костяных лошадей. В каждой колеснице стоял анубит-возничий, а ещё лич. Среди Высшей нежити Та-Мерита вампиры были редкостью.

— Приветствую, леди Киния Ковентина!

Слова, сказанные на языке Та-Мерита, прозвучали от одного из личей. Однако он состоял не из голых костей, но имел лишь частично разложившееся тело, полностью и плотно обмотанное льняными бинтами. Судя по чуть выступающей груди лич была женщиной. Во всяком случае, до обращения, ибо после, когда плоть гниёт и отпадает, а сознание претерпевает сильные изменения, большинство личей не относит себя к мужскому или женскому полу. «Хорошо, пускай будет она, — определилась Киния». На плечах нежити красовалась пелерина с драгоценными камнями, а на груди ожерелье усех со светло-зелёным прозрачным скарабеем. Руки по всей длине обвивали браслеты, на которых держались длинные голубые и жёлтые перья, — в Та-Мерите страсть как любят сочетание этих цветов — так что могло показаться, будто у лича настоящие крылья. Лицо закрывала искусно сделанная золотая маска. В прорезях для глаз сияли магические огоньки.

«Леди, говорит, — усмехнулась про себя Киния. — А то ты не знаешь, что я лишена титула. Какая леди будет ходить в столь неприглядном виде и без должного сопровождения? Издевается, тварь».

— С кем имею честь говорить? — спросила Киния на та-меритском.

Благо долгая жизнь и хорошая память бессмертного позволяли выучить многие языки.

— Моё имя Меритра, — голос звучал бесстрастным эхом, как будто некто говорил через длинную трубу. — Фараон, да будет он править в тысячелетиях, поставил меня номархом над этой землёй.

— Что ж... моё имя тебе известно, — сказала Киния.

— Жаль, что такой уважаемый гость, как ты, не предупредила о своём появлении. Мы бы встретили тебя со всеми почестями — сообразно твоему титулу.

— Непременно так и сделаю в другой раз, — заверила Киния. — Просто сейчас я спешу и не могу позволить себе задерживаться ради высоких приёмов.

— Могу я узнать, куда именно спешишь?

— Не сочти за невежливость, но нет. Это касается только меня.

— Хорошо. Оставим это пока. Не буду спрашивать, почему ты спешишь. Об этом мне уже известно. Мне известно, что ты вызвала гнев императора Онгхуса, и бежишь от него.

— Это он разослал весть о моём положении?

— Нет. В империи у меня есть осведомители. Ты далеко ушла от родных земель. Император Онгхус силён, но здесь власти не имеет. Нет смысла бежать дальше. Погости у меня.

— Не сомневаюсь в твоих благородных манерах, почтенная Меритра. Но мы обе понимаем, что это имеет свою цену. Я хочу знать её прямо сейчас, пока ещё могу относительно свободно делать выбор. Назови цену.

— Хочется прежде предоставить тебе кров и пищу, а потом уже говорить о деле... Но вижу, что ты тверда в своём решении. Пускай так, — Меритра показала пальцем на взломщиков, что толпились за спиной вампирши. — Отдай их мне. Своих учеников. И я

обещаю тебе бессрочную защиту. Покуда ты на землях моего нома, ты не будешь знать нужду в чём-либо.

— Разве мало одарённых учеников в прославленных краях Та-Мерита? — спросила Киния, ожидавшая чего-то подобного. — Какой у тебя интерес к моим ребяткам?

— Слышала, ты воспитала их, скажем так, необычным образом. Хочу поближе познакомиться с ними.

Киния затаила с ответом. Она держала обнажённый меч, хоть и не в боевой стойке.

— Мне не хотелось говорить про очевидные для нас вещи, — вкрадчиво продолжила Меритра. — Для тебя уже нет проку в учениках. Ты лишена земель и связей. Из верных с тобой остался только призрак. Ты в чужой стране, где у тебя нет друзей. Бежишь как можно дальше от карающей длани Онгхуса. Ученики — не такая уж и высокая цена за моё покровительство. Надеюсь на твоё благоразумие, леди Киния Ковентина. Иначе ты останешься совсем одна... во враждебном мире.

«Намёк понятен, — кивнула вампирша».

Она медленно скользнула взором по собравшимся анубитам. Ещё раз посмотрела в магические ничего не выражающие глаза Меритры. Киния покосилась на нетерпеливо переминающихся взломщиков. Потупилась, обдумывая предложение.

— Согласна, — решила Киния. — Твоё предложение щедрое.

— Рада слышать, — Меритра подалась чуть вперёд. — Согласиться в этой ситуации — мудро. Я привезу вас на колесницах в свой дворец. Только придётся сдать оружие. Ненадолго.

Один из анубитов пошёл навстречу Кинии.

— Это запросто, — Киния вложила меч в ножны.

— Госпожа! — вырвалось у Вистры. — Как ты можешь нас бросить?!

Она схватилась за руку вампирши, и чуть ли не повисла на ней. Вистра говорила на родном языке, однако Киния встрепенулась: «Какого?! Она знает та-меритский?..»

Вампирша пробовала снять ножны с пояса, но Вистра мешала. Казалось, она вот-вот впадёт в истерику.

— Как трогательно, — сказала Меритра. — Знает язык и такая чувственная. Мне эльфийка нравится. С ней особо поработаю.

Сотэр и Атти растерянно переглядывались.

— Успокойся!

Киния оттолкнула Вистру, и протянула меч анубиту.

Когда костлявые пальцы коснулись ножен, Киния рванула вперёд, отбросив анубита далеко в сторону. Никто и глазом моргнуть не успел, как вампирша с обнажённым мечом появилась рядом с колесницей Меритры. Киния рубанула, метя в грудь номарха. Клинок отсёк голову анубиту-колесничему, но врезался в блок. Меритра отразила удар — перья на крыльях оказались из зачарованной стали. Номарх контратаковала ударной магической волной, откинув вампиршу обратно к взломщикам. И ещё раз, со второй попытки стремясь сбить Кинию с ног. Атаку отвела Уна, создав барьер.

— Деритесь! — крикнула вампирша взломщикам.

Анубиты побежали к группе, размахивая хопешами.

— Сотэр, защищай меня! — приказала Вистра.

Ещё несколько мгновений назад она выглядела так, будто вот-вот разрыдается и потеряет всякое самообладание. Однако за один миг эльфийка преобразилась, став

собранной и решительной. Она творила боевое заклятье.

Рычащая вампирша вновь постаралась дорваться до Меритры, видя в ней главного противника. Встречных анубитов Киния рассекала, не замедляя хода. Меритра выбросила руку вперёд, и несколько стальных перьев полетело в Кинию подобно метательным кинжалам. Часть из них вампирша отразила взмахом меча, другая часть увязла в кольчуге, но пара-тройка перьев воткнулась в кожу. Киния не обратила на это внимания, понадеявшись только, что перья не обмазаны какой-нибудь колдовской отравой. Когда до Меритры оставался один прыжок, вампиршу опять отбросило магическим тараном, в который вложилась не только номарх, но и другие личи. Не выставив бдительная Уна волшебный щит, Киния получила бы тяжёлое ранение.

Сотэр отразил освящённым мечом первый удар анубита. Поначалу паладин осторожничал, не зная, чего ожидать от этих тварей. Но анубиты наседали с разных сторон, грозя дорваться до Вистры и Атти, так что пришлось сменить глухую оборону на рискованные встречные атаки, чтобы отбрасывать врага. Это оказалось сложнее, чем в бою с парой вурдалаков, ведь тогда Сотэр хотя бы мог более-менее свободно перемещаться. Однако сейчас он скован защитой соратников: нежелательно быть слишком близко к ним, и нельзя рваться вперёд, увлечьшись атакой. Так сбив одного анубита с ног, Сотэр не решился воспользоваться удобным моментом и дорезать его — пришлось бы отойти от Вистры на десяток шагов, оставив её без защиты.

Атти лихорадочно соображал, как помочь соратникам. Не придумав ничего лучше, эльф начал метать камни в личей. Они были далеко, так что лучшее, чего добился друид — попадание в лоб лошади. Атти надеялся, что таким незатейливым способом отвлечёт кого-то из личей от сотворения заклятий, и тогда госпоже будет проще добраться до номарха.

Судя по тому, что Кинию прижало к песку невидимой тяжестью, план друида не сработал. Как бы яростно Киния не дёргалась, как бы Уна не старалась перерезать вражеские чары, сбросить сковывающее заклятье не получалось. Вампиршу обезвредили — единственного опасного врага, как считали личи.

И ошибочно. Когда Сотэр убил освящённым мечом пару анубитов, Вистра завершила заклинание. Огненные снаряды подобно горящим птицам, широко расправившим крылья, устремились к личам. Они никак не ожидали от смертной такой мощной магии. И, будучи поглощёнными борьбой с Кинией, не все из них успели сотворить достаточно крепкие барьеры.

Одного лича пламя охватило целиком; он выпал из колесницы, и корчился на песке. Второй лич погасил огненный шар волшебным щитом, но искры всё же попали на бинты, пропитанные смолой. Получив новую пищу, огонь быстро разгорался на мумифицированной нежити. Он спрыгнул на землю, и сбивал пламя песком. Третий лич перенаправил снаряд вниз, но тем самым поджёг костяных коней. Ощувив боль от волшебного пламени, они стремглав бросились в сторону. Колесница перевернулась, сброшенные лич и анубит покатались по камням, ломая кости. На четвёртой колеснице огненный шар словил возничий. Горящая тварь заметалась, сея панику среди тех, что успешно отразили магический атаку.

Обездвиживающее заклятье спало с Кинии.

— На прорыв! — крикнула вампирша ученикам.

Анубиты опешили от яркой вспышки огненных чар и вида горящих хозяев, так что Сотэр без особого труда прорубался следом за госпожой. На сей раз Киния дорвалась до своей

цели. Сперва вампирша одним ударом перерубила шеи костяных лошадей, что были запряжены в колесницу Меритры. Номарх метнула в Кинию ещё с десятков перьев.

— Ну только недавно зажила! — досадливо рявкнула Киния, когда перо посекло щёку.

Подобные мелочи не задержали яростную вампиршу. Мощным пинком она опрокинула колесницу. Меритра успела спрыгнуть, и сцепилась с Кинией врукопашную. Номарх билась мастерски, как хорошо блокируя или уворачиваясь, так и опасно разя стальными крыльями.

Соперницы вели бой на равных, и неизвестно, кто бы победил в честном поединке, не вмешайся Сотэр. Подобравшись сзади, он набросился на Меритру. Она отпрянула, но не успела избежать удара — освящённый клинок отсек руку. Не позволяя номарху опомниться, Киния перерубила вторую руку. Ещё удар по лицу сбил Меритру с ног. Её маска треснула и упала на песок. Взору Кинии открылось полуразложившееся лицо номарха.

— Не сметь!

Киния остановила Сотэра, уже занёсшего меч для добивающего удара. Хоть Меритра сейчас и выступала противницей, она всё же ближайшая сподвижница фараона. Её убийство наверняка повлечёт месть от владыки Та-Мерита. Беглой вампирше и так хватало преследования со стороны императора Онгхуса, чтобы добавлять к этому ещё и гнев правителя другой сильной страны.

Оставив Меритру, Киния повелела взломщикам запрыгивать на свободную колесницу.

— Уна, надеюсь, ты запомнила, как они управлялись с этими корытами? — осведомилась Киния, быстро распрягая лошадь с другой колесницы.

— Не беспокойся, справлюсь, госпожа, — заверила призрак. — Эй, ребятки, слышали? Я поведу вас.

Вскоре вампирша скакала на лошади рядом с колесницей. Повозка была двухместной, так что троица взломщиков с трудом помещалась в ней. К счастью, они могли не заботиться о дороге, и только старались держаться крепче — Уна управляла запряжёнными лошадьми.

— Будем гнать до тех пор, пока лошади не исчерпают силы! — крикнула Киния.

Но враги не планировали отпускать незваных гостей. Их настигала погоня: мумифицированные гончие и анубиты верхом на скелетах верблюдов.

Киния замедлила лошадь, чтобы прикрыть колесницу с тыла. Первыми беглецов догнали зомби-гончие. Одну псину Киния сшибла магическим тараном. Другую перерубила мечом, свесившись с костяной спины, когда гончая попробовала вцепиться в заднюю ногу лошади. Но пока вампирша отбрасывала мумифицированных собак, всадники на верблюдах поравнялись с колесницей и приближались к ней с флангов.

— В одиночку госпожа нас не защитит! — понял Атти.

— Так защитите себя сами! — донеслось от Уны. — Я занята лошадьми!

Вистра готовила огненный шар. Она ещё не успела восстановиться с последнего куда как нелёгкого заклятья, к тому же колесницу немилосердно трясло, что сбивало концентрацию. Потому шар получился небольшим, да ещё пролетел мимо всадника-анубита. В ответ он занёс копьё для броска.

— Пригнитесь! — предупредил Сотэр.

Копьё пролетело над головами взломщиков, спрятавшихся за бортом колесницы. Киния направила лошадь к тому всаднику, что метнул копьё. Однако тот избежал столкновения сдав в сторону.

Пока вампирша отгоняла одного врага, с противоположного фланга приближалось ещё двое. Пришла очередь паладина творить заклятье, причём никем невиданное за всю Эпоху тьмы. Белый луч вырвался из ладони Сотэра, и врезался во всадника. Свет рассек анубита и прожог позвоночник его верблюда. Одним преследователем стало меньше.

Но другой всадник приблизился на расстояние удара. Сотэр находился в центре колесницы, и попробовал шагнуть вбок.

— Ты вытолкнешь меня! — испугался Атти.

Кое-как Сотэр пролез к боковому бортику, и едва отбил удар копьём. Нехватка места и постоянная встряска из-за большой скорости не позволяли выставить крепкий блок. Нельзя было достать всадника ответным ударом. Анубит пошёл на новое сближение — Сотэр приготовился отражать атаку. Но вместо повторного удара по взломщикам всадник метнул копьё в ступицу колеса. Попал идеально: колесо затрещало и накренилось. Колесницу заметало туда-сюда.

— Уна!.. Н-же... Скор-ст, — кричал Атти, чьё дыхание сбивалось от рывков. — Выпдем!..

Призрак замедлила лошадей, однако Вистра всё равно не удержалась, и слетела. Эльфийка вцепилась в перекладину колесницы, но при первом же скачке колеса потеряла хватку. Атти поймал Вистру за предплечье.

— Не уд-жу! — взмолился друид к Сотэру.

Паладин несмотря на тесноту сумел ухватиться за руку эльфийки. Но на бешено качающейся колеснице они даже вместе не могли подтянуть Вистру к себе. Её перебрасывало с бока на бок, кожу на ногах нещадно обдирали; поднятая колёсами песчаная пыль попадала в глаза, нос и рот, не позволяя вздохнуть. Кроме того, вперёд вырывалась гончая, грозя вцепиться зубами в ногу, а всадник метил новым копьём в беззащитных взломщиков.

Выручила подоспевшая Киния: магическим тараном выбила из седла уже прицелившегося анубита, тогда как гончую зарубила мечом. Вампирша хотела подхватить

Вистру, чтобы усадить её перед собой, но отказалась от этого. Эльфийку тащило из стороны в сторону, так что при попытке подхвата был риск затоптать.

— Плавно замедляйся!!! — заорала вампирша Уне, опасаясь, что при резкой остановке Вистра сломает руку. Если только этого уже не случилось. — Пла-а-авно-о-о!

Они притормозили у берега реки, хотя в суматохе никто сперва не заметил её, кроме призрака. Киния спрыгнула с лошади, и подбежала к Вистре. Она надрывно кашляла, сплёвывая песок. Едва ли сможет подняться в ближайшее время, — поняла вампирша — но, на первый взгляд, хоть руки не сломаны.

— Цветочек... — простонала Киния.

Она отвлеклась на топот и облако пыли, поднимающееся вдали.

— Скоро нагрянут преследователи, — сказала вампирша. — Колесница уже не годится. Уна, насколько управляемы лошади?

— Одну можно оседлать сразу, а чары на второй придётся взламывать.

— Приступай.

— Но у тебя уже есть лошадь. Разве двух нам не хватит?

— Ей копьём плечевую кость надломали — долго не протянет, — Киния взяла Вистру на руки, и перенесла её за колесницу, поближе к берегу. — Не медли!.. Атти, пока Уна возится с чарами, распрягай лошадей.

— Как? Я не умею.

— Разберёшься по ходу дела, болван!.. Сотэр, займись исцелением Вистры. А я встречу погоню.

Вампирша приняла боевую стойку чуть поодаль от колесницы. Через несколько минут прибыли враги. На сей раз их было куда больше: десятки анубитов и гончих. Зная, на что способна Киния, анубиты предпочли не бросаться в атаку очертя голову, а сперва спустили собак.

Несколько взмахов меча, и разрубленные гончие пали к ногам вампирши. Но пока она отвлекалась на собак, спешившиеся анубиты с разных сторон подходили к взломщикам. Приблизившись на расстояние броска, анубит метнул копьё в Сотэра, занятого первой магической помощью. Вампирским рывком Киния оказалась рядом и отбила копьё. Ей пришлось сразу возвращаться обратно, чтобы не допустить тварей к Уне и лошадям.

— Уна! Поторопись!

— Спешу, как могу, госпожа! — заверила призрак.

Сзади группу прикрывала река, а с других сторон — сплошь открытое пространство. Враги пользовались этим, стараясь при любом удобном моменте напасть на взломщиков. При всей своей скорости вампирша уже не успевала прикрывать колесницу, хотя зарубила с десятков гончих и несколько анубитов.

— Достаточно я бездействовал, — услышала Киния голос Атти.

Бросив короткий взгляд назад, вампирша увидела, что эльф забросил возню с упряжью, и побежал к воде.

— Ты не заманишь их в воду, глупец! — крикнула вслед Киния.

Хотела крикнуть больше, но гончие не давали передышку. Анубит кинул копьё в Атти — промахнулся всего на несколько сантиметров. Зайдя в воду по пояс, друид повернулся к берегу.

— Ненужно лезть за мной, — прорычал эльф. — Сам их достану!

Он сильно ударил ладонями по воде.

Вампирше хотелось подольше посмотреть за колдовством Атти, однако приходилось отбиваться. Она поспевала там и тут, рубя нежить Та-Мерита. И всё же врагов было слишком много. Гончая пролезла под колесницей, и разинула пасть, чтобы укусить Вистру. Выругалась Киния, понимая, что уже не успевает защитить эльфийку.

Но собаку опередили мощные продолговатые челюсти, что сомкнулись на её туловище. Массивный крокодил сломал позвоночник гончей, потрепал её, и бросил корчиться на песок.

Ещё несколько огромных рептилий показалось у колесницы. К взломщикам они не проявляли интереса. Крокодилы медленно ползли, лениво перебрасывая лапы, однако эта сонливость была обманчивой. Как только рядом оказывались гончая или анубит, крокодил приподнимался на ногах и, отталкиваясь от земли хвостом, бросался вперёд. Вцепившись мёртвой хваткой, рептилия перекатывалась, отрывая конечности и сокрушая кости.

Вода вокруг Атти бурлила, всё больше крокодилов выползало на берег. Водный друид, похоже, призвал на помощь всех ближайших хищников. Однако нежить это не напугало, и анубиты и гончие без колебаний вступали в схватку с крокодилами. Тем не менее вампирше стало проще оборонять рубеж у колесницы.

— Готово! — наконец возвестила Уна.

Сотэр тоже закончил с лечением, и сейчас распрягал вторую лошадь. Видя, что чужеземцы вот-вот сбегут, анубиты усилили натиск. Но и рептилии нападали самоотверженно, словно самка крокодила, отчаянно защищающая гнездо с яйцами.

— Атти, сюда! — позвала Киния.

Верхом расселись тем же порядком, что и в начале путешествия: паладин и друид вместе — ведомые призраком; вампирша усадила впереди второй лошади всё ещё толком не пришедшую в себя эльфийку.

— Поехали!

— Фух, хорошо-то как. Я бы не смог дольше подчинять крокодилов, — признался Атти Сотэру. — Это посложнее, чем раков к берегу привлекать. Нас бы тоже сожрали.

Они поскакали вдоль реки, иногда вступая в мелкие стычки с наездниками верблюдов. Только через пару часов бегства оторвались от преследователей.

— Дурно... госпожа, — простонала Вистра, обмякшая у груди Кинии. — Опять... тряска... Пить...

— Держись, Цветочек, — шепнула Киния. — При первой возможности отдохнём. Потерпи ещё немножко...

Терпеть пришлось долго. Только к ночи остановились на привал у пустынных терновников. В иной ситуации Киния погнала бы лошадей дальше, но понимала, что эльфийке необходим покой.

К счастью, в ночные часы группу никто не потревожил. Путь продолжили в утренних сумерках.

— Я уже и забыл, как это приятно — ехать верхом, — сказал Сотэр.

— Ну вот, а вы, помнится, ныли в первые дни нашей прогулки, — захихикала Уна. — Всё познаётся в пешем шаге!

— Тебе легко говорить, — проворчал Атти, — летаешь всё время.

Раньше живые обращались к призраку, как к Высшей нежити — со всем должным почтением. Но за время пережитых трудностей, споров и сражений взломщики сами не заметили, как постепенно сужалась та пропасть, что разделяет рождённых скотом и

обращённых в нежить. К тому же когда в бою не раз поднимаешь руку на Высшую нежить, пускай и чужую, растёт уверенность в собственных силах, тогда как авторитет личей, призраков... и вампиров — тает. Что не ускользало от внимания Кинии.

— И мне будет ещё легче говорить, потому что скоро лошади падут, — напомнила Уна. — Нет лишних душ на кормёжку.

Через день пути группа пересекла южную границу Та-Мерита. За это время им трижды приходилось вступать в схватку с небольшими охотничьими отрядами анубитов, но всё это было мелочью по сравнению с теми боями в руинах и у реки.

— Ты в очередной раз удивила меня, Цветочек, — сказала Киния, когда состояние Вистры улучшилось. — Такую истерику закатила, когда мне пришлось пускать пыль в глаза Меритре, что я аж сама поверила. Как всегда, умница. За нежными и красивыми лепестками скрывается то ещё коварство.

Вистра вяло улыбнулась.

— И ты молодчина, Атти. Не знаю, чем бы всё кончилось, не призови ты ящериц.

Друид потупился и покраснел. Из всей троицы похвалу от госпожи он получал реже всего.

— Но ты был лучше всех, Сотэр. Как ловко справился с пёсеголовыми. Как здорово помог с Меритрой. Оказал помощь Вистре, в конце концов, — проворчал паладин, так и не дождавшись доброго слова от Кинии.

Когда на горизонте появился горный хребет, пала первая лошадь. Дальше топали быстрым шагом: Киния спешила, а верхом попеременно сажала то Сотэра, то Атти, когда кто-то из них выдыхался. Только раненая Вистра всегда была на лошади.

Дюны сменились скалистыми холмами, которые становились выше по мере приближения гор. Вместо песка под ногами хрустела россыпь из острых камней. Иногда попадались мёртвые сосновые рощи.

— Последний край, который нужно пересечь, чтобы достичь Угрюмого хребта, — сказала Киния, вороша ногой кости только что павшей лошади. — здесь несколько небольших королевств. Мы пойдём через владения Динксианга.

— Кто он? — поинтересовался Атти. — Вампир? Лич?

— Лич, — ответила Уна. — Правда, не совсем такой, каких вам приходилось видеть. Впрочем, не забивай этим голову дитя. Большая часть дороги позади. До Источника осталось недолго.

Оранжевые огоньки, подобно рою светлячков, полетели через некогда изящные арки — ныне потрескавшиеся и разваленные; полетели мимо резных колонн, чьи узоры местами осыпались; полетели мимо обломков стен с настолько выцветшей мозаикой, что уже и не разобрать контуров изображений. Со всех концов руин огоньки слетались к женщине, что медитировала на круглой каменной площадке — всё, что осталось от когда-то обширного колдовского зала.

— Как красиво, — восхитился Сотэр.

Группа со стороны наблюдала за тем, как звёздочки сперва кружат вокруг Вистры, а потом оседают на её плечах и волосах словно снежинки. Опасаясь всплесков магической силы, Киния приказала Уне держать защитный барьер.

Но обошлось без разброса огненных шаров, вспышек пламени и других возгораний. Только глаза Вистры ненадолго полыхнули алым, после чего все волшебные огоньки потухли.

— И... всё? — не поверил Атти. — Никаких сверхзаклятий? Никаких изменений во внешности? Никаких ужасных чудовищ, на которых не действует обычная магия?

Эльфийка улыбнулась Кинии. К тому моменту, когда группа достигла руин башни огненных магов, раны Вистры зажили. Перед началом посвящения вампирша позаботилась о том, чтобы Вистра была хорошенько отдохнувшей и сытой.

— Слава мёртвым богам, Атти, если обходится без испытаний и препятствий, — сказала Уна, с облегчением развеивая магический щит. — Надеюсь, твоё посвящение пройдёт столь же просто и безболезненно. Или тебе хочется ещё разок свидеться с Дважды нежитью и ослепнуть от взрыва магии?

— Нет. Будь моя воля, я бы остался в замке.

Ещё одна фраза, какую в былое время не услышишь от взломщиков. «Моя воля, — хмыкнула Киния. — Они чувствуют себя всё свободнее и смелее. Цель путешествия близка, но вместе с ней растут и риски». В замке за такие слова про волю вампирша всыпала бы ученику по первое число. Но сейчас промолчала.

Они не задерживались в руинах надолго. Через неделю группа добралась до подножий Угрюмого хребта. Ещё задолго до этого взломщики не переставали восторгаться размахом гор, чьи заснеженные вершины скребли облачный покров. В книгах ученики вампирши читали о горах, но никакие описания не могли передать грандиозности каменных громад. По сравнению с ними те скалы в Та-Мерите, что довелось увидеть, казались жалкими карликами.

Однако восхищение улетучивалось так же быстро, как и силы взломщиков, когда они поднимались по узким горным тропам.

— Есть в этом мире... хоть одно место... по которому легко идти? — кряхтел Атти. — Мы страдали... в родных краях. В пустыне песок в башмаках и... воды нет. Здесь... ползём вверх...

— Последнее время ты стал не в меру болтливым, — зашипела Киния. — Побереги дыхание. Воздуха мало на равнинах, а в горах будет ещё меньше.

Иногда карабкались по мало что не отвесным скалам, расцарапывая пальцы до крови. В такие моменты Уна и Киния страховали взломщиков и подтягивали их за руки.

— Вот так, лошадок всё равно бросили бы, даже если доскакали бы до гор, — отметила Уна. — Им такую местность не осилить.

Стало ещё хуже, когда добрались до вершины первой горы. Коварные скользкие камни норовили сбросить с себя ноги заносчивых чужаков. Как будто сговорившись со скалами, нещадно дул ветер, грозя опрокинуть с узких уступов в пропасть. Забиваясь под одежду, снег охлаждал кожу, а растаяв смачивал одежду, отчего взломщики переносили мороз тяжелее. Здесь бы и полегли живые, не укради для них Киния тёплые вещи и верёвки. Вампирша уже привыкла без тени былого отвращения воровать в загонах скота.

Из-за плотных облаков, окаймляющих горную вершину, видимость была плохой. Как не напрягай глаза, а не увидишь ничего за пеленой. Иногда взломщикам казалось, будто ничего больше не существует, кроме небольшого участка горы. Разум живых отказывался верить, что где-то под серыми клубами есть земля, а не бездонная пропасть, свалившись в которую будешь падать вечно.

Но однажды облака над головами рассеялись, только у склона внизу всё ещё клубилась пелена. Взорам открылось чистое голубое небо. И ярко сияющее солнце. Живые замерли. За всю жизнь они могли припомнить редкие моменты, когда облачный покров истончился настолько, что сквозь него можно было различить смутные контуры дневного светила, или же на несколько мгновений облака прорезал одинокий луч света. Но ещё никогда взломщики не видели солнце таким неприкрытым. Поражённые, они мигом позабыли про усталость и холод. Солнце немилосердно резало глаза, однако живые всё равно пытались следить за ним хотя бы боковым зрением.

— Гадость-гадость-гадость! — завершала Уна. — Вот потому я редко летаю в облаках, только если погоня за мной. Не хочу это видеть!

Дневное светило не могло ранить Высшую нежить, только вызвать неприятные ощущения и немного ослабить её, ежели будет долго находиться под лучами. А ещё разжечь злобу.

— Чего встали, мясо! — рыкнула Киния. — Мы не на привале. Вперёд!

Вскоре солнце спрятала облачная вуаль. Ослеплённые ученики спотыкались ещё несколько минут, сопровождаемые руганью от вампирши.

Глава 18 — Заговор

Новый край удивил взломщиков не только горными пейзажами и солнечными просветами. Пройдя очередной перевал путешественники увидели море, неумолимо штурмующее волнами высокие скалистые берега.

— Нам бы в пустыне хоть толику этой воды, — сказал Сотэр.

— Она непригодна для питья, — пояснила Вистра. — Называется, кстати, Железным морем. Ну, или называлось в прошлом.

Один раз взломщикам повезло увидеть море вблизи, когда тропа спустилась на каменистый пляж. Возбуждённый Атти бегал около воды, не обращая внимания на ворчание Кинии или подшучивания Уны. У эльфа голова шла кругом, когда он, глядя на гребни волн, пытался вообразить глубину большой воды. Ничуть не меньше впечатлили Атти останки кита, когда-то выброшенного на берег.

— Неужели там плавают такие огромные рыбыны? — изумлялся друид, прыгая меж гигантских рёбер.

«Глупышки, — с неожиданной горечью подумала Киния, — этот мир лишь бледная тень предыдущего. Чему тут восхищаться? Нет больше прекрасных зеленеющих лесов и лугов, нет разнообразных животных, нет былого многоцветья. Глядя вокруг, я вижу одно большое заброшенное кладбище. Сплошная тоска. Но взломщики родились в Эпоху тьмы, не знали иного мира, а потому воспринимают всё новое с неудержимым восторгом. Поразительно, но они находят пройденные края интересными, а в чём-то даже прекрасными...»

— Ум-м, госпожа... можно вопрос об ушедшей эпохе? — произнесла Вистра.

— Ну, попробуй, — Киния скосила взгляд на паладина.

Однако эльфийка не собиралась спрашивать ничего такого, что нежелательно слышать Сотэру.

— Я читала, что раньше были корабли, на которых можно переплывать моря. А как сегодня дела с кораблями? У тех владык, чьи владения пролегают у морских берегов, есть ли флот?

— Ты и сама догадываешься, каким будет ответ, — сказала Киния. — Деревьев мало. Ещё меньше деревьев, пригодных для судостроения. А если бы даже и был у кого корабль, то непросто заставить Водимую или Низшую нежить обслуживать его в море. Среди большой воды мертвяки порой ведут себя непредсказуемо. Живые понимали это, когда...

Киния вновь посмотрела на Сотэра. Парень брёл позади достаточно далеко, чтобы не слышать разговор. И всё же вампирша понизила голос.

— Живые понимали это, когда проигрывали войну. Многие уплыли на отдалённые архипелаги в надежде, что там армии Онгхуса не достанут их. Но нежить поработила корабельные команды живых, и с их помощью переправилась за беглецами... Конечно, и сегодня можно подготовить скот для управления судном. Но владыки нежити не хотят снова доверять мясу такое ответственное дело.

— Любопытно. Ты нам доверила нечто ещё более ответственное, госпожа. Обучила магии.

Вампирша хмыкнула.

— Слыхала я, будто кто-то из владык хотел построить корабль из костей, —

продолжила Киния. — Обычные кости тонут в воде. Так этот владыка попробовал сделать их полыми и зачаровать. Судя по тому, что мы до сих пор не видим костяной флотилии — затея провалилась. Ещё ходили слухи про призрачный корабль, который можно изредка увидеть на горизонте...

Киния осеклась. И вдруг разразилась хохотом. Взломщики недоумённо уставились на неё. Уна поддержала смехом — на всякий случай.

«Ещё недавно я упрекала Атти за болтливость, — подумала вампирша. — С настороженностью отмечала, что взломщики смелеют, и открыто разглагольствуют с нами, как с равными. А сама не заметила, сколь много говорю. Будто за беседой с сородичем. Сама же подаю живым дурной пример».

С берега взломщики свернули на новую горную тропу. Море скрылось за хребтом. На привал остановились у небольшого водоёма, который был немногим глубже метра. На дне густо укоренились травянистые растения с длинными стеблями. Они чуть колебались от течения, создаваемого талой водой, что ручьями стекала с вершины и впадала в каменную чашу водоёма.

— В трактатах описываются наземные растения, — Атти сел на корточки у берега. — Жаль, что в библиотеке не нашлось книжек по водным. Хотел бы я сам всё изучить, и написать большую энциклопедию. Дал бы названия всем водорослям и подводным травам; нарисовал бы каждое...

— Отчасти понимаю тебя, — отозвался Сотэр. — Но вместо любования будь добр, поищи там что-нибудь съестное.

— Правильно, время даром не теряйте, — сказала Киния. — Я тоже отправляюсь на поиски еды.

Вопреки обыкновению, очередную похищенную жертву вампирша и призрак не запытали в укромной стороне, а притащили прямо к стоянке.

— Уна, как ты могла так просчитаться! — ругалась Киния.

— Да будь они неладны — эти призраки! — обидчиво отвечала Уна. — Кто ж знал, что им поручат дозор в таком месте!

Вампирша вела за собой девушку — по виду не старше Сотэра и Атти. Во рту торчал кляп, руки связаны. Она была в полном сознании; видно, у похитителей не нашлось времени даже на простенькое одурманивающее заклятье или же их прервали перед началом ритуала.

Слушай, Сотэр! — вампирша грубо бросила девушку на камни. — Нас обнаружили, и пустили тeneвых гончих по следу. Через час-другой они будут здесь. Надо сделать дело как можно скорее, а потому на сей раз обойдёмся без пререканий.

Несчастливая испугано поглядывала из-под растрёпанной чёлки. Но когда присмотрелась к взломщикам, и распознала живых, — которые не просто свободны, но ещё и при оружии — к страху прибавилось удивление. Эти живые настолько дерзкие, что в присутствии Высшей нежити стоят прямо и не потупившись!

— П-пощадите, — слетело с губ девушки.

Она говорила на родном для взломщиков языке, хоть и со странноватым говором. Девушка не обращалась к кому-то конкретному в этой странной компании, но взгляд

остановила на Сотэре, заметив на его лице обеспокоенность.

— Я знаю, ты не одобряешь этого, не хочешь видеть, и тому подобное, — в голосе Кинии всё больше звучало нетерпение, — Короче, ступай сразу куда-нибудь вон за ту скалу.

Однако до тех пор, пока Сотэр стоял рядом, вампирша не садилась на жертву. Для порядка выдержав небольшую паузу, и будто бы смирившись, паладин побрёл прочь. Как он и ожидал, эльфы увязались за ним.

— Жаль, что просто девица, а не беременная на позднем сроке, — услышал Сотэр ворчание Уны. — Хотя юные и чистые тоже вкусны из-за того, что отчаянно не хотят принимать смерть. Их горячая воля борется до последнего.

— П-п-щадите...

Когда взломщики отошли на сотню шагов, Сотэр отцепил ножны и осмотрелся. Эльфы насторожились, видя суетливость паладина. Он не нашёл поверхности, на которой можно писать — вокруг всё усыпано только крупными камнями. Со стороны привала донесся мучительный хрип, смешанный с рыданием — Высшая нежить начала пиршество.

Вистра протянула руку к плечу напряжённого паладина, желая хоть немного смягчить его гнев. Но Сотэр резко обернулся, и Вистра отшатнулась — его лицо перекосила не сдерживаемая ярость.

— Сейчас, — процедил сквозь зубы паладин.

— Что с-сейчас? — растерялась эльфийка.

— Вы знаете...

— Но... — осознав, к чему клонится дело, Атти хотел поспорить, однако боялся, что слова донесутся до чувствительных ушей госпожи.

Так и не выдавив и слова, эльф суматошно размахивал руками, всем своим видом призывая Сотэра одуматься.

— Вода тут есть, — сказал паладин, отменяя молчаливые возражения Атти. — Сейчас. В одиночку, если придётся... «Прах».

От последнего слова у Вистры и Атти перехватило дыхание. Сотэр уверенным шагом поспешил на стоянку, не заботясь о том, следуют ли за ним эльфы или нет. Вистра последовала, но ради попытки остановить юношу. Она обогнала его и преградила путь. Сотэр бесцеремонно оттолкнул Вистру. А затем выхватил меч. Лязг извлекаемой из ножен стали так громко резанул по ушам взломщиков, что не было сомнений — услышит и Киния.

Добежав до стоянки Сотэр не выкрикивал обвинений, как того ожидали эльфы.

— Госпожа!.. Госпожа! Погоня!

Он застал Кинию сидящей на обнажённой девушке. Порванные лохмотья лежали рядом. Сотэр видел только её ноги, неистово ёрзающие по острым камням, так что кожа от пяток до бёдер была в ссадинах и царапинах. А вот Уна не показывалась.

— Враг здесь! — Сотэр бежал к вампирше. — Госпожа!

До неё оставалось всего два десятка шагов. Но Киния сама сократила расстояние за мгновение ока. Паладин встал как вкопанный, и скосил взгляд на окровавленный кинжал, который вампирша приложила к его шее.

— Какой ещё враг?! — Киния широко раскрыла рот, так что Сотэр отчётливо видел её клыки — так близко к своему лицу.

— Враг! — выпалил паладин. — Тот самый...

Через плечо вампирши Сотэр рассмотрел израненную девушку. Её грудь и шея алели от крови, сочившейся из надрезов у ключиц.

Послышались шаги подбегающих эльфов.

— Назови, каких врагов ты видел и где!

Вампирша плотнее прижала лезвие к шее. «Она не верит, — понял Сотэр, вместе с обычным уколom от острия ощущая укол страха». И стоит вампирша так близко, что не поднять меча для защиты.

— Госпожа! — а это уже голос Атти. — Теневые гончие!

«Он всё же решился, — вторая вещь, которую понял Сотэр». Новый прилив уверенности смысл не успевший разрастись страх.

— Их несколько штук! — добавила подоспевшая Вистра.

Только после предупреждения эльфийки вампирша убрала кинжал, и отступила от паладина на пару шагов.

Тогда он ударил. Не зажигая меча, наотмашь.

Клинок врезался в лезвие кинжала, выставленного Кинией. Но паладин и не надеялся нанести рану таким детским ударом. Заставив вампиршу отвлечься на меч, Сотэр рванул вперёд, и толкнул Кинию плечом. Она отшатнулась, теряя равновесие. Сушая мелочь, которая никак не помогла бы Сотэру. Не окажись позади Кинии водоём с обрывистым берегом. Замахав руками, вампирша плюхнулась в воду. Когда вынырнула, то оказалась по пояс в воде.

— Скотина! — гаркнула вампирша.

Она часто выдыхала, будто прочищая горло и лёгкие, хотя нежить не нуждается в воздухе.

— Ах ты тварь! — Киния отвела с лица смокшие пряди. — Да я тебе...

Договорить не успела, ощутив, как нечто плотно обхватывает и сжимает ноги по всей длине подобно цепям.

— Атти?! — вампирша бросила взгляд на колдующего друида.

Только ногами дело не ограничилось: подводные растения набросились на руки Кинии словно змеи. Они тугими петлями затянулись вокруг бледных кистей. Вампирша зарычала, и в этом звуке Атти угадал столь злобное обещание отомстить, что едва не сбился с удержания заклятья.

Но главная опасность для вампирши исходила не от эльфа. Сотэр зажигал магический свет вдоль клинка, и явно не для того, чтобы разить им воздух. Киния задёргала руками и ногами. С каждым рывком она получала чуть больше свободы — рвались плотные клубки подводных стеблей.

Однако вампирша не успевала. Чёрная сталь клинка уже ярко лучилась. Сотэр шагнул на край берега. Замахнулся, чтобы в прыжке рубануть по скованной госпоже. Рубануть насмерть...

Травяные пугы спали в один миг, будто их разом подсекли невидимые лезвия. Не теряя ни секунды, Киния ударила по Сотэру магическим тараном в тот момент, когда он прыгнул. Его отбросило на несколько метров — туда, где полулежала окровавленная пленница. Над головой Кинии появилась Уна. Именно призрак развеяла чары Атти.

Сотэр с досадой и недоумением посмотрел на Вистру. По плану «Прах» волшебница должна огненным заклятьем если уж не спалить Уну, то хотя бы пресечь её попытки освободить госпожу. «Струсил?! — мелькнуло в голове Сотэра при виде эльфийки, которая в замешательстве переводила взор с живых на нежить, и обратно. — Неважно. Надо продолжать».

Киния выпрыгнула из воды, и приземлилась там, где лежал её меч. Как только пальцы стиснули рукоять, движения вампирши стали плавными, а ярость в глазах погасла, уступая место надменности. С этого момента Киния была убеждена, что целиком владеет ситуацией.

— Глупый щенок, — вампирша с ленцой помахивала клинком. — Убеждала тебя по-доброму. Пробовала решать споры разумным словом. Но с тобой это не работает. Что ж, в этот раз не отделаешься упрёками. Будет больно. О-очень больно... Вистра, пока я наказываю бешеного щенка, подпали-ка малость задницу Атти, чтобы больше не вмешивался. Но не переусердствуй. После он должен быть в состоянии идти... Вот так Сотэр. Трое против двоих. У тебя нет шансов. Лучше сложи меч, и тогда наказание не будет столь строгим.

— Трое против двоих? — Сотэр покосился на Вистру.

— Естественно, дурачок, — кивнула вампирша под залиvistый смех Уны. — Думал, я ничего не знаю о маленьком бунте, что ты затевал в песках Та-Мерита? Ты подстрекал соратников на бессмысленное восстание против меня. Однако ничто не укроется от взора Уны. И у Вистры хватило благоразумия, чтобы рассказать о заговоре.

— Вистра, — едва слышно произнёс Сотэр, чуть опустив меч.

— Мне жаль, — ещё тише прошептала эльфийка, избегая встречаться взглядом с юношей.

— Я знала о заговоре, Сотэр, — говорила Киния. — Но полагала, что взбунтуешься где-то между посвящением друида и порогом Источника. И рассчитывала поговорить с тобой по душам до того, как ты в своей глупости поднимешь на меня меч. Что ж, я переоценила твоё терпение, щенок. Ты навредил мне, соратникам, себе — всем! — оскалив зубы в самый неблагоприятный момент, когда о нашем присутствии известно и вокруг шарят ищейки Динксианга.

Киния понизила голос, в её тоне даже зазвучало что-то примирительное, похожее на понимание.

— Скажи, Сотэр, чего ты рассчитываешь добиться своим безрассудством? Допустим, вы с Атти справились бы со мной. Трудно поверить, но допустим. Что дальше? Куда вы пойдёте в мире, о котором почти ничего не знаете? Куда пойдёте в мире, где столько враждебных могучих существ, которые видят в вас только ходячую пищу? Где вы укроетесь и как будете жить дальше? Об этом ты подумал, когда подначивал соратников на бестолковый мятеж?..

Сотэр услышал шорох от робких шагов девушки. «Несмотря на раны ещё может держаться на ногах, — подумал паладин. — Её нужно исцелить».

— Последний раз призываю: опусти меч, и чуть позже, когда уйдём от погони, поговорим... Девушка? Чёрт с ней, пытать не будем и убьём быстро... Ну?

Атти, поддаваясь внушениям Кинии, посмотрел на паладина со смятением: может, ещё не поздно остановиться?..

— Убьём быстро, говоришь? — переспросил Сотэр, когда дрожащая девушка спряталась за его спиной. — Говоришь, хотела разрешить все недосказанности словами?.. Ты с самого начала обманываешь. С самого детства пичкаешь нас гнусной ложью. Ты уже знаешь, что при посвящении у меня были видения. Но я не о всём успел сообщить Атти и... Вистре. Я не сказал, что узрел истинный катехизис.

Сотэр сделал ударение на слове «истинный».

— Ты извратила его! Выкинула из кодекса всё, что мешало твоим корыстным замыслам. Хотела использовать свет в тёмных злобных деяниях. Но я познал истину. Я знаю, что

назначение паладинов — убивать таких чудовищ, как ТЫ!

Опешили все, даже Уна. Они не впервой свидетели того, как Сотэр перечит госпоже, причём с каждым спором всё увереннее. Однако это не шло ни в какое сравнение со столь дерзкими оскорбительными словами, которые юноша выкрикивал сейчас. Это было как удар молнии, казалось чем-то совершенно невыносимым. Эльфы втянули головы в плечи, ожидая не менее громкого ответа госпожи. Но вампирша молча слушала, не меняясь в лице.

— И назначение паладинов — защищать таких, как она, — Сотэр отвёл свободную руку назад, коснувшись локтя похищенной. — В посвящении я видел картины прошлого, в котором вас, порождений мрака, презирали и гнали. Я узрел чудесный мир с зелёными лесами, которые простираются так далеко, что взором не охватить. Атти, если бы ты только видел и знал великолепие той природы! Которую уничтожила эта гниль!.. Я видел, как восходит солнце, как всю землю щедро одаряет теплом и светом. Но эти твари отняли у нас солнце!

На глаза Сотэра навернулись слёзы, хотя голос звенел как сталь, и слова эхом неслись меж скал.

— Я видел, каким был орден паладинов до того, как ВЫ испоганили святую землю! И почувствовал себя так, будто... не землю перепахали, а моё тело резали на куски! Словно меня оплевали, кололи, топтали, жгли, травили и проклинали проклятые! Я всем своим существом впитал боль осквернённой святыни!

Он бил себя в грудь, а между тем меч разгорался как никогда ярко, так что на клинок уже невозможно было посмотреть без рези в глазах. Огромная сила скапливалась в нём, и с этого момента Киния поняла, что дело приобретает уже не просто серьёзный оборот, а по-настоящему опасный для неё — высшего вампира, прошедшего через десятки битв. Мускулы на лице Кинии дрогнули, на выражение надменности легли тени злости, изумления и обиды. Даже самые грубые слова Вейлина не задевали её чёрное сердце настолько.

— Спрашиваешь, что будем делать, когда сбросим твоё ярмо... Может, пойдём к Источнику, который ты хочешь осквернить и выжрать, как делаешь это со всем, к чему прикасаешься нечестивыми руками. И найдём там силу для борьбы с нежитью. А может, и нет. Не знаю. Тебя это уже не касается. Точно знаю только одно: я последний паладин, и я наконец принесу в этот мир справедливость и свет, которых он был лишён десятилетиями по вашей порочной воле.

Пока лилась речь Сотэра, он ощущал, как лёгкость наполняет тело, словно освобождая его от невидимых оков. Душу согревало блаженство, причудливо и равновесно соседствуя с праведным гневом и скорбью по погибшему миру. С каждой высказанной правдой, которую Сотэр старательно прятал после видений, он испытывал что-то похожее на очищение. Больше не нужно скрывать наболевшее. Не надо лицемерить. Он по-настоящему свободен. И больше не вернётся во тьму притворства.

— Хватит твоих речей. Ты достаточно наговорила обмана, достаточно сквернословила. Для тебя время слов прошло, Киния Ковентина...

Она совершила вампирский рывок — самый быстрый, на какой только была способна. Ещё в начале тирады вампирша прикинула, как одним движением повалит зарвавшегося паладина на спину, и ударом выбьет меч из руки.

Но клинок Кинии сшибся с освящённым клинком Сотэра. Он блокировал удар с той скоростью и силой, что ничуть не уступала возможностям высших вампиров. И сам ответил молниеносным контрударом, которого Киния никак не ожидала от вроде бы со всех сторон

знакомого воспитанника. Вампирша отразила атаку в последний момент, но была отброшена.

Изумлённые свидетели этого первого столкновения поняли, что исход противостояния не такой уж и предсказуемый. После короткой паузы противники повторно скрестили мечи.

Глава 19 — Двое против двоих

Киния атаковала уже не столь прямолинейно и самоуверенно. Она наносила серии хитрых ударов, совершая между ними обманчивые движения. Такой натиск заставил бы хорошенько напрячься и самого Вейлина. Однако Сотэр не только всё отразил, но и сам в ответ рубил и колот так быстро, что взмахи освящённым мечом походили на вспышки молний.

«Я не учила его этим приёмам! — не без удивления подумала Киния в момент секундной заминки».

Больше ничем не сдерживаемая, вера в справедливое возмездие так сильно горела в паладине, что даже его кожа излучала золотистый свет. Только юное сердце способно уповать столь горячо и самоотверженно. Находясь в мощной световой ауре Сотэра, Киния чувствовала, как понемногу слабеют её руки, как притупляется реакция. Вампириша будто заново становилась смертной, а вместе с тем теряла сверхъестественную выносливость Высшей нежити.

«Безумие! — Кинию резанула тревога. — Где Уна?! Гаси ауру света! Пока Вистра занята друидом... Занята?»

Отбившись от Сотэра, Киния мельком глянула на Вистру... Которая замерла на месте, в ужасе прижав ладони к щекам.

— Вистра! — крикнула Киния, парировав атаку. — Жги друида!

Звон мечей разнёсся ещё несколько раз, прежде чем слух Кинии уловил сбивчивое шептание:

— Не могу... госпожа... не могу... прости...

— Двое против двоих, Киния! — сказал паладин, примеряясь для нового выпада.

— О-го-го! — Уна держалась чуть позади вампириши. — Девица заигрывала с обеими сторонами, и обе стороны обдурила. Или просто подвела!

— Уна! Займись Атти, — Киния наконец смогла перехватить инициативу, и сама яростно атаковала.

Когда началась схватка, Атти, как и соплеменницу, поразило оцепенение. Однако упоминание его имени вампиришей подействовало как хорошая оплеуха. Друид побежал к ближайшему ручью, чтобы почерпнуть там магическую силу для заклятий. Конечно, для этого куда лучше подошёл бы водоём, но к нему не успеть — Уна опередит.

Призрак воплотилась рядом, когда эльф с громким всплеском вошёл в поток.

— Куда спешишь, остроухий дружок? — усмехнулась Уна. — Позабавились и хватит. Лучше давай поможешь госпоже.

— Нет, — отрезал эльф.

Его тронула речь Сотэра, особенно упоминание лесов. И когда Атти вышел из ступора, он понял, что отныне без всяких сомнений на стороне паладина.

— Зря не слушаешься старших! — упрекнула призрак. — Отлуплю по заднице!

Уна потянулась к нему скрюченными пальцами, намереваясь холодным магическим касанием парализовать эльфа. Но друид опередил нежить, попросту зачерпнув воду, и подбросив её. Блеснули капли, в полёте обращаясь в магические огоньки. Застигнутая врасплох, призрак не сотворила барьер, и поймала лицом всю сверкающую россыпь.

— А-а-ай! — взвизгнула Уна, отлетая назад и хватаясь за обожжённую призрачную

кожу.

Но этого было недостаточно, чтобы отпугнуть Высшую нежить. Встряхнув головой, Уна атаковала друида новым заклятьем. Теперь уже ему пришлось защищаться волшебным щитом.

Рядом с боевым танцем мечей завязалась схватка, состоящая из колдовских выпадов, парирований и других манёвров. Сотканые из тьмы щупальца, что призвала Уна, переплелись с водяными хлыстами, поднятыми чарами друида из ручья. И в этой магической дуэли противникам не удавалось сразу завладеть преимуществом.

— Пожалуйста... прекратите! — раз за разом взывала никем не воспринимаемая Вистра.

Улучшив момент, Киния ударила по Сотэру магическим тараном. Это оказалось немногим действеннее, чем лёгкий ветерок — юноша даже не пошатнулся. Вампирше пришлось рассчитывать только на своё мастерство владения мечом.

Противники постоянно перемещались, стараясь как выбрать позицию получше, так и вытолкнуть один другого на неудобное место. Сотэр при всяком случае теснил Кинию либо к водоёму, либо к горному уступу, задумав скинуть её с высоты. В свою очередь, вампирша пыталась отбросить паладина к скалам, где он будет лишён подвижности.

Похищенная девушка старалась поспевать за паладином и держаться позади него. Однако из-за частых перемещений она оказалась ближе к вампирше, чем к Сотэру. Тогда Киния совершила вампирский рывок: не для того, чтобы ударить Сотэра, а чтобы захватить девушку. Трюк, который так любила Высшая нежить в Войне затмения, да и вообще все злодеи от начала веков.

— Замри! — потребовала Киния.

Она спряталась за девушкой, схватив её за шею и уперев кончик клинка в спину. Остановился не только Сотэр; друид и призрак тоже прекратили магический бой.

— Сделаешь хоть шаг — убью её, — предупредила Киния.

«О мёртвые боги, почти ритуальная фраза в прошлом...»

Придавая весомости угрозе, вампирша чуть надавила на меч, заставив девушку ахнуть. Сотэр застыл в нерешительности.

— Не хочешь опустить оружие? — поинтересовалась Киния.

— Подлая нежить, — покачал головой Сотэр. — Как я могу доверять тебе? Ты всё равно собираешься убить её.

— А что, если я передумала? Что, если я хочу поговорить, а не драться?

На самом деле, Киния вовсе не хотела гасить раздор словами. Ведь это бы значило, что её власть над группой закончилась, и придётся принять как равного не только Сотэра, но и других взломщиков. Нет, вампирша планировала другое. Она видела, сколь много сил расходует Сотэр на поддержание света. А значит, чем дольше тянется время, тем слабее бунтарь. Необходимо дождаться, когда он потеряет преимущество. Тогда можно как следует проучить паладина и друида, тем самым через силу укрепив рассыпающийся авторитет Высшей нежити.

— Ну так говори, — произнёс Сотэр, не опуская меча.

— Только не вздумай дурить, — напомнила Киния. — Проткну её быстрее, чем ты выкинешь очередную глупость.

— Я слушаю.

— Можно не только сохранить девушке жизнь. Можно исцелить её, и отпустить

обратно. Пускай счастливо живёт в скотском загоне или же будет на пути к нему разорвана ищейками Динксианга. Возможно, именно таких исходов хочешь для неё. Ну да ладно, я готова идти на уступки. Но жду, что и ты способен договариваться. Для начала давай ты погасишь меч и опустишь его. М?..

Сотэр понимал, что вампирша лукавит. И тоже понимал, что теряет силы. А ещё понимал, что существует одно явление в мире, которое быстрее любого высшего вампира и вообще всего, что можно вообразить — свет.

Волевым усилием паладин сотворил вспышку, направив лучи в сторону Кинии. Этот свет не обладал разрушительной силой, не обжигал, а только слепил, причём для глаз нежити смотрелся стократ ярче.

Вскрикнув, Киния отшатнулась, хотя всё ещё удерживала девушку. Это заняло всего пару мгновений, но Сотэр уже бежал к вампирше, успев подосадовать, что пришлось потратить заклятье вспышки именно так — хотелось бы ослепить вампиршу во время атаки в ближнем бою. Паладин приготовил колющий удар, метя в ту руку, в которой вампирша держала меч. Дёрнулась вбок девушка, вырываясь из хватки Кинии. И это даже получилось, только Сотэр чуть задел пленницу локтем. Киния отбила выпад, ориентируясь на своё обострённое чутьё.

Схватка возобновилась бы с новой силой, но Сотэр остолбенел при виде девушки, что потеряла равновесие из-за своего рывка и столкновения с паладином. Будучи ослеплённой от вспышки, и не разбирая, куда ставит ногу, она находилась в опасной близости от обрыва.

— Нет! — Сотэр прыгнул к ней, протягивая руку.

Он опоздал. Оступившись, девушка с коротким вскриком сорвалась с обрыва. Не упуская Кинию из виду, Сотэр осторожно подобрался к краю. Девушка неподвижно лежала на камнях в изломанной позе. После падения с такой высоты не выживают. Во всяком случае, надолго, и уже никакие исцеляющие заклятья не спасут.

— Ты... Ты сделала!.. — Сотэр задыхался от злобы.

— Я?! — возмутилась вампирша. — Ну каков наглец! Если бы хотела её заколоть — заколола, и твои фокусы не помогли бы! Я не собиралась убивать скотину. Твои и только твои выходки в очередной раз приводят к непредвиденным глупостям! Ты...

Сотэр не позволил договорить, пойдя в атаку. Следуя его примеру, Уна и Атти продолжили магический бой.

Смерть девушки вызвала в паладине такую ярость, что ореол света засиял по всему телу, а в глазах словно загорелись белые огни. Скорость и сила ударов превзошли способности Кинии. Кроме того, её зрение ещё не восстановилось после вспышки.

Кое-как отразив первые атаки, Киния всё же пропустила выпад. Освящённый меч пробил кольчугу, и пронзил бок. Острая боль, какую вампирша давно не испытывала, волной прошла по телу. Киния отпрыгнула назад, и посмотрела на живот. Кожа вокруг пореза почернела, а из раны струился дым.

— Госпожа! — испугалась Вистра.

Уна и Атти опять отвлеклись от своего противостояния.

— Интересно, — после короткого затишья промолвила Киния. — А помнишь нашу тренировку в зале, Сотэр? Ту самую, когда ты боялся ранить меня. Что ж... щенок вырос в свирепого волка. Больно кусается и больше не страшится разить госпожу насмерть.

Он пошёл в решительную атаку. Однако паладин был слишком неопытен, и расходовал силу неосмотрительно. Киния наконец дождалась своего: магический свет на мече померк,

удары Сотэра больше не несли сокрушительной мощи, да и былую скорость утратили. От глухой обороны вампирша перешла к наступлению, постепенно наращивая темп.

Дела у Атти шли немногим лучше. Он отгонял от себя призрака, но ничем не мог помочь Сотэру. Сколько бы Атти не отбрасывал Уну, она подобно назойливой мухе налетала вновь и вновь, не позволяя сдвинуться с места.

Мельком взглянув на эльфа, паладин сообразил, что вдвоём им Высшую нежить не одолеть. Шансы были в начале боя, но сейчас, когда силы исчерпываются... «Если бы только Вистра помогла! — паладин посмотрел на волшебницу».

И тут же отбросил всякую надежду: эльфийка всё ещё нерешительно топталась. Остаётся последний вариант.

— Атти! — Сотэр отступил к друиду. — «Пепел!»

«“Пепел”?! — насторожилась Киния. — Другой план? Вистра о таком не рассказывала. Звучит более угрожающе, чем “Прах”».

Вампирша и призрак осторожничали, готовясь встретить какую-то изощрённую разрушительную атаку. Однако бунтари не собирались разрушать. Атти зачерпнул воду, и подбросил её, но теперь заклятье на капли наложил именно Сотэр. Магия света слилась с древней силой талых вод.

Уна и Киния оказались в круге, чьи края переливчато сияли голубым и золотистым цветами. Призрак попробовала пролететь сквозь волшебную границу, но с воплем отшатнулась. Киния для верности рубанула по барьеру мечом. Клинок со звоном отскочил, как если бы столкнулся с каменной стеной.

— А вы хороши! Объединить силы ради такого заклятья. Очень даже неплохо! — с долей восхищения отметила Киния. — Уна, не беснуйся, а лучше начинай взламывать чары... Я только не понимаю, чем вам это поможет.

Вместо ответа Сотэр подбежал к Вистре, и схватил её за плечо.

— Вистра, пожалуйста, — чуть ли не взмолился паладин. — Прошу...

— Я... Сотэр... я...

Эльфийка никак не могла собраться с мыслями, и подобрать нужные слова для соратника. А Сотэр не имел ни времени, ни терпения, чтобы дожидаться, пока Вистра определится. Он стиснул её кисть, и потащил эльфийку за собой. Только тогда Вистра упёрлась, и вырвала руку.

— Сотэр! Прошу, поговори с госпожой! — воскликнула Вистра. — Почему нельзя всё обсудить?!

— Госпожой?.. — на паладина будто плеснули холодной водой. — Она мне больше не госпожа.

Он медленно попятился, пристально посмотрев на Вистру, а потом развернулся к Атти.

— Идём.

— Без сестры?

Сотэр лёгким бегом направился к горной тропе. Бросив прощальный взгляд на Вистру, Атти пустился вдогонку за паладином. Тогда эльфийка упала на колени, и заплакала.

— Куда вы, безумные?! — спросила Киния. — Без меня не протянете! И я всё равно вас нагоню!

Когда юноши скрылись за поворотом тропы, Киния ещё раз ударила мечом по волшебному барьеру — безрезультатно.

— Вот так постарались, мясо! Уна, давай скорее! Цветочек, хватит ныть! Хочешь

побыстрее вернуть братьев — помогай взламывать чары! Или ждёшь, что сюда зайвится чужая нежить, пока я с Уной в клетке? Тогда мы не сможем защитить тебя. Шевелись!

Эльфийка не откликнулась.

— Замечательно, — фыркнула Киния, сосредотачиваясь на барьере, — сегодня все сошли с ума.

Только где-то через пять минут Вистра, всхлипывая, подползла к магическому кругу, и попробовала расплести чары. Правда, толку от неё было мало. Ещё через несколько минут троица, наконец, рассеяла заклятье.

— Вистра, тот волшебный маячок, про который ты говорила, — Киния грубо схватила эльфийку, и поставила её на ноги. — Ты ведь наложила его на Сотэра?

Вистра коротко кивнула.

— Тогда веди, — вампирша встряхнула эльфийку. — Ишь ты, размякла! Ещё надеру тебе уши за бездействие, но сейчас не до этого. Веди скорее!

После сотни шагов Киния, потерявшая терпение из-за медлительности Вистры, усадила её на своей спине. Теперь эльфийка только указывала направление.

— Они не могли далеко уйти, — уверяла призрак. — Уж точно не настолько, чтобы я не различила их сверху. Направление нам известно, так давай, госпожа, погляжу с высоты птичьего полёта!

— Действуй. А мы будем идти.

Когда Уна вернулась, то в ответ на вопросительный взгляд Кинии развела руками.

— Ничего не понимаю, госпожа. Ни слуху ни духу потерявшихся деток.

— Странно. Наверняка не обошлось без магии.

— Какой магии? Ты их вроде не учила заклятьям скрытности.

— У тебя подсмотрели, Уна, — прерывистым голосом сказала Вистра, подрагивая от бойкой походки вампирши.

— Жаль, что маячок чувствуешь только ты, чадо, — сокрушалась призрак. — Будь у меня связь с заклятьем, я бы их сразу сыскала.

«А не водит ли Вистра меня за нос? — от нахлынувшего недоверия Киния чуть замедлила шаг. — И, вообще, не является ли эта погоня частью особо хитроумного плана взломщиков? Например, Вистра собьёт погоню со следа или приведёт нас в засаду паладина. Может, в этом суть того самого “Пепла”? Конечно, замешательство Цветочка во время схватки выглядело вполне искреннее, да и задумка с подобным преследованием, пожалуй, излишне сложная для живых... И всё-таки уже ни в чём нельзя быть уверенной. Даже если Вистра не обманывает, то взломщики могут и сами пустить запутывающее заклятье. Нынче от них можно ожидать всего».

— Продолжай облёт округи, Уна. Но не удаляйся так, что потеряешь меня из виду, — повелела Киния. — Показывай, куда дальше, Вистра.

Пока эльфийка говорила, за какую скалу повернуть, Киния старалась напрягать весь свой острый слух, чтобы услышать звуки, издаваемые беглецами. Однако как бы вампирша не концентрировалась на поиске, она не смогла отрешиться от упрямо осаждающих мыслей.

«Вырастила питомцев на свою голову. Успела повздорить как с ними, так и с владыками на протяжении всего пути. Хватаюсь за соломинку: надеюсь, что ещё дойду со взломщиками до Источника, и они добровольно откроют врата... Мёртвые боги. Надо было отдать всех троих Меритре в обмен на защиту. Или вообще не начинать эту безумную затею. Сидела бы сейчас в замке, почитывала книжки, подобранные Вистрой. А Сотэр и Атти жили

бы себе тупым скотом в загоне, нося простекие клички. И я бы ничего не знала об их существовании... Хотя сейчас сложно представить, что могло сложиться иначе. И не вообразишь мальчишек безмозглым мясом».

Морщась, Киния потёрла рану.

«Всё ещё болит, зараза... Ладно, сама виновата. Поверила, что предусмотрела их поведение. Ослабила бдительность. В чём-то даже доверилась живым. А значит... привязалась к ним?»

Первым преследователи обнаружили Атти. Эльф шёл к ним навстречу — один. Вдобавок основательно потрёпанный: волосы взъерошены, лицо и руки перемазаны в грязи, а плащ порван. Завидев Кинию, Атти не попытался скрыться или замереть, а наоборот ускорил шаг, хотя при этом пошатывался и ноги заплетались.

Киния подавила первоначальный порыв броситься к друиду. Вместо этого она велела Вистре встать чуть впереди, а призраку подала знак готовить защитные заклятья. Вампирша опасалась ловушки. «Всё-таки Сотэр показал изобретательность, выдумав несколько планов противостояния со мной, — Киния оглядывала склоны и ближайшие валуны, прикидывая, где лучше притаиться для внезапной атаки. — Он может измыслить засаду».

— Стой! — приказала вампирша, когда друид приблизился на расстояние до полусотни шагов.

Атти подчинился.

— Где Сотэр? — спросила Киния.

Вампирша следила за каждым движением не только эльфа, но и Вистры.

— На нас... напали, — Атти тяжело дышал. — Нежить...

— Где Сотэр?! — Киния хотела повторно озвучить этот вопрос, однако он раньше сорвался с губ Вистры.

— Его... схватили...

— Но ты сумел свалить, — заключила Киния. — Подозрительно... Не рыпайся!

Вампирша схватила за плащ эльфийку, которая хотела побежать к друиду.

— Уна! Никто не прячется поблизости?

— Никого не вижу, госпожа.

— Вот что, Атти, — решила Киния после короткого раздумья. — Показывай дорогу к месту столкновения с нежитью. А ты, Цветочек, ступай впереди, но не отдаляйся от меня. Уна, смотри в оба.

— Атти, ты не ранен? — спросила Вистра, когда друид повёл их.

— Я... немного. Ничего серьёзного.

— Как же ты бросил своего друга? Получается, он бился до последнего, а ты удрал, — съязвила Киния.

— Госпожа, пожалуйста, не надо, — прошептала Вистра.

— Ох, уже и Цветочек учит, что мне делать, а что нет, — проворчала вампирша.

Атти не соврал. Они вышли к месту боя, и Киния узрела перерубленные тела зомби, вурдалаков и кучи костей. Но больше всего вампиршу впечатлили горки праха, понемногу разносимые ветром. Остатки высших вампиров.

— Ты только взгляни, госпожа! — Уна присвистнула. — Наш молодчик не только толпы тухлого мяса порубал, но и пару вампиров на вторую смерть отправил! Хорошего бойца воспитала.

«Да уж, воспитала, — Киния опустила на корточки, разглядывая землю в поисках

следов или вещей Сотэра. — Хотела вырастить карманного рыцаря света, а получился истинный паладин. Не знаю, гордиться этим или стыдиться. Пожалуй, и то, и другое будет уместным».

— Итак. Они знают, что друид сбежал. Значит, отправят за ним новый отряд, — заговорила Киния. — Вы возвращаетесь на ту стоянку у воды. Приготовьтесь там к обороне.

— А ты, госпожа? — удивилась Уна.

— А я пойду вызволять Сотэра.

— Одна? — поразились Вистра. — Но как ты узнаешь, где он? Позволь пойти с тобой, я найду Сотэра по маячку!

— Мне не нужен маяк. Всё и так понятно: его потащат к ближайшему замку Динксианга. Если повезёт, то застану отряд на полпути... Атти, полагаю, что хоть на сей раз понимаешь, что бунтовать — себе же хуже делать? Ты пойдёшь вместе со всеми к водоёму? Не будешь подговаривать Вистру, и нападать на Уну?

Друид энергично закивал.

И Киния побежала по следу похитителей со всей возможной скоростью.

Хоть вампирша неслась быстрее любого человеческого бегуна, не зная отдышки или усталости, а всё равно не настигла отряд, пленивший Сотэра. В конце концов, она добралась до горной долины, в которой находился один из замков лича Динксианга. Совсем недавно Кинии довелось побывать здесь — когда вместе с Уной своровала злосчастную девушку из деревни-загона.

Внешне замок мало чем отличался от десятков других, что можно встретить на протяжении пути от империи Онгхуса до Железного моря. Всё те же крепостные стены, вокруг которых расползлись деревни скота, посадки и пруды. За стенами виднеются крыши хозяйственных построек, а над этим всем возвышается восьмиугольная главная башня.

Хотя всё-таки кое в чём замок Динксианга отличался от всех прочих. На вид посадки были куда скромнее, чем, например, в потерянных владениях самой Кинии или даже у кого-то из владык Вольных княжеств. Небольшие рощи из жмущихся друг к другу низкорослых сосенок зеленели среди черепичных крыш. Оно и понятно: горы и в прошлые времена были не богаты на землю, пригодную для того, чтобы глубоко пустить корни, чего уж говорить про Эпоху тьмы. То же самое с огородами: местные старательно заботились о любом клочке почвы, на котором можно хоть что-то вырастить. Должно быть, войны обходятся местным владыками особенно дорого — подумалось Кинии. Ведь во время набегов разоряют пашни, угоняют скот, отравляют водоёмы. Долго же не оправившись, если у тебя изначально мало этого добра.

Но вампирше то и дело бросалась в глаза иная особенность. Киния не без тревоги поглядывала на главную башню, которая по высоте значительно превосходила донжоны любых замков. Зубцы на вершине располагались друг от друга на неодинаковом расстоянии. У карнизов угадывались трещины и рубцы, словно от ударов камней, запущенных осадными орудиями, хотя никакие требушеты не дострелят и до нижней части башни, не говоря уже о вершине.

«Наверняка усилили охрану с моего последнего визита, — предположила Киния. — Надеюсь, у них не хватит фантазии вообразить, что вороватая вампирша нагло сунется сюда во второй раз. Плохо, если быстро догадались связать моё присутствие с паладином».

Киния сильно проигрывала Уне в скрытности. И всё же Киния была вампиром — высшим ночным хищником, что способен сливаться с тьмой и неслышимой тенью скользить от одного укрытия к другому. Ни дозорные призраки, ни вурдалаки ничего не заметили, когда Киния проскальзывала мимо них.

Она доползла до насыпи у деревни скота, но не планировала тут задерживаться, чтобы осматривать каждый загон в поисках Сотэра. Здешняя Высшая нежить, конечно же, не считает паладина обычным мясом, чтобы закинуть его к прочим людям — отдавала себе отчёт Киния. Нежить видела возможности юноши, а значит, понимает ценность его крови и души. Следовательно, Сотэра потащат в какой-нибудь ритуальный зал, где возьмутся за истязания. Из юноши будут качать кровь, доставлять как можно больше невыносимой боли, а потом дадут время на восстановление. Но едва раны затянутся, пытки возобновят, и так будет по кругу месяцами и даже годами, пока паладин не лишится рассудка. Тогда останется только выпить его душу, а труп превратить в обычного зомби...

«Не допущу, — оскалилась вампирша».

Но одно дело похищать скот из загонів, и совсем другое — лезть напрямком в чужой замок. Киния уже не просто прошмыгивала мимо охранников, но и возилась с охранными чарами. Распознав нити сигнальных заклятий, она либо обходила их, либо аккуратно надрезала собственным колдовством. Но чаще предпочитала обходить, потому как охранная магия подобна паутине, в которой все части прямо или опосредованно сообщаются друг с другом. Если эту систему неосторожно подрезать в одном месте, то вполне могут зарезонировать все чары, что равносильно поднятию тревоги.

Вампирша быстро вскарабкалась по крепостной стене, спрыгнула во внутренний двор, и притаилась неподалёку от кузницы. Здесь Киния некоторое время наблюдала и принюхивалась, пытаясь уловить следы Сотэра. О его местонахождении вампирша узнала, подслушав разговор вурдалаков, живо обсуждавших пленение паладина. С их слов выходило, что Сотэра потащили в ритуальный зал, который в подвале левого крыла замка.

«Вот будет весело, если это ловушка для такой летучей мыши, как я, — озадачилась Киния. — Через будто бы удачно подвернувшуюся болтовню заманят поглубже, и захлопнут дверь клетки».

Но других зацепок в поиске не было. Улучшив момент, Киния пролезла в зал через окно, и спустилась по винтовой лестнице к упомянутому подвалу. В одном из коридоров вампирше пришлось зависнуть во мраке высоких сводов, ожидая, пока под ней пройдёт группа скелетов.

В ноздри ударил тяжёлый пьянящий запах крови. Совсем рядом она льётся потоками.

«Если план замка не сильно отличается от известных мне, то в ритуальный зал попаду через скотобойню, — прикинула вампирша».

Спустя минуту Киния оказалась там, где забивали живых. У стены чуть покачивались подвешенные на крюках голые человеческие трупы — все с перерезанными шеями, с которых в котлы капала кровь. Расчленённое тело лежало на разделочном столе. Неподалёку от него располагался ряд стальных клеток с отобранными для убоя узниками — скованными по рукам и ногам, потому как в отличие от рогатого скота прекрасно понимали, какая жестокая судьба ожидает здесь. Всего в клетках находилось около шести-семи человек, как определила Киния на первый взгляд.

Когда мертвецы победили в Войне затмения, то поработили столько живого мяса, что работа на скотобойнях ежедневно кипела в промышленных масштабах, а вся нежить от прожорливых вурдалаков и до Высших пировала без меры. За последние же десятилетия скота осталось мало; из-за нехватки воздуха и солнца он плохо размножался и рос, так что пришлось на порядок поумерить аппетиты.

А вот в роли мясников, как ни странно, выступал тоже скот. Конкретно здесь — человек, дворф и орк. Высшая нежить не доверяла Низшим разделку и кровопускание. Какой вурдалак сдержится и тайком не закусит свежатиной? Водимая нежить до тупости покорна, но неуклюжая и грязная. Потому лучше вручить тесак и молот в тёплые руки. Живые мясники охотно резали сородичей, тем самым избавляясь от участи самим оказаться на разделочном столе; вдобавок и условия содержания лучше, чем у скота, что трудится в деревнях.

Киния с полминуты прислушивалась, стараясь разобрать, есть ли на скотобойне незримый дух-смотритель, однако не обнаружила ничего подозрительного. И всё-таки задерживаться не стоит, наверняка сюда вскоре зайвится кто-то из личей или вампиров. Можно пройти мимо скотских мясников не прячась, как будто Киния обитает в этом замке,

и едва ли скот заподозрит неладное. Но всё же вампирша предпочла крадучись добраться до двери в противоположном конце скотобойни.

Предположение Кинии подтвердилось: скотобойня соседствовала с ритуальным залом. И Сотэр тоже здесь — прикованный к алтарю, но пока ещё невредимый. Рядом с ним магическими приготовлениями занимались лич и вампир. Оценив обстановку, Киния спряталась за колонной — ближайшее укрытие к алтарю. Дождавшись, когда нежить повернётся к ней спиной, вампирша атаковала.

Первым делом Киния отсекла голову личу, и сразу же в рывке ударила по вампиру. Оскалиться — вот всё, что успел кровосос, прежде чем оказался перерублен от плеча до пояса, и обращён в прах.

Сотэр никак не отреагировал на появление бывшей госпожи, будучи под воздействием дурманящих чар. Возможно, он понимал происходящее, но по своей воле мог разве что только моргать.

— Вот так, нацепили на тебя антимагические браслеты, — бормотала Киния, торопливо освобождая Сотэра. — Боялись, что заслепишь их, как меня недавно...

Расковав паладина, — Киния с нечеловеческой силой попросту отогнула браслеты — она взвалила его на спину, но не сразу покинула ритуальный зал. С живым грузом уже не прокрадёшься столь же хорошо. «Нас обнаружат ещё до выхода из замка, — думала вампирша. — Нужен отвлекающий манёвр». Потоптавшись немного, Киния отправилась обратно на скотобойню.

Перед мясниками она предстала уже не скрываясь. Не обращая внимания на вопросительные взгляды живых, Киния положила Сотэра у стены, а затем подошла к одной из клеток.

— Ключ, госпожа, — дворф поспешил к вампирше, видимо решив, что она принесла новое тело на убой, и хочет закинуть его к остальным.

Киния отперла все клетки, к удивлению мясников. Но задавать вопросов они не смели и только молча наблюдали.

— Вылезайте, — приказала Киния. — Да пошевеливайтесь!

Пленники выходили неохотно, похоже поверив, что их всех будут забивать разом. Вампирше пришлось прикрикнуть ещё пару раз, чтобы подчинились самые нерасторопные. После она потребовала ключ от кандалов, и окончательно освободила скот.

— Слушайте веление самого лорда Динксианга. Вы тоже! — вампирша указала мечом на растерянных мясников. — Он хочет, чтобы вы сейчас же разбежались по внутреннему двору. Будете носиться там, размахивать руками и орать во всё горло. Если кто-то потребует остановиться или будет задавать вопросы — не слушайте его! Бегайте туда-сюда до тех пор, пока вас не повалят. И не забывайте вопить как можно громче. Ясно?

Слушатели в нерешительности переглянулись.

— Тех, кто не будет усердствовать в этом, лорд Динксианг разрешил мне сразу драть на куски!

Киния погнала скот в главный холл. К счастью, на пути не встретила нежить. У ворот, ведущих во внутренний двор, вампирша неистово зарычала, показала клыки и вытаращила глаза, стараясь изобразить как можно более злобную гримасу.

— Бегом скот, иначе повырываю ваши руки, ноги, уши, яйца и груди! Бегом! Вопите!

Тут уж дошло и до самых медлительных тугодумов. Причём некоторые заорали не столько потому, что того требовала госпожа, сколько от настоящего испуга.

Пока скот сеял переполох во внутреннем дворе, отвлекая внимание нежити, Киния выбралась через окно, и спряталась за кузницей. Убедившись, что никто не смотрит в её сторону, вампирша тремя скачками взобралась на крепостную башню. Бросив последний взгляд назад — вурдалаки умирляли суматошный скот — Киния прыгнула за стену.

Мягко приземлившись, вампирша побежала со всех ног, уже не заботясь о скрытности. Сотэр болтался на спине тряпичной куклой и мычал в ухо что-то неразборчивое — похоже, приходил в себя. «Наверняка кто-нибудь из дозорных призраков заметил меня, и уже доносит хозяевам». Киния больше не обходила охранные чары. Наоборот, она пустила по ним хаотичный магический импульс, заставив бешено резонировать всю паутину сигнальных заклятий. Пускай на каждом своём конце она производит много шума, так что вместо чёткого вычисления нарушителя собьёт с толку исполошившихся охранников.

«Только бы добежать до стоянки! — мысленно повторяла Киния, стремительно удаляясь от замка. — Только бы добраться...»

Всякий раз оглядываясь, вампирша ожидала увидеть преследователей. Однако замок скрылся за скалой, оставлен позади перевал; пройдено то место, где пленили Сотэра, а погоня всё не давала о себе знать. Совсем рядом лагерь, где свои должны организовать оборону.

«Может, после моего первого визита многие ищейки Динксианга до сих пор рыщут по горам, так что некого снаряжать в преследователи? — подумала Киния, правда, слабо веря в это предположение».

И не зря, ибо погоня настигала. Но не в виде отрядов рыцарей смерти, призраков или свор гончих. Огромная тень промелькнула над Кинией, заставив её остановиться. Задрав голову, вампирша узрела костяного дракона, размахивающего крыльями с дырявыми обрывками перепонки. Массивное существо никак не смогло бы летать с помощью них — колдовство помогало держаться в воздухе. Повернув череп набок, чудовище направило на Кинию взор магического ока, горящего в обширной глазнице.

В удовольствии поохотиться за дерзким воришкой не отказал себе не кто иной, как владыка Динксианг — драколич по природе. Как только вампирша сорвалась на бег, Динксианг описал в воздухе круг, и пошёл на снижение. Ожидая атаки, Киния готовилась сдать в сторону, но драколич ударил не по беглецам.

Он не имел брюха, только неприкрытые толстые рёбра, с которых лоскутами свисала выцветшая чешуя. Не было зоба и желез, что выделяли бы горючую смесь, какой плевались живые драконы. И всё же когда Динксианг раскрыл пасть, из неё вырвался поток чёрного пламени. Впереди Кинии стеной вздулись клубы мрака, отрезая путь к стоянке.

Чёрный огонь не жёг, напротив, испускал смертельный холод, однако Киния не отважилась прыгнуть через это препятствие. Дыхание драколича замораживает душу и опустошает магические силы, коих у вампирши и так сохранилось мало после битвы с паладином.

«Он не хочет навредить Сотэру, — поняла Киния. — Ну конечно. Собирается прихватить его живым. Либо попробует убить меня сам, либо задержит до прихода подмоги».

Динксианг пошёл на новый заход, по-видимому, намереваясь дыхнуть ещё раз, чтобы окружить беглецов пламенем. Чего вампирша никак не хотела допустить, а посему, едва драколич спикировал на достаточно близкое расстояние, ударила магическим тараном. Это не могло навредить чудовищу, однако сбilo его с прямой траектории полёта. Не успев

изрыгнуть чёрный огонь, Динксианг закрутился, восстанавливая равновесие.

Отлетев от Кинии, драколич спустился на землю. Под здоровенными когтями затрещали валуны, получая те же отметины, что вампирша наблюдала на карнизах замковой башни. Хвост, состоящий из десятков крупных позвонков, стеганул словно гигантская плеть, поднимая фонтаны каменной крошки.

«Всё же решил убить меня сам, — Киния опустила Сотэра».

Первый удар Динксианг нанёс лапой. Перепрыгнув её, Киния рубанула чудовище по носу. Раздался гулкий стук, усиленный полостями в черепе; по носовой кости зазмеились трещины. Но больше ничего вампирша не успела — вторым ударом драколич отбросил её на добрых полсотни шагов. Когда Киния поднялась, то увидела, как Динксианг загрёб Сотэра, и расправил крылья.

— Убрал от него лапы, костлявый!

Киния яростно набросилась на драколича, не позволяя ему оторваться от земли. В свою очередь, отмахиваясь когтями, крыльями, хвостом и клацая зубами, Динксианг не позволял вампирше приблизиться на расстояние удара. Но и не мог отогнать её достаточно далеко, чтобы получить пару мгновений, так необходимых для взлёта. К тому же пришлось выпустить Сотэра, ведь оказалось, что одной лапы маловато, чтобы сдерживать неутихающий натиск Кинии.

Наконец, Динксианг вновь отбросил её, и на сей раз вместо бегства опять решил добить назойливую вампиршу. Киния не успела подняться — драколич прижал её лапой к земле. И раскрыл пасть, собираясь вплотную дыхнуть на Кинию, не жалея запасов чёрного пламени. Вампирша отчаянно брыкалась, однако не могла сбросить хватку.

Динксианга опередил луч магического света, резанувший бок. Пускай Сотэр целиком не сбросил колдовское оцепенение, но всё же приподнялся на локте, и сотворил боевое заклятье. Прожжённые насквозь, три тяжёлых ребра грохнулись на камни. Драколич издал такой рёв, что он поспорил бы с рокотом пробудившегося вулкана. Казалась, сама твердь дрогнула от этого громоподобного звука; эхо от него прокатилось меж горных пиков, провоцируя сходы лавин. Заклятья паладина хватило бы, чтоб спалить многих личей, быть может, даже таких сильных, как Меритра. Но Динксианг устоял перед потоком света, а удерживать его дольше Сотэр не мог, будучи ослаблен как недавними боями с Кинией и прочей нежитью, так и сковывающими чарами.

Тем не менее благодаря неожиданной помощи вампирша вырвалась из смертельной хватки. Не желая больше рисковать, драколич поднялся в воздух. Зависнув на недостижимой высоте, Динксианг принялся поливать огнём пространство вокруг Кинии и Сотэра. Драколич вернулся к старой тактике: зажигая стены пламени, он отрезал пути бегства. Когда вампирша взяла Сотэра на руки, вокруг неё бушевал чёрный огонь. Оглянувшись, она не нашла свободного пространства, через которое можно вырваться из пожара.

— Придётся прыгать, — сказала Киния не то Сотэру, не то себе.

Она понимала, что даже от лёгкого соприкосновения с пламенем оба получат серьёзные раны, но иных вариантов не видела. Прижав к себе Сотэра, Киния закрыла глаза и приготовилась прыгать...

Прежде чем вампирша успела оттолкнуться от земли, оранжевый всполох осветил тёмные клубы. Огненный шар пролетел над языками драконьего пламени, и угодил прямо в грудь Динксианга.

— Вистра! — крикнула Киния.

Во второй раз горы услышали лютый рёв драколича. С новыми противниками он не собирался церемониться. На магическое пламя эльфийки Динксианг ответил собственными пламенем. Чёрная струя полетела туда, где находилась Вистра. Как всегда, выручила Уна, отведя дыхание волшебным барьером. Однако это была самая тяжёлая атака, какую только отражала призрак за всю свою не-жизнь. Опустошив силы, Уна с воплем упала, и скрылась под землёй словно ныряльщик, прыгнувший в воду. Больше надеяться на призрак не приходилось, а между тем Динксианг открыл пасть для очередного захода. Казалось, что в отличие от живых драконов, имеющих ограниченный запас горючей смеси, драколич способен жечь до бесконечности.

Зато Киния не теряла времени попусту. Пока Динксианг отвлекался на подоспевшую помощь, вампирша положила Сотэра, рывком добралась до ближайшего утёса, и вскарабкалась по крутому склону. Кинии не поздоровилось бы, застань её драколич в таком уязвимом положении. Однако сейчас его внимание занято Вистой, к тому же Динксианг опустился чуть ниже — на высоту, достаточную для того, чтобы вампирша могла допрыгнуть.

Он заметил опасность слишком поздно. Совершив головокружительный прыжок, Киния с размаху всадила меч в драконий череп. Клинок вошёл вглубь на более чем половину своей длины. Смертельный удар даже для грозного драколича.

Прежде чем пасть второй смертью, Динксианг успел схватить Кинию, и стянуть её с макушки. В последнем зверском усилии он сжал вампиршу в кулаке, давя внутренности и переламывая кости. Когда драколич рассыпался на части, вместе с ними к земле устремилось обмякшее тело Кинии. Шлёпнувшись на камни, она оказалась погребена под тяжёлыми останками Динксианга.

Глава 21 — Карты на стол

— Госпожа!.. Ты как?!

Сквозь пелену болезненного полузабытья до Кинии донёлся голос Уны, звучащий приглушённо и будто бы издалека.

Эй, вы! Нашла госпожу! Сюда! Она здесь! Пошевеливайтесь! Атти, Вистра!.. Сотэр... Д: и чёрт с тобой, сами справимся.

Уна обладала способностью ненадолго придавать плотность своим рукам, но вот разгрести толстенные кости Динксианга, по охвату мало чем уступавшим древесным стволам, силёнок не хватало.

— Вот здесь... все вместе! И-и р-раз!..

Послышалось надрывное кряхтение.

— Сотэр, знаю, нелегко тебе пришлось, — разобрала Киния голос Вистры. — Но, пожалуйста, помоги немного.

Вампирша не могла знать, откликнулся ли паладин на просьбу или нет, однако через несколько минут тяжесть, сдавливающая грудь, исчезла. Правда, от этого Киния не почувствовала себя лучше. Она с трудом могла пошевелить хотя бы пальцем, голова кружилась, в глазах то и дело темнело, к тому же по всему телу частенько прокатывалась волна жгучей боли, от которой сознание мутилось.

— Мамочки, — простонала Уна. — Плохо дело. Госпожа близка к порогу второй смерти.

— Что же нам делать? — спросила в тон ей Вистра.

— Перетаскивать её нехорошо. Но и отлёживаться здесь тоже небезопасно. Ладно, попробуем-таки перенести к водоёму. Только аккуратно.

Нередко проваливаясь в забытьё, Киния не разбирала, как долго её тащили по горной тропе. Казалось, что целую вечность. Иногда группа останавливалась, чтобы чуть передохнуть.

— Жаль, что исцеляющие заклятья паладина не сработают на нежити, — сказала Уна. — Вернее, сработают, но в обратную сторону.

— Я сам обессилен, — отозвался Сотэр. — А если бы даже мог... не исцелил бы.

Для человека с поломанными костями переноска закончилась бы печально. Однако вампирша, даже будучи смертельно раненой, выдюжила испытание.

— А что дальше-то? — озадачился Атти, когда они с горем пополам доволокли Кинию до воды.

— Бедная-бедная госпожа, — прохныкала Уна. — Пока только ждать, мой мальчик. И молиться, чтобы не обратилась прахом.

— Нельзя нам просто ждать, — сказала Вистра. — Враги ещё могут нагрянуть. Продолжим подготовку обороны.

— Верно молвишь, свечка, — опомнилась призрак.

Тем не менее за весь день преследователи не объявились. Быть может, гадал Атти, они показали нос где-нибудь поблизости, но как узрели останки своего лорда, так потеряли всякую охоту связываться с нарушителями.

— В политике я, конечно, далеко не император Онгхус, — рассуждала Уна. — Но предположу, что вторая смерть костяной ящерицы создаст хаос среди местных. Либо кто-то

из подручных Динксианга развяжет междоусобную борьбу за власть, либо соседи, пользуясь случаем, попытаются оттяпать кусок владений. Надеюсь, тогда о нас забудут, и госпожа получит время на выздоровление.

Четвёрка сотворила добротную сеть охранных заклятий. Но на следующий день ничего из этого не потребовалось. Судя по всему, Уна оказалась права относительно ближайших дел местной нежити.

Киния почти не приходила в себя, мучительно стонала или тихо молвила обрывки бессмысленных фраз.

— Даже если слуги Динксианга не появятся, то всё ещё есть Бесхозная нежить и прочие твари, — сказала Уна. — А между тем рядом труп скота. Привлечёт падальщиков. Я обращаю её в зомби, и прикажу валить подальше отсюда.

— Нет, — отрезал Сотэр. — Сам разберусь.

Уна скривилась, но возражать не стала.

Спустившись, паладин долго стоял над телом разбившейся девушки. Вместо того, чтобы сбросить труп ещё ниже, как ожидала Уна, Сотэр отнёс его в небольшую впадину неподалёку, а затем взялся собирать камни.

— Что он делает? — нахмурился Атти, наблюдая за паладином с высоты утёса.

— Хоронит, — сплюнула Уна... Сделала вид, что сплюнула.

К вечеру Сотэр водрузил на могилу последний камень.

— Я ведь даже не узнал твоего имени, — прошептал юноша.

Поразмыслив немного, он высек на самом большом камне имя «Шела». Непримечательное прозвище, каким нежить часто называла человеческих самок скота. После Сотэр не пожалел сил, чтобы наложить на могилу заклятье упокоения, что должно отпугивать от останков нежить и защитить тело от обращения в зомби.

— Подумать только, это ведь первое погребение за многие десятилетия, — отметил Сотэр, закончив колдовать. — Ещё, быть может, впервые за всю Эпоху тьмы человек даёт имя человеку, не страшась быть наказанным. И уж точно впервые могилу хранят чары упокоения... Ничего. Обещаю, Шела, что верну живым старый и позабытый уклад. Мы снова будем свободны.

Когда Сотэр поднялся к водоёму, то застал всех склонившимися над Кинией. И при появлении паладина все дружно уставились на него.

— Сотэр, — вздохнула Вистра, — я решила дать свою кровь госпоже.

— Чего? — юноша потемнел лицом. — С чего вдруг?

— Она умирает, несносный ты мальчишка! — крикнула Уна.

— Пускай, — Сотэр как бы невзначай положил ладонь на рукоять меча. — Разве не нам же лучше? И Вистра, прекрати называть Кинию госпожой.

— Ах ты!.. — Уна выгнула спину словно разъярённая кошка.

— Осторожнее, призрак, — медленно произнёс паладин. — Ты теперь совсем одна. Не думай, что можешь помыкать нами, как раньше. Если нужно, я в силах справиться с тобой, а потом и...

Сотэр многозначительно кивнул в сторону вампирши. Уна тихо шипела, сжимая и разжимая кулаки.

— Не понимаю тебя, сестра, — паладин снова обратился к эльфийке, — Почему так самоотверженно служишь Кинии? Она не отвечает нам той же привязанностью. Мы для неё лишь инструменты. Взломщики. Отмычки, которые вампирша выбросит после

использования. Только для этого она воспитала нас. Да и то нам повезло получить силу. Задумайся, на месте Шелы, — Сотэр показал пальцем на обрыв, — мог оказаться любой из нас! Любого из нас с детства могла так запытать Киния, при этом не почувствовав и толики сострадания! Так почему, Вистра? Откуда это раболепство? Воспитание? Ты привыкла к этому? Но поверь...

Юноша сделал шаг и протянул руки к эльфийке.

— Поверь, можно иначе! Можно стать свободными!

— Я тебе верю, — спокойно ответила Вистра, оторвав взгляд от лица вампирши. — Верю, что можно иначе. Но помимо веры есть здравомыслие, Сотэр. Госпожа... Киния, если угодно!.. Предупреждала, что мы не выживем в мире без её водительства. Можно было подумать, что она запугивает, но... буквально так и оказалось! Стоило вам с Атти уйти, как сразу же попались в лапы врага! Получается, в её предостережении не было лжи. Я не представляю, как мы выживем без поддержки госпожи и Уны. Про какую свободу ты говоришь, если лишился всякой свободы всего через полчаса бегства?.. Потому я поделюсь кровью, чтобы госпожа восстановилась, и снова защищала нас.

— Добавь сюда ещё то, что без меня вам придётся о-очень долго искать путь к Источнику, — Уна самодовольно скрестила руки на груди. — Я пока единственная, кто побывал там.

Сотэр не оспаривал сказанное Вистрой. Однако по выражению лица было нетрудно догадаться, что паладин пока далёк от согласия.

— Сотэр, — от оправданий своего поступка Вистра перешла в нападение. — Даже если намерения госпожи далеко не чисты. Но она спасла тебя от ужасной участи! Ценой смертельных ранений защитила тебя и всех нас от Динксианга! Как бы она к тебе ни относилась, именно госпожа стала твоим проводником на пути света; именно госпожа помогла сделать первые шаги. Да, путь был кривым, но без этого ты бы не прошёл посвящение. Так что будет честным не только мне делиться кровью. За тобой, Сотэр, тоже должок. Делись и ты.

— Мне, паладину, напоить вампира? — замялся Сотэр. — Ну-у... допустим. Я признаю что ты во многом права, сестра. Благодаря Кинии я пошёл путём рыцаря света; она спасла меня — признаю очевидное. Но что нас ждёт в конце путешествия? Думаешь, когда вампирша изгадит Источник, она позволит непокорному паладину быть рядом с собой? Думаешь, позволит мне или нам мирно пойти куда глаза глядят? Нет. Мы слишком опасны и слишком не вписываемся в этот мир. Да и не хочется мне, чтобы чудовище стало сильнее, осквернив и выпив Источник, в котором может быть незамутнённая сила света...

— Я... не хочу... его... выпить.

Киния чуть приоткрыла глаза и говорила, едва разлепляя бледные губы.

— Госпожа! — воскликнули одновременно Вистра и Уна.

— Я не хочу выпивать... Источник, — повторила вампирша. — Я хочу... с помощью него... заново хочу... обрести... жизнь. Хочу... стать... живой... Сотэр.

Киния склонила голову набок, опять теряя сознание.

— Стать... живой? — опешила Уна. — Разве такое возможно?

Взломщики переглянулись, будто молчаливо спрашивая друг у друга, правда ли они слышали одни и те же слова.

— Должно быть, предсмертный бред, — вырвалось у Сотэра. — Вы сами слышали, сколько странностей она наговорила за это время.

Помедлив, Вистра села рядом с Кинией, аккуратно положила её голову себе на колени, после чего закатала рукав. Примеру эльфийки последовал друид, обнажив запястье.

— И ты, Атти, — буркнул Сотэр.

Вистра поднесла руку к губам Кинии. Поначалу вампирша не реагировала, но через минуту сомкнула зубы на запястье, похоже, так и не придя в себя. Эльфийка поморщилась, и чуть повернула руку, чтобы ни капельки не пролилось мимо рта. Сотэр бродил вдоль берега, то и дело бросая взгляд на Вистру.

— Ладно! Будь по-вашему, — тряхнул головой паладин. — Я поделюсь кровью. Но не думайте, что делаю это ради неё. Ради вас! Вас двоих не хватит, чтобы напоить её без ущерба для себя. Не хочу, чтобы вы ослабли... Вистра, достаточно, ты много отдала.

Как только состояние Кинии чуть улучшилось, взломщики покинули лагерь у водоёма. Их пока не беспокоили, однако рядом драконьи кости — ценное вещество для алхимических трудов. Иногда у останков Динксианга появлялись зомби, которые по указанию некромантов взваливали кости на плечи, и тащили груз в замок.

Новую стоянку обустроили в небольшой пещере, чей зев открывался на склоне соседней горы. Судя по клочкам шерсти и останкам в углах, здесь когда-то было логово падальщиков, возможно, волков.

— Фух, нести её было тяжело, — вздохнул Атти, когда взломщики уложили Кинию в пещере. — Хорошо, если нас не сгонят с насиженного места. Ещё одного такого перехода я не выдержу.

Раньше призрак охраняла бивак, а вампирша охотилась. Но когда закончились старые запасы пищи, собранные Кинией, взломщикам впервые пришлось покинуть лагерь для того, чтобы самостоятельно добывать дичь. Чаще всего получался такой расклад: Вистра и Атти охраняли вампиршу, тогда как Уна выслеживала и загоняла животных, а Сотэр убивал.

— Пришла пора деточкам взрослеть, — посмеялась призрак, когда изнурённый паладин притащил горного козла в пещеру.

В этом случае Сотэр не закалывал животное — Уна попросту столкнула его с высокой скалы.

— Зато узнаете цену самостоятельной жизни, — поучала призрак. — Это я ещё помогаю, мальчишка. А представь, каково искать мясо самому, и гоняться за ним по горам. И как ты только без матушки справляться думал?

Естественно, нередко приходилось драться. Как Сотэру, встречавшему на охоте Бесхозную нежить, так и эльфам, защищающим пещеру от посягательств зверья и прочих тварей. Но после всех пройденных битв волки, зомби и скитающиеся привидения не представляли особой угрозы.

Вечерами, если все не проваливались в сон от смертельной усталости, Сотэр рассказывал про видения, в которых узрел мир Эпохи света. Больше не было нужды таиться и ограничивать себя черчением на земле коротких фраз. А посему паладин мечтательно говорил о городах, лесах и солнце, в описании не жалея красок. Иногда Уна вставляла в рассказ уточнения, когда нахваливая прошлую жизнь, а когда отзываясь о былом с презрением. Как-то речь зашла о простолюдинах и аристократах, и тогда призрак упомянула историю Кинии:

— Ковентины — знатный и богатый род, в Эпоху света державший земли, что сейчас известны как Вольные княжества. Само собой, чтобы упрочить союзы, отцы благородных семейств заключали между отпрысками выгодные браки. Подобная участь ждала и нашу госпожу. Но куда раньше в запретную связь её втянул один лорд, который разглядел в юной Кинии Ковентине магический талант, а может, и ещё какие дарования. Оный господин, как несложно догадаться, оказался высшим вампиром, умело скрывающим свою суть. Он передал девице бессмертие. В таком состоянии госпожа уже никак не могла родить. В отличие от меня бедняжка так и не познала радость материнства! Ещё до свадьбы вампир-наставник подстроил побег. И после тайно обучал госпожу премудростям вампирского существования. Когда же началась Война затмения, наставник пал...

Взломщики наперебой засыпали Уну вопросами о прошлом Кинии. Они не могли поверить, что когда-то вампирша дышала точно так же, как и они. А может, даже была добрее и мягче. Но больше ничего содержательного о живой Кинии призрак не знала.

Высшая нежить обладала невероятной выносливостью, однако не пренебрегала медициной. Правда, по своим методам она иногда сильно отличалась от скотской ветеринарии. Взломщики не разбирались во врачевании нежити, но кое-что в этом понимала Уна. Однажды она вручила Сотэру кинжал:

— Чтобы госпожа быстрее выздоравливала, под моим руководством займёшься лечением.

— Почему я? — упрямылся паладин. — Пускай Атти кромсает.

— У тебя рука привычна к резке плоти, — настаивала Уна. — Набрался опыта на свеживании.

Сотэр с явной неохотой сел около Кинии, и по указу призрака делал надрезы там и тут. Вскрыв мышцы, вправлял кости, а мелкие костяные обломки вытаскивал.

— Неплохо держишься для смертного, — одобрила призрак. — Боялась, что тебя мутить начнёт.

— Не впервой. Однажды Киния заставила меня сунуть руку ей в рану. Видать, готовила к сегодняшнему.

Так протекали день за днём, состоящие из охоты, сотворения и поддержки защитных чар, врачевания, кормления кровью и боёв с Бесхозными. К третьей неделе Киния редко теряла сознание, но вот пошевелиться по-прежнему не могла, и говорила с трудом, за весь день ограничиваясь двумя-тремя короткими фразами.

— Спасибо... Сотэр, — выдавила вампирша, когда он поделился кровью.

Приложив тряпку к запястью, смущённый паладин поспешно отошёл. Благодаря молодой крови одарённых магов Киния быстро поправлялась, хотя смогла самостоятельно сесть только через месяц лёжки в пещере.

— Ещё никогда мои руки не были столь слабенькими, — проворчала Киния. — Ну что ж... Пора продолжить малоприятный разговор, который начался раньше, чем я планировала, но затянулся до неприличия.

Вампирша помолчала, собираясь с мыслями.

— Уна, ты верна мне?

— До самого конца, госпожа! — заверила призрак.

— Хорошо... Сотэр. Время для признаний. Ты открылся мне, пускай и в гневе, в мятеже. Стало быть, моя очередь откровенничать. То, что я сказала тогда, — что хочу заново обрести жизнь — это не было произнесено в бреду. Я правда хочу почувствовать себя живой.

Предполагаю, что Источник, до которого нам осталось рукой подать, способен вернуть дыхание. Я давно испытываю страдания от того, что являюсь нежитью.

— Но разве Источник может обладать силой воскрешения? — удивился Атти.

В ответ Киния поведала о прочитанном в балладе; о том, как проводила расследование и посылала на разведку Уну.

— Как видите, в этом баллада согласуется с действительностью — Источник существует в том самом месте, — продолжала Киния. — Смею полагать, что и вторая часть баллады правдива: Источник обращает нежить в живое. Вот в чём я вижу цель экспедиции. Я не собираюсь осквернять и опустошать Источник. Кто знает, может в нём заключаются возможности вернуть жизнь не только мне, но и бесплодному миру. Надеюсь, моя мечта найдёт отклик в ваших душах. Вы ведь тоже хотите, чтобы в мире появилось чуть больше других цветов...

— Почему же ты не открылась нам раньше? — спросил Сотэр.

— Потому что хотела предугадать отношение к этому... Уны, — Киния повернулась к призраку. — Вот ты и узнала мои намеренья. Помнится, ты говорила, что Высшая нежить настолько превосходит скот, насколько человек — курицу. Каково узнать, что госпожа собирается превратиться в скот?

— Хм, не скажу, что меня это сильно удивляет, — смущённо ответила Уна, тщательно подбирая слова. — Многие годы я была единственным свидетелем того, как во сне ты восклицаешь о чувствах, вкусе и дыхании. Я вижу, сколь тяготит тебя вампирское существование, и как ты привязана к вещам, напоминающим об Эпохе света. Не особо удивлена. Понимаю.

— И всё ещё считаешь меня госпожой? — допытывалась Киния. — Не кажется ли тебе, что будет вернее сдать обезумевшую вампиршу и взломщиков какому-нибудь лорду? Тебя щедро наградят за это.

— Обижаешь, госпожа. Я осталась с тобой, когда ты потеряла владения и титулы. Я из мертвяков старой закалки, для которых клятва верности кое-что да значит. Потому пройду с тобой весь путь. Госпожа. В конце концов, это необычно и весело.

— Весь путь... А когда и если я стану живой, то клятва потеряет силу. И после ты можешь сдать всех нас с потрохами, так ведь?.. Ну, на самом деле, большое тебе спасибо и за то, что доведёшь нас до Источника.

Повисла тишина, пока взломщики осмысливали услышанное. Сотэра по-прежнему одолевали сомнения. «Больно легко Уна приняла откровение вампирши, — думал паладин. — А вдруг это коварный и давно подготовленный план нежити, чтобы добиться нашего добровольного участия?»

— Не понимаю... не понимаю...

Похоже, признания Кинии поразили эльфийку больше всех. Она непрестанно качала головой, повторяя одно и то же.

— Вистра? — забеспокоился Сотэр.

Я не понимаю, госпожа! — эльфийка вскочила. — Ты говоришь, что страдаешь, будучи Высшей нежитью. Но став живой, ты будешь страдать ещё больше! Многократно больше! Ты прекрасно понимаешь, как угнетены живые в этом мире. Так какой прок от возвращения к жизни? Нет, не просто к жизни. К скотскому существованию!

Вистра сорвалась на крик.

— Тебе ведь незнакомо, что значит быть скотом! Уна рассказала, что в Эпоху света ты

была благородной. И получается, не знала настоящих лишений, притеснений, бедности и голода. Но каждый день и каждый час скота состоит из этих страданий. Твои представления о том, что такое быть живым — сказка! Ты, как и Сотэр, овеваешь прошлое обманчивой красотой.

— С чего ты взяла, что я делаю так? — возмутился паладин.

— Потому что описываешь Эпоху света так, словно она лишена забот и жестокой борьбы за существование, — Вистра затравленно озиралась, будто опасаясь, что на неё в любой момент нападут всей гурьбой. — По книгам, написанным живыми, я знаю, что и в Эпоху света существовало угнетение, и простолюдины едва сводили концы с концами. Жизнь большинства людей ценилась немногим больше, чем жизнь сегодняшнего скота. Люди тысячами гибли от войн и болезней. К такому существованию ты хочешь вернуться, госпожа? Зачем? А что будет с нами в этом случае?!

— Твои слова во многом справедливы, Вистра, — произнесла Киния усталым тоном. — Даже будучи живой я никогда не знала настоящих человеческих страданий. Но зато мне были знакомы те наслаждения, что доступны каждому живому. Я созерцала красоту природы, — вампирша посмотрела на друида. — Наслаждалась солнечным теплом, — она повернулась к паладину. — Познала семейную доброту. И ещё тысячу других малых радостей. Верю, что это уравнивает любые человеческие бремена... Да, ты права, настоящих тягостей живых я не знала. Но зато мне знакомы страдания нежити. И если человеческая боль, какой бы сильной она ни была, в итоге закончится, то страдания нежити вечны. Озлобленность, бесчувственность, необъяснимое беспокойство, и многие другие внутренние терзания преследуют даже спустя целый век. Это кажется нескончаемым приговором; темницей, из которой нет выхода. Иногда я даже подумывала о самоубийстве. Уверена, что среди Высшей нежити такие мысли приходят не только в мою голову. Хотя едва ли кто-то из Первого поколения признается в этом. Потому, Цветочек, я давно ищу способ вернуть жизнь. И вовсе не хочу жить, как рабский скот, и вам такой участи не желаю. Быть может, у Источника мы найдём силу для того, чтобы изменить мир, и защититься от любых лордов, королей и императоров.

От Кинии не укрылось, что Вистра порывается спорить дальше. Но эльфийка резко прекратила разговор и уселась лицом к выходу. Больше ничего не говорила, замкнувшись в своих переживаниях. Только частые вздохи Вистры свидетельствовали о душевных метаниях.

— Правда озвучена, — сказала Киния. — Все выложили карты на стол... Хотя о чём это я, вы же никогда не играли в карты. В общем, все раскрыли свои стремления. Все не раз рисковали, спасая друг друга. Вы могли бы убить меня или просто уйти. Но предпочли остаться и помочь. После этого можете больше не называть меня госпожой. Вы здесь добровольно. Вы свободны. Буду рада, если вместе продолжим путь. Если согласны, то, как только встану на ноги, отправимся в долину неподалёку. Там Атти пройдёт посвящение.

Глава 22 — Коралловый риф

В поисках эха старой магии группа блуждала по Проклятому Проклятыми, но всё же нашла силу для посвящения паладина, пускай и через бой с тварью из небытия. Когда Атти, будучи мальчишкой, налаживал духовную связь с природой, то медитировал на мёртвой поляне, бродил по сухому лесу, и таки вышел к месту, что пробудило способности к друидическому волшебству. В обоих случаях на это ушло не более нескольких часов. На сей раз группа целыми днями без толку шаталась по долине, где, как уверяла Киния, в Эпоху света росла священная для друидов роща. Правда, в Эпоху тьмы здесь не было даже намёка на пеньки, только серая земля, местами покрытая мхом, а местами скрытая чахлыми травами.

— Нехорошо так долго находиться на одном месте, — ворчала Уна. — Мало что ли мы в пещере сидели? Не ровён час, приметит нас кто-нибудь. Уж недругов, имеющих к нам должок, мы нажили немало.

— Мне надоело тут не меньше твоего, — раздражённо ответил Атти. И повернулся к вампирше, — Бесплезно. Не чувствую магии природы. Тот самый лес с речкой, где я медитировал в детстве, хотя бы отвечал на призыв. Я слышал его шёпот. А здесь просто тишина.

— Хочешь сказать, что я ошиблась в расчётах? — спросила Киния.

— Нет-нет, не это хотел сказать, просто... — начал оправдываться Атти, но смолк, когда вампирша махнула рукой.

По старой привычке друид отчитывался перед Кинией, хотя с того откровенного разговора больше не называл её госпожой. С другой стороны, не мог заставить себя произнести имя вампирши, из-за чего диалог с ней порой звучал до чудаковатого обезличено: Атти изворачивался в словах, как бы обращаясь ко всем сразу, но стремясь прежде всего привлечь внимание именно Кинии. Только Вистра и Уна не изменили привычке, говоря с вампиршей как и встарь. Сотэр невозмутимо и вызывающе фамильярничал с Кинией, бесцеремонностью повергая в смущение остальных взломщиков. Не считая нужным советоваться с госпожой, он мог единолично решить, где и когда группа устроит на привал. Не отказывал себе в удовольствии язвить перед Кинией, спорить с ней; делать вид, что не слышит её обращений, и вообще Сотэр всячески подчёркивал новообретённую свободу.

— Только не впади в гордость и высокомерие, дитя, — ухмылялась вампирша. — Грешно для паладина и катехизисом запрещено.

— Не тебе рассказывать про высокомерие и катехизис, — огрызнулся Сотэр.

— Ладно, оставим препирательства, — успокаивающе произнесла Киния, прежде всего осаживая свой гнев, — лучше обдумаем, что делать с посвящением. Похоже, тут его Атти не найдёт. К тому же не могу не согласиться с Уной: бродить здесь дольше становится опасным.

— Так может без последнего посвящения взломаем печать? — призрак нетерпеливо посмотрела на гору.

Ту самую, в недрах которой сокрыт Источник. Её подножие примыкало к долине со священной рощей друидов, ну, или некогда рощей. «Совсем рядом цель, и будет обидно, если не получится переступить порог из-за последнего штриха, — подумала Киния».

— Стоит попробовать, — тем не менее сказала она. — Возражений нет?

Подобно друиду, вопрошая вроде бы всю группу, Киния на деле обращалась всего к одному лицу — Сотэру. Немного поразмыслив, он кивнул. Более не задерживаясь группа отправилась к горе, следуя за Уной.

— Даже не верится, что мы в конце путешествия, — покачал головой Атти. — Мне уж подумалось, что оно бесконечно. Но вот она, гора, перед нами.

— Гора... — вздохнула Вистра. — Может, наконец, дадим ей название, а? Не пристало такому важному для нас месту и дальше оставаться безымянным.

Повисла пауза, пока все обдумывали название.

— Гора... надежды? — предложил Сотэр.

— Гора надежды в Угрюмом хребте, — хохотнула Киния. — Эй, не криви лицо, Сотэр. Я вовсе не насмехаюсь, название и впрямь подходящее. Мне нравится.

— Стало быть, Гора надежды, — торжественно провозгласила Уна. — Ибо все желают воплотить там свои мечты... Хотя для этого было бы правильнее назвать её горой чудес.

Призрак вела группу вдоль подножия, пока взорам не открылась небольшая морская бухта с высокими скалистыми берегами. Атти замедлил шаг, всё больше отставая от прочих, а потом и вовсе остановился.

— Что такое, брат? — поинтересовался Сотэр.

— Как далеко отсюда вход к Источнику, Уна? — вместо ответа спросил друид.

— Около дня пути, дитя, — отозвалась призрак.

Больше Атти ничего не говорил, только смотрел на бухту, откуда в лицо задувал ветер, принося солоноватый сернистый запах.

— Если ты устал, то это не лучшее место для лагеря, — отметила Киния. — Давай доберёмся хотя бы во-он до туда.

— Нет, дело не в усталости, — промолвил Атти, неотрывно смотря на воду. — Просто я думаю... Ну, вы могли бы подождать меня поблизости, пока я спущусь туда.

Эльф показал в сторону бухты.

— Что ты думаешь там найти? — вампирша теряла терпение. В былые времена она попросту встряхнула бы Атти, заставив его немедленно выложить всё начистоту, но теперь приходилось сдерживаться. — Объясни наконец!

— Вдруг я почерпну силу природы у воды, — нерешительно произнёс друид.

— Для этого нужны места, в которых долго творилась родственная тебе магия, — сказала Киния. — Насколько мне известно, в той бухте не было никаких орденских башен или святилищ. Следовательно, там не пройти посвящение.

— И всё же... Я прошу дать мне немного времени, — Атти повернулся к вампирше. — Всего один денёк! А потом пойдём к Источнику.

Киния упёрла руки в бока — идея вампирше явно не нравилась. Она открыла рот, собираясь возразить, но её опередил Сотэр:

— Хорошо, Атти. Сделаем, как хочешь.

— Л-ладно, — Киния картинно повела рукой, будто изначально хотела выразить согласие. — Только ждать Атти где-то в стороне мы не будем. Я уж точно пойду к бухте. Не хочу оставлять тебя одного, пока медитируешь — небезопасно...

«Жаль, что в том чёртовом лесу считала иначе, — зло подумал эльф».

Через пару часов они вышли на каменистый берег — одно из немногих мест в бухте, где можно подступиться к воде. В других местах волны бились о круто поднимающиеся скалы.

Пока все располагались на уступе в сотне метров от берега, Атти уселся на камни у края прибоя. Холодные брызги кололи лицо, заставляя эльфа морщиться, однако он не отворачивался, не склонял голову, не закрывал глаз. Волны почти докатывались до его ног, и отступали, оставляя меж камней серые лужицы. Чайки кружили над головой, напомнив Атти тот день с медитацией в мёртвом лесу, когда сверху будто бы с насмешкой взирали вороны, каркающие ругательства.

И, как в тот день, погружение в транс не помогло почерпнуть магическую силу. Единственное, чего удалось добиться — промокнуть с головы до ног. Поёжившись, Атти встал.

— Бесполезно, — прошептал эльф. — Бесполезно на берегу.

Несколько минут друид, собираясь духом, смотрел на гребни крутобоких волн. А затем пошёл навстречу прибою. Первые шаги сделал решительно, но как только вода залила сапоги, холодя ноги, а поступь стала неверной из-за кривого дна, Атти замедлился.

— Смотри не простудись, водопляс! — крикнула Уна, привлекая к эльфу всеобщее внимание.

Когда он зашёл в воду по пояс, задрав руки и стуча зубами от холода, высокая волна ударила Атти в грудь. Пытаясь удержаться, он повернулся боком. Ноги всё равно оторвало ото дна, друида опрокинуло на спину. Вынырнув, он часто задышал и ошарашенно оглянулся. Однако хоть это остудило первоначальный пыл, Атти сжал волю в кулак, и всё-таки заставил себя продолжить путь на глубину.

— Эй, чего удумал! — крикнула Вистра.

Все повскакивали, и направились к берегу — кто быстрым шагом, а кто бегом. Друид не повернулся на окрики. Вода доходила уже до ключиц.

— Утонешь, глупый! — Киния не на шутку забеспокоилась.

Следующая волна поглотила Атти с головой. Дрыгая ногами, он не мог нащупать дно. Глаза обожгло, влагала попала в нос и рот. Бешено дёргая руками, эльф всплыв, судорожно вздохнул и услышал вопли с берега. Кажется, кричал Сотэр, заверяя, что спешит на выручку. Атти не разобрал всех слов, потому что очередная волна потянула вниз. Первобытный ужас перед глубиной смыл первоначальный настрой эльфа, оставив только два неудержимых стремления — всплыть и дышать!

Когда грудь сдавило спазмами, в глазах потемнело, а всё существо охватило смертельное отчаяние, многое вдруг переменилось. На пару секунд паникующему эльфу даже показалось, будто его вытащили на мелководье. Зрение восстановилось, получалось дышать и холод отступил. Вот только всё вокруг затянуто сплошной зелёной дымкой, а ноги по-прежнему не упираются в дно.

«Я до сих пор под водой! — сообразил Атти. — Но почему... дышу?»

Задрав голову, он увидел сквозь трепещущую рябь серые облака, а бросив взор под ноги — песчаное дно, напомнившее о краях Та-Мерита.

«Может, я в предсмертном бреду? — как ни странно, Атти успокаивался, от беспорядочных рывков переходя к плавным неторопливым движениям. — Или Сотэр вытянул меня на берег, лечит заклятьями, и всё мне только привиделось».

Но сохранялась та же острота ощущений, что бывает наяву, да и мысли текли слишком последовательно для бредового состояния. Сосредоточившись, Атти почувствовал, как его обволакивает сеть чар.

«Неужто удалось произвольно сотворить заклятье, что позволяет дышать? — дивился

друид, мысленно ощупывая магические нити. — Тепло. И обзор-то какой хороший».

Страх окончательно отступил перед любопытством, и Атти поплыл вглубь. Достигнув дна, он направился в сторону открытого моря, судя по опускающемуся пологому склону. Друид то плыл, то передвигался скачками, и часто останавливался, чтобы изучить нагромождения глыб, заросших морским мхом.

Боковым зрением эльф заметил, как справа промелькнуло нечто тёмное и продолговатое.

«Что там?! — встревожился Атти. Обернувшись, он никого не обнаружил. — Я здесь совсем один, в чуждом месте. Тут ведь может быть небезопасно».

Вскоре обнаружилось то, что его напугало: всего-навсего рыба в локоть длиной. Она плавала вокруг, не выказывая опаски, и рассматривая странного гостя немигающим чёрным оком.

«Привет, рыба, — эльф улыбнулся. — Ты похожа на своих дальних родственников из рек».

Она скрылась за зелёной хмарью, на прощанье махнув широким хвостом. В этот момент эльф обнаружил, что безмятежность вокруг на самом деле бурлит жизнью: под морским песком прячутся моллюски, креветки и множество других донных животных. Проплыв чуть дальше, Атти встретил здоровенных крабов, что маршировали, вытянувшись длинной вереницей. Попадались уже не просто одинокие рыбы, а целые косяки, кружащие словно серебристые ураганные воронки. Завороженный этим зрелищем, эльф потерял всякое чувство времени, и не мог сказать, как долго плывёт по дну, и насколько отдалился от берега.

Прежде слух Атти не улавливал никаких звуков, кроме шума от колебаний воды. Но вот морскую толщу прорезал звук, похожий на смесь протяжного воя и свиста, который на последней ноте перешёл в щебет. Ничего хоть отдалённо похожего друид не слышал на поверхности. Необычный зов повторился, только к нему добавились щелчки и клёкот. После серии «свистов» заинтригованный Атти поплыл на звук.

Остановился, когда заметил впереди силуэты, напоминающие человеческие: расплывчатые контуры головы, плеч и будто бы рук, только очертаний ног не видно. Атти запоздало сообразил, что сам находится на виду, и лучше бы вести осмотр спрятавшись за ближайшими валунами. Однако претворить замысел в жизнь не успел — фигуры поплыли к нему с разных сторон.

Не успел эльф опомниться, как обнаружил себя в окружении диковинных существ. Верхняя часть туловища у них и впрямь была человекообразна, только вот за плечами и вдоль рук виднелись длинные плавники с радужным отливом. А вместо ног тянулся длинный змееподобный хвост. Кожа была зелёного цвета, местами переходя в красный оттенок. Хотя на лицах существ не выступали носовые горбинки, Атти приметил ноздри. От взоров немигающих глаз, лишённых всякого выражения, словно в глазницах поблескивали стеклянные камни, друиду сделалось не по себе. Вместо волос головы украшали разветвляющиеся гребни — то ли для хранения воздуха, то ли для лучшего маневрирования под водой; впрочем, возможны оба варианта одновременно.

Все существа носили одежду: чешуйчатые нагрудники и пояса, на которых болтались сумки и цветастые полотна; а на шеях и запястьях жемчужные или костяные украшения. Перепончатыми пальцами морские люди сжимали копья и мечи, напоминавшие хопеши, что Атти видел у анубитов в Та-Мерите. Правда, эти клинки больше подходили для того, чтобы

колоть и резать — оно и понятно, ведь рубить под водой несподручно. У одних оружие выглядело как деревянное, а у других отражало свет как стальное. Хотя как на глубине разжечь кузнечный горн, чтобы плавить металл, и как бить по наковальне, учитывая сопротивление воды?..

Существа переговаривались между собой всё на том же причудливом «свистящем» языке, а может и пробовали обратиться к Атти — он не понимал. Его вообще крайне напрягало то, что по манере движений трудно определить их настроение. Дружелюбие? Любопытство? Настороженность? Враждебность, и тогда нужно готовиться к обороне? Во всяком случае, пока в его сторону не направляли кончиков мечей и копий.

Змеиный человек отделился от общей группы и медленно поплыл к Атти. Существо не носило оружия, однако встревоженного эльфа так и подмывало сотворить защитное заклятье. Он сдержался, опасаясь резкими движениями спровоцировать змеелюдей на атаку. Существо подплыло к друиду вплотную, и протянуло руку к его голове.

«Приветствие?.. Или собирается душить?!»

Перепончатые пальцы коснулись виска Атти. И тогда он почувствовал, как сила вливается в заклятье, что позволяло дышать. Пришло осознание, что волшебство, поддерживающее воздушный пузырь, почти иссякло, а змеиный человек вновь укрепил чары. Это чуждое понимание просочилось в разум словно извне, как если бы существо передало свои мысли вместе с прикосновением.

«С-спасибо, — Атти кивнул, не будучи уверенным, что существо слышит его мысли. — Кто вы?»

Повторное касание породило в сознании друида целый каскад мысленных образов и звуков. Среди них эльф не разобрал, как называется морской народ, ибо их самоназвание было не произносимо для жителей поверхности, как и имя «собеседника». Потому Атти про себя нарёк его Шрамом из-за борозды у подбородка, а всех в целом решил без лишних затей определять как змеелюдей. Зато через незримое сообщение эльф выяснил, что морской народ ничуть не меньше поражён встречей, ведь им известно, что вымерли почти все обитатели поверхности, и они больше не проявляют себя в морском промысле; порты заброшены и корабли давным-давно не курсируют. А тут вдруг сухопутный пожаловал, да ещё показал себя водным чародеем. Сам Шрам являлся одним из немногих среди своего народа магов разума, благодаря чему имел способность обмениваться мыслями.

В Эпоху света змеелюди избегали встреч с жителями поверхности, а иногда даже топили их суда. Но теперь, как «сказал» Шрам, раз сухопутные вымирают, и с ними больше нечего делить, он хочет видеть Атти гостем в морском поселении, чтобы подробнее разузнать о делах в глубине большой земли. Пришло понимание, что это высокая честь, ведь за целые тысячелетия из обитателей земли лишь единицам дозволялось увидеть, как живут змеелюди.

Однако прямо сейчас они не могут вернуться домой, ведь группа Шрама плавает тут не праздну: они выслеживают неких чудовищ, что наводят ужас на всё море. Маг разума предложил друиду присоединиться к охоте. Позабыв про соратников, которые наверняка томятся неизвестностью из-за пропажи друида; забыв, зачем вообще сунулся в море, Атти был не в силах отклонить предложение, страстно захотев побольше узнать о змеелюдах. Кроме того, эльфа обуюл интерес и по другой причине: впервые встретилось целое общество живых, свободных от нежити. Любопытно посмотреть, как они самостоятельно ведут уклад.

Пока отряд скользил по морской равнине, друид всё порывался «расспросить» о

подробностях, но не знал, с чего начать. «Так вы... рыбы? — мысленно произнёс Атти, тут же смутившись от того, насколько по-дурацки должен звучать вопрос».

В ответ Шрам донёс, что несмотря на плавники и хвосты у змеелюдей куда больше общего с обитателями земли, чем может показаться на первый взгляд. Как и сухопутным, морскому народу нужен воздух, из-за чего змеелюди ненадолго всплывают на поверхность. Или же заклятьями вызывают водовороты, что доставляют воздух по воронкам прямо в объёмные резервуары поселений. А ещё, «говорил» Шрам, наши дети, как и ваши, питаются молоком.

Друид отметил, что змеелюди не имеют понятных ему половых различий, вроде выступающей груди или волосяного покрова на лице. Не беря в учёт одежду и украшения, представители морского народа отличались друг от друга размерами и особенностями расцветки. Но имеет ли это отношение к половой принадлежности? Атти не знал, а «озвучить» вопрос Шраму почему-то жутко стеснялся. И впадал в ещё большую неловкость из-за непонимания, к кому относить Шрама — к мужчине или к женщине.

Отряду встречались целые холмы из белых наростов самых разных форм, некоторые из которых напоминали Атти кустарники. Но если друид чувствовал жизнь наземных растений, то здешние «леса» были не живее морских валунов. Шрам передал Атти образы того, как выглядели эти места в Эпоху света. На минуту белые наросты поразили взор эльфа всевозможными цветами, а меж ветвей заскользили сотни рыб, будто соревнуясь друг с другом в яркости и узорчатости окраса. По «словам» чародея разума так пестрили коралловые рифы в Эпоху света, но после Войны затмения, из-за которой скрылось солнце и стало холоднее, светочувствительные коралловые полипы и водоросли вымерли, а вместе с ними сошло на нет и животное многообразие мелководья.

Однако хоть и с запозданием, изредка в некоторых кораллах Атти друидическим чутьём улавливал жизнь. Слабенькую и будто бы погружённую в глубокую вековую спячку, но всё же — жизнь.

«В моём детстве Киния говорила, что подводная природа пострадала гораздо меньше наземной, — вспомнил Атти, когда развеялись образы, навеянные Шрамом, и кораллы вернулись к выцветшему состоянию. — Есть правда в её словах. И всё же она недооценила влияние Эпохи тьмы. Море тоже получило тяжёлые раны, от которых до сих пор не оправилось».

Отряд достиг крутого обрыва, за которым простиралась тёмная бездна. Змеелюди без колебаний поплыли над непроглядной тьмой, тогда как Атти всплыл повыше, и с трепетом посматривал вниз, гадая, насколько глубоко уходит океанический разлом. Как оказалась, тревожился не зря.

Из бездонного мрака сокрушительной волной пронёсся грохочущий рёв, и легко было поверить, что он достигнет самых дальних окраин моря. Казалось, будто сами океанические недра вопят, грозя миру поверхности абсолютным разрушением. Атти в панике схватился за уши, но куда больше досталось змеелюдям, которые зашлись какофонией болезненных «свистов» и мучительно извивались. Видимо, нечто из тьмы издавало звуки ещё и на нотах, неразличимых для эльфа, однако тяжёлых поражающих слух морского народа.

Только Шрам умудрился сохранить самообладание. Более того, он сотворил заклятье, которое защитило разум сородичей от душераздирающего вопля, и внушило окружающим, включая Атти, уверенность. Придя в себя, змеелюди рассредоточились, и направили оружие вниз.

«Мы нашли тварь, за которой охотимся, — донёс Шрам».

Вновь море наполнила тишина, хотя в ушах друида всё ещё звенело. Он, как и все, напряжённо вглядывался в бездну, стараясь различить во тьме движение. И застал момент появления серой громады, что всплывала из мрака. Титанических размеров чудовище широко раскрыло зубастую пасть, намереваясь поглотить стаю мальков, каковыми были по сравнению с ним змеелюди. Они поплыли кто куда, уходя с пути гигантской твари, но не все успели ускользнуть. Обширный зев неодолимым водоворотом втягивал воду, а вместе с ней тех воинов морского народа, которым не повезло оказаться поблизости. Сомкнулись исполинские челюсти, поглотив нескольких змеелюдей.

Атти избежал участи быть съеденным заживо, однако, когда туша, размером с целую крепость, пронеслась мимо, идущая следом волна понесла его далеко в сторону. Друид барахтался, пытаясь совладать с течением, и слышал «свист» змеелюдей. Перекликались ли они, организуя контратаку, или же вопили от ужаса — Атти не мог даже предположить. Наконец соладав с волной, он обнаружил себя недалеко от уступа с обрывом в бездну. Как выяснилось, змеелюди пытались подплыть к чудовищу сбоку или снизу, чтобы распороть толстое брюхо.

Отсюда Атти получше разглядел здоровенную тварь. Он узнал в ней кита — мёртвого, судя по внушительным кускам плоти, что болтались вдоль тела.

Чудовище повторяло первоначальный манёвр: проплыв кругом, разворачивалось, и несло на рассеянный отряд, чтобы сожрать змеелюдей, протаранить их, пришибить хвостом и внести сумятицу мощной волной.

«Сюда бы луч Сотэра! — мелькнуло в мыслях Атти».

Понимая, что ничем не поможет змеелюдям в прямом бою, друид огляделся, и поплыл к выцветшим кораллам. Найдя среди них полуживые дремлющие полипы, Атти отрешился от кипящего боя, сосредотачиваясь на сотворении заклятья.

Иногда зачарованные копья и мечи вонзались в мёртвую плоть чудища. Змеелюди кромсали кита-нежить не хаотичными ударами, а пытаясь порезать мышцы у плавников и на брюхе, чтобы ухудшить подвижность. Китобоям попалась на редкость сложная особь — не самая большая, но довольно юркая.

Описав очередной круг, кит-нежить проскочил мимо отряда, и направился в сторону Атти. Он видел, как по мере приближения к нему растёт страшная громада, но не отвлекался от волшбы. Когда разверзлась пасть, чтобы проглотить крохотного эльфа, он закончил заклятье.

Атти запомнился рассказ Уны про битву, поведанный в начале экспедиции. В том сражении, как говаривала призрак, лич-император призвал на помощь мёртвые деревья. Впечатлённый этим друид ещё во время заговора против Кинии подолгу прикидывал схему заклятья, соединяющего водоросли в единое существо — природного голема. Заготовку не довелось применить в бою с вампиршей, но если сейчас пробудить...

Затрещали кораллы, приходя в движение. Дрожа, они сперва быстро сползли в сплошное нагромождение, а затем сложились в коренастую фигуру с двумя массивными руками и шестью паукообразными ногами. Атти ухватился за выступы на спине кораллового энта.

Когда кит-нежить смыкал челюсти, несмотря на сопротивление воды энт резво отпрыгнул назад, и широко выставил руки, не позволив губам сойтись. Он так крепко уцепился за челюсти, и так плотно упёрся в дно, что остановил порыв тяжелой туши.

Кораллы затрещали, но энт выдержал страшное давление, да ещё железной хваткой удержал значительно превосходящего его по размерам кита.

Нежить повторно издала рёв, от которого Атти сполз под ноги своего творения, однако на самого кораллового энта рёв не повлиял. Хвост кита яростно бил по дну, ломая мёртвые кораллы и высоко поднимая клубы песка. Змеелюди воспользовались случаем, и налетели на тварь с разных сторон подобно стае голодных пираний. Вскоре изрезанное чудовище опустилось на дно неподвижной массой.

Глава 23 — Давние соперники

Вот уже как два дня группа прочёсывала побережье в поисках Атти. Ну или его трупа. Уна могла проникать сквозь твёрдые препятствия и под землю, но наотрез отказывалась соваться в воду, утверждая, что там обитают враждебные морские духи, вдобавок в этой негостеприимной среде магия слабеет. Дважды совершала заплывы Киния. Она не была Водимой или Низшей нежитью, которая страшится водоёмов, не нуждалась в воздухе, однако в море быстро слеpla и чувствовала себя до того паршиво, что не могла плавать более двадцати минут в день. Морская толща служила естественным препятствием для заклятий поиска. Потому приходилось ограничиваться старинными методами, высматривая эльфа у берегов.

— Надо ж так нелепо потерять друида! — сокрушалась Киния. — Твоя вина, Сотэр! Ты поддержал его дурацкое предложение что-то искать в бухте. Небось согласился не потому, что поверил в идею Атти, а чтобы показать: смотрите какой я весь из себя важный и свободный — по любому поводу ставлю на место госпожу, даже если это противоречит здравому смыслу и означает одобрение безумства!

На последних словах Киния злобно спародировала голос и манеру Сотэра.

— Кто ж знал, что всё так обернётся, — буркнул паладин, в самом деле чувствую за собой вину.

За эти дни юноша научился плавать, пока обследовал мелководье. Вистра часто и тихо лила слёзы.

Завершив очередной обход, группа вернулась к злополучной бухте. И наткнулась там на одиноко стоящего Вейлина. Завидев Кинию, он приветственно помахал ей фиолетовой широкополой шляпой с пером.

— Уна, почему проморгала? — напряглась вампирша.

— Так была вся занята поиском нашего утопленника! — оправдывалась призрак. — Что теперь делать, госпожа? Бежать?..

— Чего бежать, он ведь один, — воинственно сказал Сотэр, желая дать выход обиде и злобе, что накопились за время блуждания по берегу.

— Он не может быть один, — Киния скосила взгляд на ближайšie скалы. — Как пить дать — мы окружены. Бежать смысла нет. Даже если я и Уна оторвёмся от них, то вы не сможете тягаться в скорости с вампирами, которых наверняка притащил Вейлин. Похоже, придётся драться. За мной.

Киния обнажила меч, и её примеру последовал Сотэр. Сам Вейлин не спешил доставать шпагу.

— Хо-хо, какая неожиданная и приятная встреча! — весело крикнул он, когда Киния приблизилась. — Не поверите, но решил я здесь полюбоваться закатом; поглядеть, как солнце играет отблесками на волнах. И тут вдруг появляется лед...

Вейлин наигранно закрыл рот ладонью.

— Упс! Чуть было не сказал «леди Киния», представляешь? — вампир хохотнул. — Но какая ж ты леди, если объявлена вне закона? Даже благородный вид потеряла. Посмотри, во что превратилась!

Он указал пальцем на кольчугу, болтающуюся на полуголом теле.

— Закрой свой грязный рот, нечестивый кровосос! — крикнул Сотэр.

Вейлин будто получил оплеуху, выбившую всю клоунаду.

— Изумительно, — прошептал он, качая головой. — Паладин во плоти и такой дерзкий! Кинюш... Я поражён и до сих пор не могу этого понять. Конечно, надо сказать тебе спасибо, что грубейшим образом нарушила законы, ведь благодаря этому твои владения вместе с землями Эмраса перешли ко мне. Но я поражён, что из всех табу ты переступила именно ТАКОЕ — воспитание живых магов! Неужели ностальгия настолько опьянила тебя?

Пока что Киния не перебивала болтливого Вейлина, позволяя Уне получше оценить обстановку обострённым чутьём, а взломщикам собраться с мыслями для колдовства.

— А хотя знаешь, отчасти всё же понимаю. Ведь сам испытывал ностальгию по жизни. Тебе можно в этом исповедоваться, ведь всё равно скоро посыплешься прахом. Так вот, более того, через ностальгию проходят многие вампиры Первого поколения. Не погибни твой наставник в Войне затмения, он бы поведал об этих деликатных душевных переживаниях, и как перетерпеть их... Каков твой возраст, маленькая Кинюша? Годочков хотя б сто пятьдесят есть, а?.. А мне триста сорок девять лет, потому так солидно рассуждаю об этих вещах.

Вейлин заговорил снисходительным тоном, как почтенный старец, поучающий нерадивое дитя.

— Твоя ностальгия, Кинька, всего лишь плод вампирского переходного возраста. Это прошло бы через каких-то лет сто-двести!

— Ты прав в том, Вейлин, что я действительно ностальгирую. Ностальгирую по тому моменту, когда перерубила твоё плечо, и рассекла грудь, ломая рёбра, — вампирша вытянула руку, в которой сжимала меч, и упёрла в неё кровожадный взгляд. — Этот хруст, эту отдачу от прорубания костей, волнующую запястье, я с удовольствием вспоминаю ночами!

Вампирша перевела хищнический взгляд от руки на Вейлина.

— И вот ты здесь, павлин, чтобы я закончила начатое в том бою... Ты не доживёшь до юбилея с триста пятидесятым годом.

— Ох-хох, я почти испугался! — Вейлин изящно выхватил шпагу. — Нет, Кинюшенька, я здесь не ради твоих детских забав. Я здесь, чтобы покарать тебя, и отвести ребятку к императору. Если бы ты только знала, как мне надоело гоняться за тобой по миру! Ох, сколько же натерпелся всякого в мерзком Та-Мерите...

Наконец вампиры Вейлина вышли из укрытий. Не менее двух десятков рыцарей смерти взяли группу Кинии в полукольцо — с противоположной от них стороны плескалось море. Среди вампиров Ковентина узнала Брандэра. Для засады он предпочёл подобрать не кистень, каким дрался в день бегства Кинии из замка, а полэкс. В отличие от многих вампиров, Брандэр не был помешан на одних мечах.

— Слушайте меня, ребятки, — Киния громко и чётко обратилась к взломщикам. Вампиры всё равно бы услышали любые слова, что донеслись до ушей живых, а потому не было смысла шептаться. — Меня собираются убить, но вас приказано взять в плен. Потому не страйтесь смерти и будьте смелее в атаках.

— Да, тебя приказано убить, — Вейлин принял боевую стойку, и помахивал шпагой, будто вырисовывая кончиком клинка невидимые узоры.

— Болван, почти триста пятьдесят лет существуешь, а мозгов за это время не нажил, — Киния рассмеялась. — Император прислал вас недля того, чтобы убить меня. А для того, чтобы избавиться от тебя! Однако здесь моё желание целиком сходится с императорской волей!..

Вейлин махнул рукой, и все его воины пошли на сближение с группой Кинии. Сотэр зажгёт свет на мече и встал рядом с Вистрой, чтобы защищать её, пока творятся огненные чары. Казалось, что в интересах рыцарей смерти поскорее атаковать, не позволив эльфийке завершить плетение боевого заклятья. Однако они наступали не торопясь, похоже, больше уделяя внимание Сотэру и Кинии.

«Первое моё испытание после восстановления, — подумала она. — Вот и узнаю, насколько помогла кровь учеников».

Вистра беспрепятственно довела начатое до конца. Когда полыхнула оранжевая вспышка, Киния совершила вампирский рывок в сторону Вейлина, желая одновременной атакой внести суматоху в ряды противника. На сей раз давний соперник не планировал лишний раз рисковать, фехтуя с вампиршей один на один. Уклонившись от её удара, Вейлин дождался двоих рыцарей смерти, и уже в их сопровождении пошёл на Кинию.

Оглянувшись, она ожидала увидеть, как поредели ряды врагов после заклятья Вистры, как вампиры в страхе пятятся при виде волшебного пламени. Однако не было никаких следов боевых чар эльфийки. Киния сразу поняла, в чём дело: Вейлин привёл с собой ещё и высших призраков, подобных Уне, которые защитной магией погасили огненное колдовство в момент его сотворения, так что на выходе получилась только яркая, но бесполезная вспышка. «Плохо дело, — Киния встала в оборонительную позицию, — наверняка волшебство Сотэра тоже подавят».

Уна вступила в невидимый магический бой с вражескими призраками, однако будучи в меньшинстве, она не могла помешать им развеивать магию взломщиков, и сама ушла в глухую защиту. На несколько мгновений впала в замешательство Вистра, сбитая с толку из-за неудавшегося заклятья. Звон клинков привёл её в чувство, и эльфийка взялась за новую попытку колдовать. Оказалась лишённой инициативы Киния, имея возможность только еле отбиваться от слаженных атак Вейлина и рыцарей. Единственное, что с переменным успехом удавалось вампирше, так это перетянуть на себя побольше противников, чтобы облегчить натиск на Сотэра.

Юноша с полной самоотдачей последовал совету Кинии нападать смелее. Стиснув зубы, Сотэр с яростным рыком бросился на рыцарей, и потеснил их, неистово размахивая лучащимся мечом. Пожалуй, даже слишком яростно.

— Сбрось темп! — крикнула паладину Киния, опасаясь, что в самоотверженной атаке он позабудет о прикрытии Вистры и попадёт в окружение.

К тому же не хватало ещё, чтобы Сотэр второй раз попался на эту уловку, когда магические силы опустошаются так быстро, что их недостаёт на затяжной бой. Не в пример паладину Вейлин осторожничал. Как только Киния показывала хоть намёк на контратаку, он отпрыгивал за спины рыцарей, чтобы затем подступиться с другого фланга.

Ковентина сделала вид, будто во время блока потеряла равновесие. Один вампир повёлся на трюк и бросился вперёд с выпадом. Ожидавшая этого Киния увернулась, и срубила голову рыцарю. Однако это не принесло облегчения — место поверженного сразу же занял другой противник. Сотэр тоже открыл счёт: ослепив врагов вспышкой, паладин пробил чёрный доспех светящимся клинком, и пронзил вампирское сердце. Двое повержены, но в отряде Вейлина ещё почти два десятка воинов.

Брандэр, прежде спокойно наблюдавший за схваткой со стороны, выступил против паладина. В первом же столкновении бывший соратник Кинии увернулся от освящённого меча, и подсёк Сотэра древком полэкса. Юноша покатился по камням, и чудом успел

подняться до того, как рыцари попробуют навалиться на него.

— Если бы годами ранее Киния позволила мне заняться твоим обучением, то я бы рассказал об этих приёмах, — сказал Брандэр. — Что поделаться, придётся учить прямо сейчас.

Вистра во второй раз довела заклятье до завершения, однако теперь не сбрасывала пламя на противников, но удерживала скопленную мощь подобно стрелку, что натянул тетиву лука до предела. Только вот подобное удержание собранной магии — весьма непростое дело, требующее мысленного баланса, особенно когда вокруг кипит ожесточённый бой. Сейчас эльфийка была словно акробат, что сохраняет равновесие, стоя одной ногой на тонкой жерди, покачивающейся от ветра. Вражеские призраки бдительно следили за Вистой, ожидая мгновения, когда необходимо сбивать огненное заклятье.

Вампиры наседали, тесня Кинию и Сотэра всё ближе друг к другу, хотя получилось убить ещё одного рыцаря, а второй лишился руки, и выбыл из схватки. Но и Киния пропустила несколько ударов, оставивших глубокие рассечения. Брандэр в очередной раз ткнул Сотэра в грудь полэксом, едва не сбив с ног. А Вистра всё удерживала чары, так что её лоб покрылся испариной...

Заклятье расходящейся волной ударило по врагу, однако вовсе не магическим пламенем эльфийки, как ждала Киния. Она узнала что-то похожее на гипнотическое колдовство, каким нежить одурманивает скот, но куда более искусное. Призраки Вейлина прозевали заклятье, и оно тяжёлым эхом зазвенело в головах рыцарей, вызвав сильное головокружение.

Кроме того, в одного из них угодило копьё, хотя и не пробило доспех. Вернее, не копьё, а гарпун. Бросив взгляд в ту сторону, откуда прилетело оружие, Киния увидела выходящего из воды Атти в окружении группы змееподобных существ. Не было времени удивляться такой странной помощи; Ковентина бросилась в контратаку, и срубила ещё пару оглушённых рыцарей.

Наконец, Вистра спустила заклятье. Полыхнув у ног эльфийки, магический огонь, разветвляясь, пополз на врага. Прежде чем опомнившиеся призраки развеяли оглушающие чары, пламя сожгло нескольких вампиров Вейлина. Сам он пришёл в себя достаточно быстро, чтобы отразить выпад Кинии.

Метнув ещё несколько гарпунов, змеелюди поползли в ближний бой. Атти получил от них в подарок зачарованный трезубец, однако благоразумно оставался позади — мало толку от эльфа, не обученного сражаться оружием. Самый быстрый и нетерпеливый воин морского народа сцепился с рыцарем смерти. Тот легко отбил удар, и, рубанув в ответ, рассёк противника напополам.

Но главного подкрепление добилось: напор врага ослаб, рыцари отвлекались на морских воинов, так что Киния и Сотэр перешли в нападение. Ковентина навязала непрерывный бой Вейлину, больше не позволяя ему уходить под прикрытие вампиров. Между старыми соперниками разгорелся поединок, во многом похожий на самый первый — во дворе бывшего замка Кинии.

Только на сей раз у отряда Вейлина больше не было численного перевеса, и больше некому подстраховать в случае ранения. Вейлин потратил драгоценную секунду на отбитие запущенного гарпуна. Этого мига хватило, чтобы Киния сделала выпад в открывшуюся брешь во вражеской защите. Клинок вонзился в шею. Захрипев, Вейлин пошатнулся.

Ковентина не хотела тратить время на то, чтобы насладиться испугом и болью в глазах давнего недоброжелателя. А потому без колебаний что было сил вложила в добивающий

удар, и разрубила Вейлина от плеча до пояса. Полыхнуло предсмертное пламя, и опустевшие пробитые доспехи, чья позолота почернела от копоти, с громким звоном упали на камни. Противостояние, растянувшееся на долгие десятилетия, было закончено.

Обернувшись, Киния хотела поспешить на помощь Сотэру, но, как выяснилось, он и Вистра отлично справились сами. Подпалённый огненным шаром, Брандэр растерял былую скорость, и нарвался на освящённый меч паладина. Глядя, как сгораёт предатель, Киния даже ощутила прилив гордости за учеников: в пору бегства из замка при первом своём столкновении с высшим вампиром взломщики смотрелись жалко, а сейчас совладали аж с командиром рыцарей смерти!

Лишённые лидеров, они переглянулись, а потом бросились на утёк за скалы. Вскоре Киния услышала удаляющийся топот копыт костяных лошадей.

Забрав тела соратников, змеелюди поспешно скрылись в море, словно любая лишняя минута на поверхности была противна им. Только Шрам бросил прощальный взгляд на Атти, прежде чем нырнуть.

— Не особо словоохотливые, — промолвил Сотэр.

— Вы бы всё равно не поняли их речей, — Атти ещё долго глядел на вздымающиеся волны, хотя уже не было никаких намёков на присутствие змеелюдей.

— Не важно. Я так рада, что ты жив и невредим! — Вистра смахнула слезу.

— Да уж, заставил нас поволноваться, пропащее дитя, — закивала Уна. — Может, поведаешь, где так долго прохлаждался?

Пока друид рассказывал о морском путешествии, Киния собирала трофеи с погибших рыцарей. Выбрала себе меч получше, нашла склянки с кровью и камни душ.

— Зато больше не придётся тащить скот из загонов, — пританцовывала Уна в воздухе. — Не придётся беречь нашего святошу... Госпожа, если ты обретёшь жизнь у Источника, то сейчас, получается, в последний раз пьёшь как вампир. Насладись моментом!

Так Киния и сделала, смакуя отборную кровь из запасов Вейлина, и слушая удивительную историю Атти. Но совсем вампирша не расслаблялась, допуская, что рыцари ещё могут вернуться или поджидать в засаде подальше от берега, а потому приказала Уне осматривать окрестности.

— Не увидь я морской народ собственными глазами, сочла бы, что тебе всё это показалось в бреду, — сказала Киния, когда Атти смолк. — Уж слишком сказочно звучит.

— Мне и самому до сих пор не верится, — эльф окинул взором трезубец, лежавший у него на коленях. — Это было похоже на сон.

— А самое главное, ты получил посвящение? — поинтересовалась Киния.

— М-м, ну-у... морской народ дал мне своё благословение, — нерешительно ответил Атти.

— Это можно считать за посвящение? — теперь уже любопытствовала Вистра.

Эльф пожал плечами.

— Ладно, воротился живой — и то хорошо, — заключила вампирша. — В любом случае путь наш не меняется. Передохнём немного, дождёмся Уны, и тронемся к Источнику. Только сохраняйте бдительность. Мы дали отпор псам Онгхуса, но есть у меня подозрения, что это не единственный отряд преследователей, а вдали от берегов морской народ нам не

помощник.

Сказано — сделано: после непродолжительного привала группа направилась в гору. Поднимались весь остаток дня, пока не нашли более-менее ровный пяточок, на котором можно обустроить лагерь. За счёт трофеев Уна и Киния пополнили свои силы, но вот чего не было у разбитого отряда рыцарей, так это обычной еды для живых. Вампирше и призраку пришлось отлучиться, чтобы поймать дичь.

— Как обычно, несите дозор попеременно, но и не пренебрегайте хорошим отдыхом, — по старой привычке вампирша всё ещё говорила в повелительном тоне, хотя сдержаннее, чем раньше. — Это последняя ночёвка. Завтра будем у цели.

Когда нежить покинула лагерь, Сотэр вызвался сторожить первым. Иногда он сидел на камнях, вглядываясь в сумерки и слушая доносящийся шум прибоя. А иногда прохаживался вокруг лагеря — пока ещё не стемнело настолько, что не будет видно, куда ставишь ногу. Кажется, Вистра и Атти заснули сразу, как только улеглись. Однако, когда Сотэр в очередной раз начал обход, думая, что это последняя прогулка перед наступлением темноты, эльфийка тихо встала, стараясь не потревожить посапывающего сородича, и засемила следом за паладином. Она нашла его скучающим на валуне неподалёку от лагеря.

— Не пугайся, это я, Вистра.

Волшебница уселась рядом с Сотэром.

— Чего не спишь? — шепнул он.

— Да я пыталась, — вздохнула Вистра. — Но мысли о завтрашнем сбивают весь сон. Представляешь, ведь прямо под нами Источник.

— Ага. Сам об этом только и думаю.

Эльфийка поёжилась и встряхнула головой.

— Ты не прихватила тёплую одежду.

Сотэр хотел передать Вистре свой плащ, но как только распахнул его, она пододвинулась вплотную, и примкнула к плечу. Нерешительным движением юноша накинул половину плаща на Вистру. Кутаясь, она ещё плотнее прижалась к Сотэру.

— Как считаешь, Уна действительно на охоте или следит за нами? — спросила Вистра после минуты неловкого молчания.

— Другими словами, ты интересуешься, можем ли мы доверять Кинии, — произнёс Сотэр. — Наверняка узнаем только завтра.

— Понимаю, ты склонен ожидать подвоха. И всё же я верю ей. Надеюсь, она оправдает твои лучшие ожидания.

— И я надеюсь.

Стустилась тьма, зги не видать, можно различить только неверные силуэты ближайших скал. Слегка подвывал ветер, а в те моменты, когда он ненадолго смолкал, Сотэр слышал вздохи Вистры. И чувствовал, как от неё исходит тепло. «Уж не магическое ли?»

Она вдруг пылко задышала, и уткнулась лицом в шею Сотэра.

— Вистра?.. — смутился паладин. — Тебе нехорошо?

— Я так испугалась сегодня, — слетело с губ эльфийки. — Так испугалась, когда тот рыцарь повалил тебя. Думала, всё — схватят тебя.

Юноша ощутил касание её рук, как они скользнули у пояса, и сомкнулись в объятие.

— Сперва Атти пропал, — тихо, но с жаром говорила Вистра, — а потом и тебя сбили.

— Ну, всё хорошо, — успокаивающе сказал Сотэр, скованно положив ладонь на спину эльфийки.

— Если бы ты пропал, — а вот она ничуть не стеснялась и крепче сжала руки, держась за Сотэра словно упорное пламя, пожирающее сухое деревце, — то я осталась бы совсем одна среди нежити. Как ужасно!

Растерянность отступила перед желанием утешить, защитить, и потому Сотэр обнял эльфийку уже двумя руками.

— Я не знаю, что будет завтра, — лицо юноши согревало дыхание Вистры. — Мы всё время ходим на краю гибели. Кто-то из нас уже не раз мог умереть. Не знаю, что будет завтра. Но сегодня мы рядом друг с другом и...

Её шёпот всё громче, дыхание теплее, а губы совсем близко. Слишком близко. Запретно близко для паладина.

Он чуть отстранился.

— Мне известно, что это взаимно, — Вистра заговорила настойчивее. — Я замечала, как ты смотришь на меня ночами. В эти моменты я чувствовала, как твоё сердце то замирает, то бьётся чаще.

— Но ведь... но ведь я паладин и мне нельзя... — мямлил Сотэр, с трудом подбирая слова.

Вистра аккуратно положила палец ему на губы, не дав договорить.

— Хочу быть ближе к тебе. Будем ближе, пока эта карга шастает где-то в горах.

Сотэр усмехнулся — впервые на его памяти Вистра не назвала Кинию госпожой. И он не стал отстраняться, когда эльфийка поцеловала его.

Покатая ничем не примечательная скала в стороне от волчьей тропы. Таких мест встречалось несчётное множество, и взор скользил по ним ни за что не цепляясь. Рядом нельзя удобно встать из-за склона, не говоря уже про разбивку лагеря.

— Пришли! — объявила Уна, воздев руки.

Все уставились на скалу, пытливно разглядывая каждый уступ, каждую трещинку и бугорок.

— Дальше что? — сдался Атти, не обнаружив признаков входа.

— Терпение, — Уна хихикала так, будто разыгрывала всех. — А вот что!

Она положила ладонь на скалу, и сотворила заклятье. После паузы часть скалы потускнела, а потом развеялась словно туман, открыв проход.

— Удивительно, — Киния всматривалась в пещерную тьму. — Я не почувствовала скрывающих чар. Кто бы их не творил, он был очень искусен, раз умудрился утаить плетение.

Прежде чем ступить под скалистый свод, вампирша оглянулась, будто желая убедиться, что нет слежки; мимоходом посмотрела на взломщиков. Уже не в первый раз за сегодняшнее утро Сотэру чудилось, что когда он встречается со взглядом Кинии, то распознаёт в нём проблеск недовольства. Вампирша шумно втягивала воздух ноздрями как волк, почувявший сородича, что вторгся в его владения; хмурилась, но ничего не говорила. Поделись паладин своими наблюдениями с Вистрой, она бы согласно закивала, ибо угадывала во взоре госпожи то же самое. Но с момента пробуждения Сотэр и Вистра почти не разговаривали, и будто не замечали друг друга, словно для них прошедшая ночь во всём походила на предыдущие.

Киния первой вошла в проход, а паладин замыкал шествие.

— Уна, можешь закрыть пещеру на тот же манер, что и было? — спросила вампирша.

— Да, госпожа. Это древнее заклятье не просто разовая иллюзия, но подобно двери, которую можно отворять и затворять.

По мановению призрачной руки скала вновь воплотилась у порога, погрузив коридор во мрак. Сотэр зажёл магический светильник, и аккуратно взял Вистру под локоть. Группа двинулась по плавно уходящему вниз тоннелю.

— Гладкая, но с зазубринами, — Атти провёл пальцем по стене пещеры. — Не воды создали коридор. Быть может, рукотворный.

— Дворфы постарались? — предположила Вистра.

Дальше ступали молча, словно боясь нарушать вековую тишину. Воздух теплел, но затхлости не чувствовалось. Группа продвигалась не менее получаса, пока стены тоннеля не расширились до каверны, в которой свободно уместилась бы сотня человек. Дальше пути не было — со всех сторон тупик.

— Здесь, — промолвила Уна.

— Да-а, — среди теней, пляшущих вокруг волшебного светильника паладина, глаза Кинии напоминали пару тлеющих угольков. — Вижу печати.

Если взломщики явно выказывали возбуждение, нетерпеливо переминаясь и взволнованно перешёптываясь, то вампирша, напротив, выглядела предельно собранной. Она произнесла несколько магических формул, после чего на стенах от пола и до потолка высветились замысловатые узоры, длинные вязи символов и рун.

— Самое время вам сделать то, к чему готовились годами, — Киния зашла за спины взломщиков.

Они пару-тройку минут вглядывались в незнакомое руническое письмо, а потом Сотэр и Атти нерешительно покосились на Вистру, словно молчаливо произнося: если уж мы ничего не понимаем, то, быть может, самая книжная выручит? Киния скрестила руки и ждала, не вмешиваясь. Эльфийка побрела вдоль стен, иногда замирая, чтобы изучить тот или иной символ.

— Атти, встань вот здесь, — попросила Вистра. — Хорошо. Сотэр! Тебе сюда... Вот так.

— Я знал, что ты разберёшься что к чему! — воскликнул друид.

Вистра выразительно глянула на него.

— С чего ты взял, что я разбираюсь? Почти ничего не понимаю.

— Но как тогда...

— Просто от некоторых блоков текста исходит сила, по своей сути близкая к нашему искусству, — пояснила Вистра. — Ты стоишь около вязи с магией природы. Как бы прислушайся... чувствуешь? Сотэр у блока со светом. А передо мной огонь. Полагаю, это и есть печати.

— А-а, верно-верно, — одобрительно сказал паладин. — Дальше как?

Вистра пожала плечами.

Ещё не менее получаса взломщики провели за разглядыванием печатей, переговариваясь и пытаясь разобраться в хитросплетениях древних чар. Но это не принесло результата: охранные заклятья перекликались с магической природой живых, но являлись слишком сложными для их разумения.

— Может, надо сделать так, — не мудрствуя лукаво, Атти приложил ладонь к рунам.

В ответ на прикосновение они засияли ярче, и сила друида воссоединилась со старой магией. После короткого колебания Сотэр повторил за эльфом. Когда троица положила руки на печати, все письмена каверны засветились в полную силу, так что взломщики сощурились, а вампирше и призраку пришлось прикрыть глаза. По стене пробежала рябь, будто по пустынному миражу, и часть камней растаяла подобно входной скале на поверхности, открыв новый тоннель.

— Я пойду первой, — едва руны потухли, вернув в пещеру полумрак, Киния уже была у порога. — Вистра, за мной, пожалуйста. Уна, може...

— Не получится, госпожа. Эту дверь не закрыть, как предыдущую. Она сама воплотится через некоторое время.

«Ох, неспроста Киния выбрала такой порядок, — думал Сотэр, опять плетясь позади всех. — Не хочет, чтобы я вышел к Источнику первым, но и не собирается оставлять меня прямо за собой. Опасается удара в спину?»

Новый тоннель, как и предыдущий, вёл вниз, но сворачивая в сторону — широкой спиралью, как стало ясно через час пути.

— Надеюсь, не придётся чесать к самому сердцу земли, — проворчал Атти.

— Согласно балладе, этой дорогой проходили живые, — напомнила Киния. — Раз у них получилось, то и вы осилите.

Ходьба прервалась неожиданно: только что шли по нисходящему тоннелю, и вот резкий поворот завершил путь. Наконец, добрались до цели всего путешествия, ради которой нарушили строжайшие запреты, были изгнаны, терпели лишения и нажили много врагов.

Баллада не обманула: Источник находился здесь, и облик его порастил даже Кинию, всякое повидавшую на своём веку.

Разинув рты, взломщики и нежить осматривали пещеру столь невероятных размеров, что в ней запросто уместился бы замок Эмраса. Здесь не было видимых источников света, однако всё огромное пространство так хорошо освещалось, что тьма не находила приюта и в глубоких трещинах на камнях. Да что там тьма, даже фигуры взломщиков и вампирши не отбрасывали теней.

Но прежде всего поражали отнюдь не простор пещеры и магическая освещённость. В отличие от Кинии, взломщики ранее видели только убогие деревья Эпохи тьмы, которые никогда не достигали рослости предков из Эпохи света. Сотэра, Вистру и Атти охватил бы восторг, увидь они могучие вековые дубы прошлого. Однако всё это не шло ни в какое сравнение с тем древесным гигантом, чьи раскидистые ветви закрывали немалую часть пещерного купола. На любом из тысяч зелёных листьев, что пышно украшали дерево, пятёрка гостей могла бы сплавиться как на лодке. Ствол, удерживающий величественную крону, по толщине превосходил крепостную башню. Исполинские корни змеями спускались по мшистому холму, то пронзая его твердь, то вновь поднимаясь на поверхность. У подножия журчал и серебрился прозрачный ручей. А как легко и приятно дышится тут! За месяцы экспедиции взломщики свыклись со всегдашней затхлостью, и потому здешний чистейший воздух пьянил и кружил голову. Хочется вдыхать полной грудью.

До тех пор, пока живые и нежить не оказались в этом святилище, они не ощущали признаков волшебства. Но как только ступили на камень огромной пещеры, чародейское чутьё словно затопил неиссякаемый поток магической силы, да такой, что это можно было сравнить с одновременным ослеплением от нестерпимо яркого света и оглушением от громоподобного звука. Ошеломлённые, взломщики долго разглядывали живое чудо — возможно, последнее чудо Эпохи света во всём умирающем мире. Даже Уна и Киния потеряли дар речи и вообще на время позабыли, зачем явились сюда.

— Источник жизни, — глаза Атти увлажнились от всеохватывающего незнакомого чувства.

Быть может, учёная Вистра смогла бы подобрать для него правильные слова: эйфория, благоговение и священный трепет — всё слилось в единый экстаз, какой испытывает истово верующий, когда его духа касается благословение божества.

— Да. Источник жизни, — промолвила Киния. — Как же он прекрасен ... Прошу, дорогие мои, подойдём ближе.

Атти готов был поклясться, что её голос смягчился, и что в нём различимы нотки умиротворения и доброты — такие чуждые для той вампирши, какую знал друид до посещения Источника жизни. «Её чёрное сердце дрогнуло! — подумал Атти. — Только появилась здесь, а Источник уже исцеляет вампирскую душу».

Они пошли к дереву тем неторопливым и аккуратным шагом, каким паломник приближается к храмовой святыне. Друид даже стянул с себя сапоги, прежде чем ступить на мягкий мох. Только начав восхождение на холм, взломщики заметили около ствола грубо обтёсанный камень, на ровной поверхности которого мог бы улечься человек, свободно вытянув руки и ноги. «Стол? — заинтересовался Сотэр. — Или... алтарь?»

Надо было приблизиться, чтобы рассмотреть получше, но сделать этого группа не успела. На пути, будто воплотившись прямо из воздуха, возник старик с бородой, доходящей аж до земли. В первые мгновение могло показаться, что на его лице вместо кожи — кора,

как и у дерева: изрезанная морщинами и тёмно-бронзового цвета. Но вот настроение старика вовсе не перекликалось с безмятежностью этого места.

— Проклятая нежить и её прислужники! — завопил старик дребезжащим голосом, ткнув в сторону группы деревянным посохом. — Умрите, нарушители!

Все поняли его слова, однако манера речи и говор звучали до того диковинно, что ни Киния, ни Уна не слышали их ранее. Впрочем, сейчас было не до изучения диалекта: старик творил боевое заклятье.

Вистра и Уна создали магические барьеры, но удар был такой сокрушительной силы, что разнёс их с той же лёгкостью, с какой палка разбивает яичную скорлупу. Вся группа покатила по склону холма. Старик не собирался останавливаться на достигнутом и готовил новое заклятье, что раздавит нарушителей как жалких насекомых.

— Стой! — крикнул Сотэр, — Мы не прислужники нежити!

Взор выпученных от ярости глаз пронзил паладина. Уничтожающее заклятье повисло на кончике посоха, готовое мигом сорваться с него по воле хозяина. Однако старик медлил, всматриваясь в Сотэра, и с каждым мгновением взгляд менялся: глаза вытаращены, но уже не от злости, а изумления.

— Ты-ы... — протянул старик. — Узнаю в тебе магию света... Этого не может быть.

Хоть он опустил посох, все остались лежать ничком, не смея лишний раз шевельнуться.

— Ты же паладин. Никаких сомнений в этом. Паладин! Но как?

— Мы не прислужники нежити, — повторил Сотэр, привстав на колени. — Мы свободны.

— Да, свободны, — подтвердил Атти, и, догадавшись о слабом месте безумного старика, продолжил: — Я, между прочим, друид!

— Удивительно, — старик опёрся на посох. — А ты?

— Волшебница, — ответила Вистра.

Все медленно поднялись на ноги.

— Ну, конечно, — кивнул старик, — вы открыли ворота. Что среди вас делает эта нечисть?

Вампирша открыла было рот, но старик остановил её жестом, желая услышать объяснения живых.

— Они здесь потому, что хотят обрести жизнь, и возродить её в мире, — произнесла Вистра.

— Благородно, — сказал старик, хотя в его голосе сквозило недоверие. — Непонятно мне только, откуда в умершем мире взяться паладинам, друидам и магам. Может я тут и сижу отшельником, но мне известно, что случилось снаружи. Нежить всё привела к гибели.

— Она воспитала нас, — поручился за Кинию Атти, — дала нам запретное знание, чтобы воскресить мир.

— Я узнала об этом месте из старых книг, — заговорила вампирша. — Это возродило во мне надежду, что можно вернуть прошлое. Я читала, что здесь бывали и другие посетители.

— Это правда. Бывали. Давным-давно.

— Кто же ты? — спросил Сотэр. — Мы не думали встретить здесь живую душу.

Старик прикрыл глаза, словно медленно погружаясь в ставшие бездонными глубины памяти. Все приблизились к нему мелкими шажками.

— Моё имя — Дормир, — устало произнёс старик, и ухмыльнулся. — Дормир. Так

давно произносил это вслух, что... будто не только вам открываю имя, но и сам заново знакомясь с ним.

Голос Дормира задрожал, так что казалось, что он вот-вот разрыдается. Но старик совладал с чувствами, и продолжил:

— В незапамятные времена я сделался жрецом ныне дремлющего бога — Бардиасана. В ту далёкую эпоху его святилище было открыто для всех искателей мудрости и благословений. Никаких печатей, никаких магических барьеров. Затем между адептами разных богов вспыхнула большая война.

— Война оракула, — Вистра припомнила древние хроники. — Но я думала, что это легенда.

— Это быль, дитя. Боги, разгневанные поведением смертных, покинули мир, а может, перебили друг друга подобно своим слугам. Никто в точности не знает. Как бы то ни было, смертные оказались в одиночестве, предоставлены сами себе. Тогда-то Бардиасан погрузился в беспробудный сон, больше не отвечая на молитвы. Адепты Бардиасана проиграли Войну оракула. Хотя все проиграли её, победителей не было. Святилища нашего бога опустошили. В те дни, используя доступные крохи силы Бардиасана, мы сотворили вокруг этого храма — последнего храма нашего божества — магический барьер с печатями. Только те, в чьих душах был свет, у кого дух горел огнём и носил благословение природы, могли посетить храм. Постепенно погибли все жрецы, один лишь я покамест дышу. Источник даровал мне долгую жизнь или вовсе бессмертие. Наверное, чтобы я был вечным хранителем Источника. Это одновременно благословение и проклятие. Я окончательно закрыл святилище, когда нежить прибрала к рукам мир, брошенный богами. С тех пор вы первые посетители.

— Так возможно с помощью Источника дать миру новую жизнь? — спросил Сотэр. — Вдруг именно ради этого судьба даровала тебе бессмертие!

— Ради этого, говоришь? — Дормир ухмыльнулся. — Ты юн и горяч, а потому из уст твоих легко исходят суждения о путях судьбы. Подступишь ближе. Позволь испытать чистоту твоих намерений.

Когда Сотэр подошёл на расстояние вытянутой руки, Дормир долго и проницательно всматривался в его глаза.

— Истинный паладин. Но вижу в тебе изъян. Впрочем, это поправимо... А теперь ты, дитя!

Атти нерешительно приблизился.

— Подлинно друид. Не та сила, какую я чувствовал у прочих друидов, но нет сомнений: на тебе благословение природы и душа твоя чиста... Прощу тебя.

Последние слова были приглашением для Вистры. Её Дормир изучал дольше прочих.

— Тебя отягощают смятение и смертельная боль, которые ты старательно прячешь за слоями оправданий и... ещё вижу... ах!!!

Никто глазом моргнуть не успел, как вампирша вонзила меч в грудь Дормира, и для верности провернула клинок, прежде чем выдернуть его. Последний жрец Бардиасана и хранитель Источника пал на спину, и больше не двигался.

Сотэр дёрнулся, чтобы выхватить свой меч, но Уна не случайно заранее «встала» позади. Погрузив невесомые руки в спину паладина, призрак пустила к сердцу давно заготовленное обездвиживающее заклятье. Юноша призвал свою магическую силу, чтобы заблокировать враждебные чары, да запоздало. Ноги обмякли, и Сотэр плюхнулся на мох.

Вампирским рывком Киния сбила с ног Вистру, которую определила как самого опасного противника после Дормира и Сотэра. Остался только Атти, но что он мог сделать против Высшей нежити, будучи далеко от ручья? Разве что неуклюже выставить перед собой трезубец. Киния играючи отбила его в сторону, и долбанула рукоятью меча по животу друида, отчего тот с хрипом завалился набок.

— Быстрее, Уна, обездвживай всех, — вампирша придавила эльфа ногой.

— Вот так, сопляки! — торжествовала призрак, набрасывая на Вистру то же самое заклятье, каким обездвжила Сотэра. — Вот настоящие «Прах» и «Пепел»! Вот как нужно внезапно справляться с толпой. И это несмотря на неучтённое появление старикашки. Учитесь! Хотя о чём это я, вам уже поздно учиться...

Когда Уна закончила возню с Вистрой, то подлетела сковывать Атти. Киния схватила Сотэра за шиворот, и потащила к алтарю.

— Как ты могла?! — заорал Атти, пока Уна набрасывала на него волшебные оковы. — Как ты могла так поступить?!

Киния не обращала внимания. Хоть заклятье сковывало подвижность конечностей, но вот вращать головой и говорить позволяло. Однако Сотэр молчал.

— Надо поспешить, пока не пришёл, — твердила Киния. — Пока не пришёл...

Подойдя к алтарю, вампирша расположила на нём юношу — лицом кверху. Распрямила руки и ноги Сотэра, а затем достала кинжал — тот самый, которым пыталась похищенный скот. Отчаянно драл горло Атти, выкрикивая вопросы, оскорбления и мольбы. Киния занесла кинжал над Сотэром. И покосилась на паладина.

— Ничего не скажешь перед смертью? — поинтересовалась вампирша будто бы равнодушным голосом. — Никаких проповедей? Уговоров? Возмущений? Проклятий? Слышишь ведь, как друид усердствует. Позволишь ему надрываться за двоих? Поспеши с последним словом, ибо надо дорезать вас, чтобы высвободить магию, которая откроет мне доступ к силе Источника. И сделать всё до того, как появится... он.

— Ты наверняка ждала последних слов и подготовилась не воспринимать их, — сказал Сотэр.

Сказал удивительно спокойно, вопреки ожиданиям Кинии, так что она посмотрела в его глаза, и вместо отчаяния, ненависти, обиды или ужаса увидела что-то похожее на смирение, как будто паладин настроился принять любой исход, даже самый для него горестный: крушение мечтаний о вновь зеленеющем мире; как собственную смерть, так и смерть немногих близких.

— Всё же мне есть, что сказать. Я поверил тебе, Киния. Поверил, потому что за всем лицемерием узнал в глубине твоей души стремление быть живой. Это выдали прорвавшиеся наружу сновидения.

— Да, хочу быть живой, — сухо подтвердила Киния, по-прежнему стоя с занесённым кинжалом. — Но это неважно, потому что даже десять источников жизни не способны изменить природу нежити. Раз ступив за черту смерти — не вернуться обратно. Это незыблемый как само мироздание закон. Так что неважно, насколько сильно мне хочется быть живой.

— Но это никуда не уйдёт. Ты убьёшь нас, и к твоим кошмарам добавятся новые. Ведь та же часть твоего сердца, что желает жизни, привязалась к нам.

— Как трогательно, — проворчала Киния. — Приготовься, будет больно. Ритуал не допускает мгновенного убийства. Придётся немного помучиться.

Вампирша опустила кинжал — острière уткнулось в живот Сотэра. Положив ладонь поверх рукояти, Киния надавила. Клинок пронзил кожу. Вокруг лезвия проступила тёмная кровь.

— Не-ет! — плакал Атти.

Сотэр зажмурился, и сквозь его стиснутые зубы прорвался стон. Киния медленно погружала клинок в живот. Кровь сильными толчками выбивалась из раны и стекала на алтарь.

— Киния, — сорвалось с дрожащих губ Сотэра.

Клинок вошёл в плоть уже наполовину. Тогда вампирша остановилась, и медленно повела его в сторону, намереваясь разрезать живот.

— Ох, ребяташки, — всхлипнула Уна, — буду очень скучать. Тяжко второй раз видеть, как мать умертвляет своих детей!

Руки вампирши задрожали, причиняя паладину ещё большие страдания. Но задрожали вовсе не потому, что того требовал ритуал. Киния пробовала вернуть движениям былую твёрдость — и не могла. Больше не сдерживаемый, крик боли Сотэра выплеснулся наружу и ударил по чувствительному вампирскому слуху. Дрогнули мускулы на бледном словно мраморная маска лице Кинии.

Она выдернула окровавленный кинжал, и запустила его в дальний конец пещеры.

— Госпожа?! — поразилась Уна.

Киния так крепко вцепилась в край алтаря, что ломающимися ногтями оставила царапины на его каменной поверхности.

— Будь ты неладен, щенок! — в рычании, смешанном с воплем, с трудом можно было разобрать слова. — Да, я хочу жить! Но невозможно это! Слышишь?! Невозможно вернуть жизнь!

Она склонилась над Сотэром и дёргала свою кольчугу у груди, так что кольца жалобно звенели.

— А если и верну, то что мне с этого?! Права Вистра: буду жалким бессильным ничтожеством! Только умножу свои страдания! И зачем мне такое?!

Случайно или намеренно, Киния сбросила с Сотэра обездвиживающие чары. Юноше первым делом закрыл рукой обильно кровоточащую рану. Уна собралась было кинуться к паладину с новым сковывающим заклятьем, но вампирша остановила её вялым взмахом руки. Вскрикнув последний раз, Киния обмякла, и опустилась на землю. Поджав ноги, вампирша уткнулась лицом в колени.

— Не вернуть мне жизнь, — бормотала вампирша. — Да и зачем такая жизнь?

Сотэр чуть приподнялся на локте.

— Я знал, — выдохнул юноша. — Знал, что... твоё сердце не совсем... зачерствело.

Киния молчала. До тех пор, пока не услышала мерно повторяющийся стук.

— Явился наконец, — прошептала вампирша.

Подняв голову, она увидела у входа лича-императора Онгхуса, хлопающего в костяные ладоши. Рядом с ним возвышался демон-нежить с огненной секирой.

— Рискну предположить, что тебя не удивляет моё появление, — сказал Онгхус.

Слова его, как всегда, звучали без всякого выражения, будто речь шла о совершенно незначительной будничной встрече. Упёршись рукой в алтарь, Киния грузно поднялась.

— Не удивляет, — согласилась она в тон Онгхусу. — Мозаика сложилась ещё когда я была в Та-Мерите.

Вампирша слышала, как шуршит Сотэр, пробуя остановить кровь кусками одежды.

— Сам написал ту книжку, которую подсунил в библиотеку Эмраса? — бросила Киния. — Хвалю. Неплохой слог для бесчувственного лица.

— Когда я творил балладу об Источнике, я был ещё живым и вполне чувствительным, Киния Ковентина. Конечно, кое-что уже в Эпоху тьмы пришлось подредактировать, но только самую малость. Чисто чтобы помочь тебе разобраться в ориентирах и заинтересовать побольше.

— Заинтересовать побольше... Тут уж поймал, признаю. Хотя было сразу понятно, что Источник не лечит от выдуманной чумы, якобы обращающей в нежить. Но зацепило.

— Чума действительно была и вправду изредка обращала в нежить. Среди героев, что отправились за лекарством в святилище древнего бога, я был волшебником, и одним из тех, кто вскрыл печать. Я один раз уже бывал здесь, Киния, и говорил с Дормиром. Тогда я с горестью принял то, что тебе давно известно: нет силы, обращающей нежить в живое. Мы вернулись ни с чем, хотя к тому времени чума прошла сама. Но ступив за порог смерти я не забыл о тайном Источнике.

Онгхус по-прежнему звучал монотонно, однако слова сопровождал плавными жестами — привычка, которую Киния ранее не наблюдала. «Неужели старый костяк всё-таки расчувствовался? — подумала она». Демон, как и полагается любой Водимой нежити, был неподвижен подобно статуе, равнодушно ожидая команд хозяина.

— Да-да, только как мертвец ты уже не владел той магией, что вскрывала печати, — закивала вампирша. — Больше сюда не зайти, и не выпить Источник. А нарушить запрет своего же авторства, воспитав живых мага, паладина и друида — не решился. Пускай лучше всё за тебя сделает одна ностальгирующая вампирша.

— Даже если бы решился нарушить запрет, — что отчасти и сделал — то всё равно бы не смог создать таких же доверительных отношений с живыми, как это получилось у тебя. Я стал слишком далёк от смертных. Нужен был кто-то, у кого в душе ещё есть искра жизни. Я увидел её в тебе. Ты славно постаралась. А где-то даже перестаралась, уж слишком привязавшись к скоту. У меня был расчёт, что ты прирежешь хотя бы паладина, а не просто ранишь его. Сплоховала.

В первые минуты после срыва у алтаря Киния выглядела сломленной, но за время разговора к ней вернулись холодная расчётливость и воля к противостоянию. «Всё пошло наперекосяк, — вампирша боевито расправила плечи и вздёрнула подбородок, — но легко я ему не дам. Мы не дадимся».

— Уна, сбрось с Атти заклятье, — приказала Киния.

— Уверена, госпожа? — лукаво улыбнулась призрак, подлетев к эльфу. — А вдруг я предательница, которая действует по плану его императорского величия?

— Лучше б шутила, когда мы с Дважды нежитью встретились, — проворчала вампирша.

Как только чары развеялись, Атти вскочил, и опять чуть не свалился — ноги затекли, пока лежал в скрюченной позе. Опёршись на трезубец, друид растерянно окидывал взором присутствующих, гадая, как теперь быть. Появившийся лич явно враг. Бежать к Сотэру? Только рядом с ним Киния, которая хоть и не зарезала паладина, но убила последнего жреца. В конце концов, взгляд друида пал на Вистру.

— С неё тоже сбрось заклятье! — потребовал эльф.

— Нечего сбрасывать, — сказала Киния. — Чары давно не удерживают Вистру.

— Что? — не поверила уязвленная призрак. — Но я же хорошо набросила заклятье! Я же убедилась, что оно сработало, госпо...

Уна осеклась, когда ничем не стесняемая Вистра поднялась. Не глядя в сторону алтаря, эльфийка пошла к Онгхусу. Атти испуганно сжал трезубец, поначалу решив, что Вистра собирается атаковать лича на ближней дистанции.

Но эльфийка просто встала сбоку от Онгхуса, как демон-нежить, и потупилась.

— Сестра, — оторопел друид.

— Атти, иди сюда, — позвала Киния. — Сотэру требуется твоя помощь.

Словно пребывая в полусне, эльф откликнулся не сразу. Только увидев рану паладина, Атти побрёл к алтарю, то и дело оглядываясь на Вистру.

— Как же так, Вистра, — услышала Киния шёпот Сотэра. — Не могу поверить.

— Моя давняя ученица, — сказал Онгхус. — Умница всё сделала так, как и ожидалась. Когда эпопея закончится, получит заслуженную награду: обращение в лича и дворянский титул.

— Так вот, что ты пообещал ей, — промолвила Киния. — Впрочем, не сложно было догадаться. Я всё думала, кто из нас кого переверёт? Но Вистра показала свои настоящие карты, когда высказалась, пока я выздоравливала после боя с дракоlichem. Пожалуй, за всё время нашего знакомства это были самые искренние её слова, выдавшие стремление обратиться в нежить. Однако и до этого хватало подозрительных моментов. Слишком хорошо ей давались сложные заклятье. Там, в библиотеке Эмраса, я встретила уже состоявшегося мага.

Вистра никак не реагировала на речь вампирши, будто вовсе ничего не слышала, разве что длинные ресницы чуть подрагивали.

— Цветочек. Зачем тебе обращаться в лича? — вкрадчиво сказала Киния. — Вся твоя молодость. Эти пышные огненные волосы. Стройное тёплое тело. Изящный лик. Глаза цвета летней листвы, которые ты сейчас старательно прячешь. Всё это сгниёт и посыплется прахом, если ты станешь личом. Цветочек увянет, его лепестки высохнут, сморщатся, почернеют, и опадут. Так зачем обращаться в лича?.. Давай лучше сделаю тебя вампиром, если уж мечтаешь быть Высшей нежитью. Хотя бы частично сохранишь красоту. Запоздало признаюсь: несмотря на все подозрения, что грызли меня за время экспедиции, я допускала, что обращаю тебя в Высшую нежить. Понимаю, соглашаться на моё предложение вслух сейчас неразумно. Но подумай над этим, пока есть время. И помоги в решающую минуту. Кроме того, в этом случае не придётся предавать — и убивать! — братьев. Знаю, ты их любишь...

— Даже если даруешь вампирское обращение, — заговорила Вистра, не поднимая взора, — то кем я буду среди Высшей нежити? Киния... сейчас ты всеми презираемая бродяжка. В придачу к бессмертию ты наносишь клеймо соучастника изгнанницы. А император вместе с бессмертием дарует — титул и земли.

Эльфийка выглядела отрешённой, но её голос выдавал сдерживаемое волнение.

— Обещает он тебе многое. Но всё ли исполнит? — возразила Киния. — Ты же ведёшь ходящее свидетельство того, как...

— Почему, Вистра?! — Сотэр перебил Кинию. — Как ты могла?!

— Тише, не дёргайся так, — Атти наспех перевязывал паладина, хотя у самого из сердца рвался вопль к сестре.

— Так всё, что было между нами — обман? — выдыхал Сотэр. — Всё ложь, начиная от прошлых лет и до... последней ночи?

Онгхус подступил к Вистре со спины, и одну руку положил на стройную талию, а вторую протянул к лицу.

— Последний паладин. Ты уже, должно быть, заметил, что исцеляющие чары даются сложнее, чем раньше, — Онгхус отвёл с лица Вистры прядь волос, и поглаживал фалангами румяную щёку. — Рана не залечивается, так что приходится останавливать кровотечение тряпками. Часть силы оставила тебя. Уж не потому ли, что кодекс паладина грубо нарушен? И уж не этой ли ночью попораны заповеди?

Костяные пальцы скользнули к животу эльфийки, и опустились ниже.

— Моя девочка сделала всё как задумывалось. Паладин соблазнён — теряет родную магию. Не настолько страшно теряет, что печать не взломать, но силёнок уже недостаточно, чтобы оказать достойное сопротивление Ковентине или мне. Пускай вас больше не обманывает робкий вид эльфийки. Чтобы уничтожить в ней стыд и неловкость, я вынуждал её самым грязным образом совокупляться с толпами скота.

— Так всё было ложью, обманом, — качал головой Сотэр.

— Неправда! — Вистра сбросила напускную отчуждённость, и сделала резкий шаг вперёд, освобождаясь из объятий Онгхуса.

Эльфийку трясло; она так сжала кулаки, что острые ногти впились в ладони. Более не пряча глаз, Вистра прямо смотрела на паладина.

— Не всё ложь! — горечь, обида и сожаление смешались в крике Вистры. — Я правда хотела быть ближе к тебе, Сотэр! Ведь это был последний раз, когда я ещё могу ощутить твою близость, твоё тепло! Я сделала это не потому, что должна, а потому что сама так хотела!.. Сотэр. Атти. Я люблю вас. Но поймите, однажды всё это — любовь, надежда и другие стремления — канет в неизвестность, когда мы умрём. Всё исчезнет вместе с нами. Какой смысл что-то возрождать, если после смерти это перестанет существовать для меня? Нет, не хочу безвозвратно сгинуть. И вам того не желаю... Сотэр, Атти. Прошу, не препятствуйте императору! Тогда, быть может, и вас одарят бессмертием. Я буду ходатайствовать об этом! Пожалуйста.

— Просто отойти в сторону, и смотреть, как Онгхус выпьет Источник? — ненадолго призадумался Сотэр.

Вместо ответа он отодвинул Атти, уже закончившего перевязку, и спустился с алтаря, чтобы подобрать с земли меч. Киния тоже подняла свой клинок, с которого всё ещё капала кровь Дормира. К глазам Вистры подступили слёзы. Бой с братьями, а значит, их окончательная смерть — неизбежны.

— Ничего страшного, Вистра, — сказал Онгхус. — Скоро станешь бессмертной и освободишься от груза переживаний или привязанностей. А потому делай, что должно.

Онгхус развёл руки, и начал сотворение сложного боевого заклятья. Повинуясь неслышимой команде, демон-нежить звучно затопал к алтарю.

— Уна, прерви заклятье! — Киния ещё не успела договорить, а призрак уже летела к

личу и Вистре.

Покосившись на паладина, вампирша увидела, как он пытается зажечь клинок. Но вместо яркого сияния получалось скудное свечение.

— Не надо, не лезь в ближний бой, — бросила Киния. — Нужно проворство, а ты ранен. Держись позади и попробуй изобразить что-то на расстоянии.

Вампирша устремилась навстречу демону, когда он поднимался по самой крутой части склона холма, собираясь застать врага в неустойчивом положении. Но прежде Кинии схватку начала Уна. Она хотела дорваться до Онгхуса, чтобы сбить подготовку заклятья, однако хозяйина прикрыла Вистра. Она запустила вверх сеть из волшебного пламени. Призрак увернулась не без потерь — горячая ловушка больно подпалила бок Уны. Кружа над головами, призрак вновь и вновь пыталась дотянуться до Онгхуса или Вистры, но та всякий раз отгоняла магическим пламенем. Иногда Уна тоже колдовала — эльфийка легко отбивала все заклятья. Ей больше не приходилось скрывать свою полную силу, так что Вистра показывала себя весьма искусной чародейкой. К тому же никаких симпатий к призраку она не испытывала, и была на поражение.

Проскочив под дымящейся секирой, Киния рубанула по ноге, оставив на кости зазубрину. Череп демона носил трещину от удара вампирши в их первом бою. Однако теперь вместо крепких массивных костей Киния резонно задумала последовательно рубить самые тонкие места ног. Если получится нанести хоть лёгкие переломы, то это ограничит подвижность громадины. Лезвие секиры мелькнуло рядом с лицом Кинии — увернулась. Помня о том сражении во внутреннем дворе замка Эмраса, она благоразумно сделала ставку на уклоны. Силы демона и тяжести его секиры хватит, чтобы пробить любой блок или сломать меч.

Пока Киния скакала вокруг костяного гиганта, вылавливая удобные моменты для прорубания ног, Атти предсказуемо побежал к ручью. До чистого серебристого потока всего несколько десятков шагов, уже хорошо слышно весёлое журчание воды. Когда оставался последний рывок до бережка, прямо на пути упал огненный шар. Перед носом взвилось пламя, опалив волосы Атти. От нестерпимого жара эльф отшатнулся, и завалился на спину. Приподнявшись, он заметил, как Вистра смотрит на него, и в её взгляде явственно читается предупреждение: не лезь. Кажется, этого хватило: Атти сидя щупал разгорячённое лицо, опасаясь повторно приближаться к ручью.

В очередной раз провалилась попытка паладина сотворить волшебный луч, чтобы ударить по Онгхусу с дальней дистанции. Не удавалось собрать достаточно магической силы. Это походило на попытку удержать кучу песка в ладонях с широко растопыренными пальцами — как не старайся, а всё равно многое ссыпается. «Бесполезно, — наконец сдался Сотэр». Бить на расстоянии нельзя, помочь Кинии в ближнем бою против демона — невозможно. Из-за раны Сотэру было нелегко держаться на ногах. Однако и оставаться безучастным он не мог. Опираясь на меч, паладин заковылял в обход вампирши и демона.

Своими массивными копытами он вспахал всю землю на месте боя. Кинии удалось ещё пару раз рубануть по ногам, но все последующие уловки враг быстро распознавал, и блокировал удары. «Умён! — не получилось чисто избежать последней атаки — демон огненной секирой срезал-сжёг верхний пласт плечевой мышцы, заставив Кинию вскрикнуть от боли. — Слишком умён. Похоже, зачарование Онгхуса дало твари тактическое мышление. Это революция в искусстве некромантии!» Правда, не получалось восхититься этим в полной мере: «революция» жестоко насадала. Киния сделала выпад с вампирским рывком,

вознамерившись свалить демона — он стоял на наклонной поверхности. Однако противник отбил удар, и сразу же занял место поровнее.

Ещё хуже бой обернулся для Уны. Вистра всё-таки подловила призрака: огненная плеть хлестнула по бесплотной шее. Завопив, призрак упала на землю. Используя присущую всем духам способность, Уна хотела провалиться ещё ниже, чтобы скрыться под каменным полом. Но к своему ужасу обнаружила, что её тело обрело твёрдость. Куда-то делось умение летать, помутнение в голове мешало сосредоточиться на сотворении заклятий. Сейчас Уна была не сильнее привидений из Бесхозной нежити.

— Я сковала тебя заклятьем плоти, — холодно сказала Вистра. — Это ненадолго, но времени хватит, чтобы сжечь тебя. Учись. Хотя о чём это я, тебе уже поздно учиться...

Эльфийка призвала силу для добывающего заклятья.

— Ой-ой-ой, — вырвалась у призрака, когда её заставил сощуриться свет от разгорающегося в кулаке Вистры пламени.

Эльфийка уже была готова спустить заклятье, но ей на глаза попался Сотэр. Вонзая клинок в землю, юноша ковылял к Вистре. Своим появлением он застал её врасплох, так что волшебница ненадолго позабыла и про подбитую Уну, и про скопленную магию. Паладин же прибавил шаг, насколько мог.

— Куда идёшь? — прошептала Вистра. — Зачем?

Она не сразу сообразила, что столь пронзительно Сотэр смотрит не на неё, а на стоящего рядом Онгхуса, который всё ещё занят плетением чар. «Нельзя допустить, чтобы он приблизился к императору! — эльфийка встряхнулась».

Сбросив ступор, Вистра направила часть собранной магии в сторону паладина. На пути Сотэра зажглась огненная стена. Он замер, посмотрел вверх языков пламени сперва на эльфийку, а потом на Онгхуса... и двинулся дальше. Затаив дыхание, Вистра наблюдала, как Сотэр бредёт к огню, как морщится и прикрывает глаза, когда жар нещадно касается лица. Но юноша не останавливается, не отворачивается, даже не пробует прикрыться. Он нетвёрдой, но упорной походкой ступает дальше.

Ещё шаг, и нога оказывается прямо в огне. Сотэр зарычал от боли, но призвал всю свою волю, чтобы сделать следующий шаг.

— Стой, — выдохнула Вистра.

Пламя танцует у колен, от чернеющих сапог идёт дым. Паладин стиснул зубы, на шее и висках выступили жилы, лицо заливал пот. Ещё шаг.

— Стой! — закричала эльфийка.

Заорал и Сотэр. Меч выпал из руки, обожжённые ноги подогнулись, и юноша упал. Упал бы прямо в пламя, но нервы Вистры не выдержали, и она погасила огонь. Рассеялась магия, которую волшебница собрала для убийства Уны.

— Сотэр! — Вистра опустилась на колени при виде юноши, что корчился на прогоревшей земле.

С болью в сердце Атти наблюдал за этой сценой. Однако не растерялся, и воспользовался подвернувшейся возможностью. Больше никто не чинил препятствий, так что можно было наконец добежать до ручья. Запрыгнув в воду, Атти вонзил трезубец в песчаное дно, и начал создавать заклятье. Хотел ли друид ударить по Онгхусу, призвать магического помощника или же соткать волшебный барьер — этого так никто и не узнал. Могло показаться, что демон целиком поглощён боем с Кинией. Но едва эльф взялся за волшебство, демон отбил от вампирши, схватил камень, и запустил его. К счастью для Атти, в

метании чудовище оказалось не столько искусным, как в мастерстве ближнего боя: камень лишь краем зацепил спину. Впрочем, этого хватило, чтобы сбить заклятье и ранить эльфа. Застонав, он упал в воду на четвереньки.

«Проклятье! — выругалась про себя Киния. — Драться с демоном можно до бесконечности. Только нет бесконечности, Онгхус вот-вот закончит. Надо что-то менять. Как?»

Ответ пришёл в виде ветвящихся молний, что с оглушительным грохотом одна за другой ударяли в грудную клетку демона. Ошарашенная Киния прижалась к земле, бросив меч. По дымящимся костям чудовища пошли трещины; откуда-то из черепа вырвался рёв, словно донёсшийся из самых глубин пылающего ада. Последняя молния отбросила демона чуть ли не к самому выходу.

Когда всё стихло, Киния оглянулась, и узрела у алтаря Дормира. За покрасневшей от крови длинной бородой не было видно раны, нанесённой смертельным ударом вампирши — смертельным, как ей тогда казалось. Жрец уверенно держался на ногах, как будто полчаса назад ему не пронзили грудь двуручником.

— Ого, — Киния чуть привстала. — Спасибо что ли.

— Архг-х! Хотел сразу двоих прибить, — с досадой выкрикнул жрец, чьи глаза словно тоже метали молнии, — да промахнулся, старый!

Вот только Онгхус не собирался промахиваться — он завершил заклятье. Свет потускнел, и гигантская пещера, возможно, впервые за многие века погрузилась в полумрак. По каменному куполу заскользили огромные тени, отбрасываемые древесным Источником жизни. Над головой лича-императора появился большой шар, состоящий из сотен человеческих черепов. Онгхус щёлкнул костяными пальцами, так что звук эхом пронёсся через всё помещение. Это словно послужило командой для черепов: они одновременно раскрыли челюсти, а в глазницах зажглись фиолетовые огоньки. Онгхус вытянул руку, указывая на... Дормира.

Ещё мгновение, и черепа разлетелись по сторонам, а затем словно пчёлы устремились к жрецу. Это заклятье лич готовил для вампирши и друида, но счёл объявившегося жреца более важной целью. Дормир создал магический барьер, который смотрелся как голубоватый и прозрачный купол. Первые черепа, влетая в него, разлетались костяной крошкой. Поначалу волшебный барьер сдерживал натиск, но последних летающих тварей хватило, чтобы проломить защиту, и атаковать жреца. Врезавшись в Дормира, черепа взрывались, в итоге чуть ли не вбивая его в землю.

Свет засиял в пещере как раньше, вернулась тишина. Не отрывая взора от Сотэра, который больше не двигался, а только тяжело дышал, Вистра поднялась.

— Сотэр, — жалостливо произнесла эльфийка.

Она направилась к нему, больше не видя ничего и никого вокруг. Прошла всего несколько шагов — сзади набросилась Уна. Призрак погрузила невесомые руки в нутро эльфийки, но на сей раз не для того, чтобы парализовать. Холодные бесплотные пальцы будто сжали сердце. Тело больше не слушалось Вистру, дыхание пресеклось. Она свалилась как подкошенная.

— Гасни-гасни-гасни, свечка! — победно затараторила Уна, посылая к сердцу убийственные магические импульсы. — Никогда тебя не любила. Умри!

Вистра чувствовала, как жизнь стремительно покидает её, но не могла даже вскрикнуть. Она хотела ещё раз произнести имя паладина, хотя бы мысленно, однако сознание поглотил

непроглядный мрак.

— Ты тоже умрёшь.

Онгхус схватил Уну за волосы, и запрокинул её голову. Призрак дёрнулась, пытаясь вырваться, да не смогла — второй рукой лич вцепился в шею. Он сотворил заклятье, отчасти похожее на то, которое Уна посылала к сердцу Вистры, только это было настроено против бесплотной нежити. Затем Онгхус встряхнул визжащую Уну, и отбросил её словно прибитую крысу.

Когда лич повернулся к холму, то обнаружил крадущуюся Кинию. Пускай заклятье Онгхуса было направлено в основном против Дормира, несколько черепов всё же атаковали вампиршу. От одних она отбилась, но другие успели потрепать Кинию. Получив глубокие раны, вампирша не могла совершать рывки и вообще резко передвигаться. Сейчас она ползла на коленях, влача меч. От императора Кинию отделяло не меньше ста пятидесяти шагов. Слишком большое расстояние для того, кто не может хотя бы идти. Тем более если твой враг творит разрушительное заклятье.

— Живой ещё? — Киния доползла до Сотэра. — Жаль, что довела вас до этого. Не успеваю. Даже клинок метнуть сил нет.

Сотэр открыл глаза, и повернулся к вампирше.

— Помнишь, как учила меня в детстве? — прохрипел паладин. — Говорила, что важен не только свет, но и тьма.

«Помешался от боли, бедолага, — подумала Киния».

— Сейчас не время предаваться воспоминаниям, — сказала вампирша, собирая волю для последнего рывка в сторону колдующего Онгхуса.

— Подожди. Послушай, — Сотэр говорил торопливо, стараясь побыстрее выложить свои мысли, хотя его измученному телу нелегко давалось произношение слов. — Ты сказала, что важен не только свет, но и тьма. Что они противоположны друг другу, но равнозначны, ведь являются неотъемлемой частью мира. Постигай свет, но не забывай о почтении к тьме. Свет да защитит тьму. Ты говорила так.

Он потянулся к вампирше.

— Возьми мою руку. И твори тёмное боевое заклятье.

— Зачем? Я и простой таран создать не могу.

Она уже собиралась отвернуться, и пустить остатки выносливости на рывок, но что-то её сдерживало. Для обезумевшего человека уж слишком осмысленным был взгляд Сотэра.

— Твори заклятье, и я тоже попробую что-то изобразить, — настаивал юноша. — Давай хотя бы сейчас беззаветно доверимся друг другу.

— Нам конец, — сдалась Киния.

Она схватила его за руку, и посмотрела на Онгхуса, заканчивающего колдовать. А затем сотворила самое простейшее боевое заклятье тьмы, которым наставники обучают недавно обращённых вампиров. Сотэр тоже призвал ещё доступную ему магию света.

Ничтожное волшебство, по отдельности не способное навредить одному из самых могущественных личей Эпохи тьмы. Однако души паладина и вампирши будто воссоединились. Их свет и тьма слились в третью силу, которая стояла у истоков бытия, и существовала в первые мгновения мира. Вместо детских чар Сотэр и Киния сотворили небывалое заклятье: над ними появилось щупальце из чёрных клуб, которые изнутри прорезали всполохи, словно грозовую тучу. Извернувшись, щупальце светотьмы устремилось к Онгхусу.

Несмотря на неожиданную упреждающую атаку, лич перенаправил магию, собранную для боевого заклятья, на сотворение барьера. Щупальце врезалось в преграду, ломая один защитный слой за другим.

— Да что это за колдовство?! — удивился Онгхус.

Киния могла поклясться, что впервые за все времена, что знала Онгхуса, отчётливо разобрала в его словах эмоции. Многие искусные маги не смогли бы устоять перед заклятьем светотьмы. Однако император держался, заменяя каждый разрушенный барьер новым. Чары Сотэра и Кинии слабели, исчерпываясь быстрее, чем силы Онгхуса.

— Выстою, — в голос лича вернулось равнодушие.

Сосредоточенный на поддержании магического щита, Онгхус запоздало заметил Атти. Друид больше не лез в родную стихию, из которой его выгнали дважды. На сей раз эльф избрал тактику, которую от него никто не ждал. С трезубцем наперевес он топал на лича.

— Что ты заду...

Атти ткнул его трезубцем. Ткнул медленно, неуклюже, не вкладывая вес тела. Таким ударом разве что бездомную псину отгонять. Но сталь, зачарованная мастерами морских глубин, сделала своё дело. Острия сломали рёбра лича, заодно сбив поддержание магического барьера. Волшебные щиты раскололись, и уже слабеющее заклятье светотьмы щупальцем обрушилось на Онгхуса.

Когда оно рассеялось, на месте лича показалась только горстка костяной пыли.

— Как такое возможно? Ведь твой хозяин погиб.

Киния поднялась на дрожащие ноги, и выставила перед собой меч, не представляя, как выдержит ещё одну схватку. За пылью, которая полминуты назад была Онгхусом, стоял костяной демон. Весь в трещинах и царапинах, со сломанным рогом, но вполне живой, если так можно сказать про нежить. После смерти некроманта, с которым связана Водимая нежить, она должна либо рассыпаться, либо замереть. Но демон топтался, перехватывая секиру так и сяк, и оглядывался по сторонам.

— Ну, давай, подходи.

Вампирша храбрилась, понимая, что демон, если он сохранил хоть толику силы, сметёт одним ударом. Однако костяной великан не рвался в бой, будучи потрепанным не меньше Кинии.

— Не сейчас, — вдруг пророкотал демон. — Но мы ещё продолжим сражение. Я приду за вами.

Пригнувшись, он ступил за порог выхода.

— Вот это да, — протянула Киния, глядя вслед демону. — Так ты всё это время только притворялся Водимой нежитью. А сам свободен.

Когда чудовище скрылось, вампирша осмотрела поле боя. Сотэр лежал без сознания. Он умирал. Заклятье светотьмы истощило юношу, он получил тяжёлые ожоги, но не это всё привело его к порогу смерти, как поняла Киния. Рана, нанесённая вампиршей на алтаре — вот из-за чего жизнь покидала паладина. Он потерял слишком много крови.

Рядом с костяной пылью растянулась Вистра. И тоже погибала после нападения Уны. А вот и она, хочет сама перерезать ниточку жизни.

— Все цветочки вянут однажды, — призрак «села» около Вистры. — Знаешь, я не просто убью тебя. Я выпью твою душу.

Едва Уна расправила ладонь, чтобы начать поглощение, как раздался воинственный крик:

— Уйди! Не позволю!

Атти замахал трезубцем, отгоняя призрака.

— Чего развопился?! — зашипела Уна, отлетая. — Она всё равно вот-вот сдохнет! Так чего добру пропадать?

Он ещё раз ткнул трезубцем в сторону призрака, и та с ворчанием отступила, не решаясь связываться с на редкость разъярённым друидом.

— Госпожа, хоть ты ему втолкуй! — обиделась Уна. — Госпожа!.. Да ну вас всех. Лучше слетаю последить за демоном...

Атти взял Вистру за руку.

— Не покидай нас, сестра, — бормотал он.

— Итак, оба умирают, — заключила вампирша. — Один ненавидит нежить. Другая хочет стать нежитью.

Раздумывая, Киния переводила взгляд с лица Сотэра на лицо Вистры, и обратно. Наконец, отбросив сомнения, вампирша побрела к паладину.

Присев, Киния аккуратно положила его голову к себе на колени. Погладила седые волосы юноши. А затем взяла меч, и порезала клинком запястье — своё. Вампирская кровь

заструилась по руке. Киния приоткрыла уста Сотэра, и приложила к ним свежую рану.

— Пей, мой дорогой, — ласково приговаривала вампирша.

Она сознавала, что вероятность обращения весьма невелика. Мало того, что паладин изранен и сам не может пить. Так он ещё не проходил особых ритуалов, что помогают принять вампирскую природу. Кроме того, обращению может помешать суть паладина, пускай и ослабленная. И всё же Киния надеялась.

Изнурённая, она не услышала, как сзади подбирается Дормир с подготовленным боевым заклятьем. С суровым выражением лица, не сулящим пощады для нежити, осквернившей святилище любимого божества, он прицелился, направив кончик посоха на вампиршу.

— Не умирай, мой дорогой, — убаюкивающе сказала Киния. — Не покидай этот мир. Ведь ты ещё принесёшь в него свет. И мы вместе возродим жизнь. Вместе с тобой мы вернём леса Эпохи света. Освободим живых. И ты будешь для них защитником. Мы создадим поселение, где все найдут приют: как живые, так и изгнанники из нежити, что готовы существовать мирно. Только не умирай, Сотэр. И всё будет. Обещаю...

Дормир медленно опустил посох. Киния повторяла одно и то же на разный манер. Послушав ещё немного, жрец рассеял боевое заклятье.

— Я чувствую, что ты говоришь правдиво, — промолвил Дормир. — Вижу искренность в твоих словах. Несмотря на твои ужасающие преступления, я пощажу тебя. И помогу возродить жизнь. Быть может, юнец прав, и судьба даровала мне долгую жизнь или бессмертие именно ради этого.

Тяжко вздохнул Атти, когда понял, что сердце Вистры навсегда остановилось.